

СОВРЕМЕННОКИ О ТУРГЕНЕВЕ

ВОСПОМИНАНИЯ Е. И. БЛАРАМБЕРГ (Апрелева-Ардов)

Публикация С. А. Ипатовой

Обширные воспоминания о Тургеневе писательницы, переводчицы, знакомой и корреспондентки писателя Елены Ивановны Бларамберг (в замужестве Апрелева; псевдоним Ардов; 1846–1923) охватывают период их наиболее интенсивного общения (1871–1880), как эпистолярного,¹ так и личного, когда она, будучи подругой старшей дочери П. Виардо Луизы Эригт, подолгу гостила в доме Виардо в Париже, дважды в Буживале, в Спасском-Лутовинове, неоднократно встречалась с Тургеневым в России. Воспоминания Бларамберг, впервые опубликованные в газете «Русские ведомости» в самом начале XX века,² известны специалистам, использующим их в качестве авторитетного источника сведений о писателе, зачастую единственного, однако давность и малодоступность первой газетной публикации, фрагментарность последующих воспроизведений, а также отсутствие надлежащего комментария затрудняют в настоящее время работу с этим источником.

Ценность воспоминаний, сверенных с автографом и републикуемых в полном объеме, очевидна и обусловлена обилием приведенных здесь биографических сведений о Тургеневе, описаний его быта и окружения, встреч, высказываний о русских и зарубежных писателях, композиторах, художниках, а также

---

¹ Известны 11 писем и 3 записки Тургенева к Бларамберг, а также 3 ее письма (черновики) к писателю (ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 33–35). См. *Приложение I*.

² См.: Ардов Е. (Апрелева). Из воспоминаний об И. С. Тургеневе // *РусВед*. 1904. 4, 15, 18, 22, 25 января. Выдержки из воспоминаний публиковались в «Новом времени», где Бларамберг была аттестована как «известная романистка» (1904. 17 (30) января. № 10011. С. 3; 24 января (6 февраля). № 10018. С. 4; рубрика «Из газет и журналов»). Часть мемуаров Бларамберг, со значительными купюрами, была включена в издание: *Т в восп совр (1)*. Т. 2. С. 172–200; то же: *Т в восп совр (2)*. Т. 2. С. 165–191.

о политических и культурных событиях этого периода, о собственном творчестве и шире — о современной литературе и искусстве — сведений, подчас оставшихся за пределами имеющегося эпистолярия. С ученической скрупулезностью Бларамберг не только цитирует Тургенева, но и фиксирует высказывания о самом писателе окружавших его людей; свидетельствует о событиях, в которых писатель принимал участие, создавая таким образом контекст эпохи, столь важный для исследователя. Мемуаристка могла наблюдать жизнь Тургенева в Париже и Буживале практически день за днем, составив своего рода летопись сопутствовавших писателю разнообразных событий и его реакции на них, его окружение, детали обстановки, мелочи повседневного быта — все то, что легко ускользает, но из чего складывается подлинная биография. В целом Бларамберг предельно объективна и достоверна, что подтверждается как другими биографическими источниками, так и последующими исследовательскими разысканиями.

Родилась Бларамберг в Оренбурге в семье генерала-геодезиста.³ Получила хорошее домашнее образование. Вскоре семья переехала в Петербург (1854). Выдержав экзамен в Петербургском университете на звание домашней учительницы (1868), преподавала в воскресных школах. В самом конце 1860-х годов предприняла поездку в Прагу и Дрезден, где изучала устройство детских садов и начальных школ; три семестра была вольным слушателем философского факультета Женевского университета (1871–1875). В начале 1870-х годов Бларамберг начала сотрудничать в журналах «Русская старина», «Журнал министерства народного просвещения» и «Народная школа», где помещала переводы и компиляции; составила книгу «Игры и занятия для детей» (СПб., 1870). В 1871 году издатель журнала «Семья и школа» Ю. И. Симашко предложил ей редактировать «Детский отдел» журнала. Под редакцией Бларамберг вышло семь первых книжек, в которых в этом же году были помещены написанные ею «Очерки Восточной Сибири» (№ 1, 2; подпись: Е. Бларамберг); за подписью «М. Бларамберг» вышли статьи педагогического содержания: «Симферопольский детский приют» (№ 2), «Фребель и его метод воспитания» (№ 1–3 и 5), а также несколько детских рассказов.⁴ Активно занималась переводческой деятельностью: в ее переводе с французского вышли две книги, посвященные социально-просветительской тематике.⁵ Литературным интересам Бларамберг способствовал ее старший брат Павел Иванович Бларамберг (1841–1907), известный компози-

---

³ Бларамберг Иван Федорович, фон (1800–1878), известен своими статистическими, историческими и этнографическими трудами о народах Северного Кавказа, Персии и др. (см., например: Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И. Ф. Бларамбергом в 1841 году. СПб., 1853). Его личный фонд, насчитывающий 18 ед. хр. (1830–1878), см.: *РГВИА*. Ф. 289. Оп. 1.

⁴ См.: Систематический указатель статей, напечатанных в журнале «Семья и школа» с 1871 по 1876 год включительно. СПб., 1877. Кн. 1–2.

⁵ См.: *Гитто* <К. С.>. Общественное образование в Соединенных Штатах / Пер. Е. Бларамберг. СПб., 1872; *Жонво* Э. Нынешняя Америка / С предисл. Лабулэ; пер. Е. Бларамберг. СПб., 1872.

Е. И. Бларамберг. Фотография Левицкой.
Петербург, 1875 г.

тор, переводчик и журналист, сотрудник политического отдела газеты «Русские ведомости», в которую привел сестру в качестве сотрудника в 1878 году; параллельно преподавал в Московском филармоническом училище.⁶ Таким образом, к моменту знакомства с Тургеневым Бларамберг имела некий литературный опыт.

---

⁶ Подробнее о нем см.: *Щетинин Б. А.* Идеалист-шестидесятник <Некролог> // *ИВ.* 1907. № 6. С. 347–348; *П. И. Бларамберг* <Некролог> // *РусВед.* 1907. № 62. Автор музыки к стихотворениям в прозе Тургенева «Лазурное царство» и «Как хороши, как свежи были розы...» (см.: Каталог выставки в память И. С. Тургенева в имп. Академии наук. Март 1909 / Сост. Ф. А. Витберг, Б. Л. Модзалевский. 2-е изд., с испр. СПб., 1909. Раздел: «Тургенев в музыке». С. 157. Далее — *Каталог выставки*).

С Тургеневым Бларамберг познакомилась в Петербурге в доме В. С. Серовой, вдовы композитора А. Н. Серова, скорее всего 16–18 февраля (28 февраля — 2 марта) 1871 года, однако, судя по словам Тургенева, приведенным в воспоминаниях («Я уже знаком с Вами заочно, — дружески сказал он»), он мог знать о ней от Луизы Эритт, которая, как отмечает мемуаристка, «писала домой обо мне». ⁷ Вероятно, имея в виду встречу с Луизой Эритт и Бларамберг у Серовой, Тургенев вечером 19 февраля (3 марта) 1871 года написал П. Виардо: «М-ль Демидова (подруга Луизы) исчезла с горизонта» и «заменена (потому что раб необходим всегда) — некоей м-ль Бларамберг, которая производит на меня впечатление серьезной и несколько педантичной особы. Со мною — старым болваном — она (Луиза. — С. И.) держится величественно-презрительно». ⁸ Вторая встреча с писателем произошла «три-четыре дня спустя», когда Тургенев вновь посетил Серову вечером 20 февраля (4 марта) 1871 года по окончании диспута между С. К. Брюлловой и В. Д. Сиповским, состоявшегося в Петербургском Педагогическом обществе. ⁹

Летом 1875 года, по прошествии более четырех лет после знакомства с писателем в Петербурге, Бларамберг гостила в Брюсселе у Л. Эритт, которая решила «тайно» отправить Тургеневу первую пробу пера своей подруги — «два или три записанных» по ее просьбе рассказы, «импровизированных в длинные зимние вечера, которые мы проводили с нею в Дрездене» (вероятно, зимой 1874/75 г.). «Рассказы эти утрачены, — вспоминала Бларамберг; — содержания их не помню, но отзыв Ивана Сергеевича побудил меня приняться за более серьезную работу». По инициативе той же Луизы Эритт, писателю была отправлена в Париж и рукопись первой части задуманного Бларамберг романа (окончательное название: «Без вины виноватые») «на рассмотрение вместе с просьбой дать рекомендательные письма к лицам, причастным к литературе». ¹⁰

---

⁷ Следует отметить, что знакомство Бларамберг с Луизой Эритт могло состояться через брата и его жену, оперную и драматическую актрису *Бларамберг-Чернову Мину Карловну* (урожд. баронесса Врангель; 1845–1909), изучавшую вокал у Луизы Эритт в Брюсселе в конце 1860-х гг.

⁸ *ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 314. Подлинник по-франц. Незадолго до знакомства с Бларамберг у Серовой, вечером 14 (26) февраля 1871 г. Тургенев написал П. Виардо отчет о большом концерте (в пользу хора русской оперной труппы под руководством Э. Ф. Направника) в Мариинском театре, где среди прочих артистов пела Луиза Эритт, а также принимала участие «девица Бларамберг, которая, кажется, ходит теперь в рабынях» у Луизы (см.: Там же. С. 311). Встретившись с Луизой Эритт в Петербурге в феврале 1871 г., Тургенев 11 (23) марта 1871 г. описал П. Виардо свои впечатления о ней и ее окружении, включая, вероятно, Бларамберг: «горькое и гордое одиночество — около нее несколько существ женского пола в положении рабынь» (Там же. С. 327).

⁹ О диспуте см. письмо Тургенева к П. Виардо от 22 февраля (6 марта) 1871 г.: Там же. С. 315.

¹⁰ Письмо Луизы Эритт к Тургеневу от лета (до начала августа) 1875 г., приложенное к рукописи Бларамберг, неизвестно.

В ответном письме из Буживаля от 13 (25) августа 1875 года Тургенев, возвращая рукопись, благожелательно отозвался о новом произведении начинающей беллетристки: «Оно, конечно, носит еще печать незрелости; в слогe встречаются небрежности — но нет сомнения, что оно плод ума наблюдательного, начитанного — и теплого, правдивого сердца. Талант также заметен; должно надеяться, что он разовьется со временем».¹¹ Высказав Бларамберг ряд критических замечаний (неправильное словоупотребление, неуместная ирония, шаблонность фигуры главного персонажа, длинноты в разговорах и др.), Тургенев посоветовал ей рассказывать «просто и правдиво: оно же лучше идет к Вашей натуре, как я ее понимаю»; а также «продолжать работать — и Вы можете достигнуть хороших результатов». Поскольку именно Л. Эритт просила Тургенева помочь с устройством рукописи, писатель добавил: «Из письма моего к Луизе (да и кроме того) Вы знаете, что мое литературное влияние почти равняется нулю — если не в глазах публики — то в глазах издателей и журналистов, с которыми я прервал почти все сношения; и потому не пеняйте на меня, если я не могу сделать для Вас столько, сколько бы я желал».¹² Однако уже 5 (17) сентября 1875 года Тургенев при встрече с М. М. Стасюлевицем в Париже, скорее всего, говорил с ним о романе своей протеже, о чем свидетельствует письмо самой Бларамберг от 26 марта ст. ст. 1876 года к Стасюлевицу: «Прошное лето во время пребывания Вашего во Франции И. С. Тургенев говорил Вам о прилагаемой здесь рукописи. Не найдете ли Вы возможным поместить ее в Вашем уважаемом журнале?».¹³

В октябре 1875 года Бларамберг вернулась в Россию с намерением стать профессиональным литератором и журналистом. Рекомендательные письма Тургенева, адресованные А. Ф. Писемскому,¹⁴ сотруднику «Санкт-Петербургских ве-

---

¹¹ ПССиП(2). Письма. Т. 14. С. 130.

¹² Там же. С. 130–131.

¹³ См.: Стасюлевиц. Т. 3. С. 639.

¹⁴ 29 августа (10 сентября) 1875 г. Тургенев писал А. Ф. Писемскому из Буживаля: «Одна моя хорошая знакомая, девица Е. Бларамберг, вручит вам настоящее письмо. Обстоятельства вынуждают ее пуститься в так называемое литературное море. У ней есть несомненный талант, она образованна и трудолюбива. Сам я нахожусь, как вы знаете, вдали от всего этого; но мне весьма бы хотелось помочь ей в первое, самое тяжкое и трудное, время. <...> примите в ней участие, помогите ей советом и делом — она вполне этого заслуживает — а я буду вам искренне благодарен за всё, что вы сделаете для нее» (ПССиП(2). Письма. Т. 14. С. 139). Писемский ответил Тургеневу 29 октября (10 ноября) 1875 г.: «Рекомендованную мне вами девицу Бларамберг я мог рекомендовать Гатцуку (издателю маленькой газеты). Он задал ей перевод, а именно статьи Юльана Шмидта обо мне и об вас, которые она перевела и перевела очень хорошо. Статейки эти уже пошли» (Писемский. С. 327). Статья Ю. Шмидта «Тургенев и Писемский» в переводе Бларамберг вскоре была опубликована в «Газете Гатцука» (1875. № 42–44. С. 695–699, 711–715, 730–732). Позже о Писемском, принявшем участие в ее литературной судьбе, Бларамберг оставила

домостей» И. П. Золотницкому,¹⁵ редактору-издателю газет «Неделя» и «Наш век» Е. И. Рагозину,¹⁶ помогли Бларамберг войти в московские и петербургские литературные круги и начать публиковать свои произведения. На «средах» Писемского она познакомилась и завязала дружеские и деловые отношения с А. Н. Островским, которому по его просьбе редактировала перевод пьесы «Богатые невесты» для французской сцены;¹⁷ с П. И. Мельниковым (Печерским), А. И. Кошелевым, С. А. Юрьевым, П. А. Стрепетовой¹⁸ и др. В 1875–1876 годах стараниями Писемского, сочувственно отнесшегося к ее литературной деятельности, Бларамберг работала в Москве в качестве помощника редактора в «Газете Гатцука», в этот период в течение восьми месяцев сотрудничала в «Русских ведомостях», замещая своего брата П. И. Бларамберга на время его болезни. «Я не была новичком в литературном труде, — вспоминала она, — с переводами и компиляциями была давно знакома; но ближайшего участия в современной ежедневной прессе, даже в скромной роли переводчицы, я не принимала».¹⁹

Расширяя свои знакомства с деятелями литературы и искусства, Бларамберг познакомилась с М. М. Антокольским,²⁰ семейством Е. Г. и С. И. Мамонтовых, в подмосковной усадьбе которых в Абрамцеве была частым гостем и куда 6 (18) августа 1878 года Тургенев вместе с Бларамберг предприняли совместную поездку; с А. Н. Серовым и его женой В. С. Серовой, П. М. Третьяковым и др. В Абрамцеве Бларамберг познакомилась и подружилась с И. Е. Репиным,²¹ которому (как и В. С. Серова, а также домашняя портниха Репиных С. А. де Бове) послужила натурой для головы царевны Софьи, обладавшей властным, сильным характером (этиод «Царевна Софья» экспонировался на вы-

---

теплые воспоминания (см.: *Ардов (Апрелева) Е. У* Алексея Феофилактовича Писемского // *РусВед*. 1905. 10 апреля. № 97. С. 4–5; 14 апреля. № 101. С. 3–4; далее: *Воспоминания о Писемском (1–2)*).

¹⁵ 29 августа (10 сентября) 1875 г. Тургенев писал Золотницкому о Бларамберг: «Девушка Е. Бларамберг, которая передаст Вам это письмо, хорошая моя знакомая — и я принимаю в ней искреннее участие. Она талантлива, умна, образованна и трудолюбива; обстоятельства принуждают ее жить своим трудом — своим пером. <...> если Вы можете доставить ей сотрудничество в „С.-Петербургских ведомостях“, я Вам буду очень благодарен — да, я надеюсь, и журнал скажет Вам спасибо» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 138).

¹⁶ См.: Там же. Т. 15. Кн. 2. С. 123. Письмо от 12 (24) апреля 1877 г.

¹⁷ См.: *Воспоминания о Писемском (2)*. С. 3.

¹⁸ Письма Стрепетовой к Бларамберг (1880–1893) см.: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 98–102.

¹⁹ *Ардов-Апрелева Е.* Из воспоминаний о сотрудничестве в «Русских ведомостях» // *Русские ведомости*. 1863–1913. Сб. ст. М., 1913. С. 160.

²⁰ См.: *Варенцова Е. М.* Письма М. М. Антокольского Е. И. Апрелевой-Бларамберг // *Спасский вестник*. 2001. Вып. 8. С. 135–147.

²¹ Известно одно письмо Репина к Бларамберг (б. д.) (см.: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 92).

И. Е. Репин. Этюд для головы царевны Софьи.
Исполнен с Е. И. Бларамберг. 1878 г.

ставках Репина в 1891 и 1924 гг.; считается утерянным).²² Черты Бларамберг, позировавшей художнику, присутствуют в картине «Правительница царевна Софья Алексеевна, через год после заключения ее в Новодевичьем монастыре, во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги, 1698 года» (1879; ГТГ).

Зиму 1876 года по апрель 1877 года Бларамберг провела в Париже. В Буживале, в доме Виардо, вновь не без участия Тургенева она, продолжая работать

---

²² Подробнее об этом см.: *Зильберштейн И.* Утраченные портреты писателей работы Репина // *Огонек*. 1950. № 40. С. 23–25. Здесь же помещена репродукция этого этюда. Репин начал работать над картиной в декабре 1877 г., закончил ее в 1879 г. См. также: *Письма И. Е. Репина: В 2 т. М.; Л., 1949. Т. 2: И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка / Под ред. А. К. Лебедева. С. 25, 233, примеч. А. К. Лебедева и Г. К. Буровой.*

над романом «Без вины виноватые», написала рассказ «Аполлос Маркович» (в окончательном варианте: «Аполлон Маркович»), ставший первой ее публикацией. 21 октября (2 ноября) 1876 года Тургенев рекомендовал его М. М. Стасюлевичу для помещения в «Вестнике Европы»: «Я Вам отправил вчера небольшой рассказ, подписанный буквами Л. А. Автор его — некто д-ца Елена Бларамберг. Я нахожу, что эта небольшая вещь не лишена таланта — и могла бы быть помещена в декабрьской книжке „Вестника Европы“. Если Вы того же мнения, будьте так любезны — известите меня. Этот рассказ — первый опыт молодого пера».²³ В ожидании ответа Тургенев вновь обратился к Стасюлевичу 30 октября (11 ноября) и 28 ноября (10 декабря) 1876 года.²⁴ Однако Стасюлевич нашел рассказ слабым и отказался печатать его. «Мне кажется, — писал ему Тургенев 7 (19) декабря 1876 года, — Вы немного строги к г-же Бларамберг: *соприкосновение рук*, действительно, несколько смешно — но это легко устранить; а самый рассказ не лишен таланта».²⁵ Возможно, разделяя мнение Стасюлевича о достоинстве рассказа, Тургенев все же не терял надежды пристроить первый опыт своей протеже: «Вы положительно отказываетесь от печатания ее очерка „Аполлон Маркович“ — даже если будут сделаны надлежащие изменения?» — написал он редактору «Вестника Европы» 31 декабря 1876 года (12 января 1877 года)²⁶ и вскоре добавил: «Насчет повести, сочиненной девицей Б<ларамберг>, скажу, что я вообще себя хорошим критиком не признаю — вероятно потому, что читаю между строками и т. д. — Вероятно, Вы правы — (хотя орфографической ошибки она не сделала; имя ее барина не Аполлон, а Аполлос). Но это мы всё приведем в ясность, когда я приеду в Петербург <...>».²⁷ Однако в отношении публикации рассказа Стасюлевич остался непреклонен, возможно еще и потому, что в редакции журнала уже имелся роман Бларамберг «Без вины виноватые».

Вскоре, 12 (24) апреля 1877 года, писатель вновь обратился к редактору газеты «Наш век» Е. И. Рагозину, рекомендуя Бларамберг в качестве сотрудника газеты: «Позвольте отрекомендовать Вам *самым теплым образом* подательницу этого письма, хорошую мою знакомую Елену Ивановну Бларамберг. Она возвращается из Парижа в Россию и может сделаться драгоценным сотрудником для „Нашего века“ — так как у нее замечательный литературный талант, который, я не сомневаюсь в том, получит свою настоящую оценку. (В редакции „Вестника Европы“ находится один ее роман, который, вероятно, скоро появится; „Indépendance Belge“ приняла перевод одного из ее рассказов — и пожелала другой). У Е. И. Бларамберг в портфеле хранятся другие рассказы, которые могли бы весьма пригодиться для Вашего фельетона. Вообще Елена

²³ ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 195.

²⁴ Там же. С. 206, 239.

²⁵ Там же. С. 247.

²⁶ Там же. С. 278.

²⁷ Там же. Кн. 2. С. 44.

Ивановна личность весьма симпатическая — и я уверен, что при нашем свидании в Петербурге Вы поблагодарите меня за то, что я доставил Вам случай познакомиться с нею. С своей стороны — я Вас заранее благодарю за всё, что Вы сделаете для нее <...>».²⁸ Рагозин внял просьбе Тургенева, и наконец «Аполлон Маркович» появился в газете «Наш век».²⁹ Именно этот рассказ впервые был подписан псевдонимом «Ардов», составленным из анаграммы «Виардо». В подстрочных примечаниях от редакции говорилось: «Мы обращаем особенное внимание читателей на этот рассказ начинающего писателя, имеющего несомненный талант. Роман, написанный им, вероятно, появится в непродолжительном времени в одном из русских месячных журналов». Здесь же вскоре был напечатан одобрительный отзыв читателя, получившего «высоко эстетическое наслаждение» от чтения «прелестного» рассказа: «в нем столько художественно реальной правды, столько весьма тонких психологических штрихов, что он увлекает читателя».³⁰ По всей видимости, стараниями Луизы Эритт, при посредстве ее знакомого Шарля Анри Тардые, рассказ появился в редактировавшейся им газете «Indépendance Belge» (1877. 1–9 июня) во французском переводе («Apollon Markowitch», подпись: L. Ardoff³¹), а месяцем позже, в июле 1877 года, здесь же была опубликована новелла Бларамберг «La vieille fille, nouvelle russe» («Старая дева, русский рассказ»; на русском языке не публиковалась).³²

13 (25) апреля 1877 года в связи с отъездом Бларамберг из Парижа Тургенев, получив от Стасюлевича решительный отказ опубликовать рассказ «Аполлон Маркович», вновь взывает к редактору «Вестника Европы» и снабжает свою протезе рекомендательным письмом к нему: «Девушка Бларамберг сегодня выезжает отсюда — прямо в Петербург. — Ждите ее посещения. Окажите ей покровительство: она хорошая девушка — и с талантом».³³ На этот раз имелся

---

²⁸ ПССУП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 123. См. также письма Тургенева к Рагозину от 13 (25) апреля 1877 г. и 29 августа (10 сентября) 1875 г.: Там же. С. 125; Т. 14. С. 139–140.

²⁹ См.: Наш век. 1877. 21–23 апреля. № 50–52. См. также письма Рагозина (3) к Бларамберг (18 апреля — 24 мая 1877 г.): ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 91.

³⁰ Л—ъ. Письмо в редакцию // Наш век. 1877. 28 апреля. № 57. С. 3.

³¹ 1 июня н. ст. 1877 г., в день выхода первой главы рассказа, Ш. Тардые написал Бларамберг: «Мы с большим удовольствием перечитали сегодня утром первую главу „Аполлона Марковича“, и мы передаем ее нашей дорогой подруге Луизе Эритт, чтобы она направила ее вам туда, где вы скрываетесь в глуши степей» (цит. по: Варенцова Е. М. Письма Мальвины Тардые Е. И. Апрелевой-Бларамберг // Спасский вестник. 2008. Вып. 15. С. 207). М. Тардые была замужем за публицистом, музыкальным критиком Ш. Тардые (1838–1909).

³² Подробнее о публикации обеих повестей в газете «Indépendance Belge» («Независимость Бельгии») см.: Варенцова Е. М. Письма Мальвины Тардые Е. И. Апрелевой-Бларамберг. С. 202–208.

³³ См.: ПССУП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 126.

в виду ее роман «Без вины виноватые» («Одна из многих»), начатый ею в Брюсселе летом 1875 года, несколько раз переработанный по замечаниям Тургенева и законченный в Париже в феврале 1877 года.³⁴ Бларамберг описала одну из встреч с писателем в его парижской квартире в апреле 1877 года. Благодаря стараниям Тургенева, роман наконец был опубликован в «Вестнике Европы».³⁵ Не исключено, что тема романа — угнетенное положение женщины в браке — в какой-то мере отвечала житейской ситуации Луизы Эритт, оставившей мужа и ребенка ради карьеры певицы и композитора.

Критика сдержанно встретила это произведение. Так, рецензент «Северного вестника» заметил, что у автора «есть проблески некоторых писательских способностей».³⁶ В «Новом времени» отрицательной рецензией откликнулся В. П. Буренин: «Если брать в расчет литературное достоинство этого романа, то его смело можно было бы пройти молчанием: в художественном отношении это произведение представляется посредственным в полной мере». Досталось в рецензии и Тургеневу, продемонстрировавшему, по словам Буренина, что рекомендации «от знаменитых литераторов даются весьма часто посредственностям; живой пример рекомендации г. Тургенева поэту Случевскому и знаменитой даме, сочинившей знаменитую итальянскую новеллу» (речь идет об очерке «Фиорио» Н. В. Гаспарини). Сюжет романа «Без вины виноватые» в изложении Буренина неоригинален: «прекрасная юная девица с невинными взглядами на жизнь», не найдя в муже «чистого ангела» и обретя «варвара» и «тирана», свела счеты с жизнью. Здесь же Буренин отметил, что другое произведение автора, опубликованное в газете «Наш век» («Апполон Маркович»), представляет собой «плохонький и рутинный рассказец».³⁷

Сам факт прихода в русскую литературу женщин Тургенев относил к «знаменаниям времени» и с энтузиазмом принимал участие в судьбах начинающих писательниц. Так, в письме к Стасюлевичу от 26 октября (7 ноября) 1877 года

---

³⁴ 30 августа 1877 г. Бларамберг писала брату из Спасского: «Стасюлевиц был у Тургенева и говорил, что роман в общем произвел хорошее впечатление!» (*ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 17. Л. 2).

³⁵ См.: *ВЕ*. 1877. № 7. С. 60–155; № 8. С. 421–511 (подпись: Ардов).

³⁶ Северный вестник. 1877. 16 (28) июля. № 77. С. 1 (подпись: X).

³⁷ См.: Буренин В. П. Литературные очерки. Кое-что по поводу романа «Без вины виноватые» и кое-что о самом романе // *НВр*. 1877. 26 августа (7 сентября). № 536. С. 2. «Вы, может быть, знаете, — писал 2 (14) сентября 1875 г. Тургенев, рекомендуя вниманию Стасюлевица «преlestную» повесть другой начинающей беллетристки Е. В. Львовой, — что я способен ошибаться в критических моих суждениях в хорошую сторону — т. е. я способен увлекаться — и даже заслужил по этому поводу эпиграмму покойного Щербины <...>» (*ПССиП(2)*. Письма. Т. 14. С. 142). Имелся в виду «Сонник современной русской литературы», где о писателе сказано: «Тургенева во сне видеть — предвещает получить тонкую способность суметь откопать талант там, где его вовсе нет, хоть бы это было даже в государственных людях России» (*Щербина Н. Ф.* Полное собрание сочинений. СПб., 1873. С. 334).

он замечал об А. Н. Луканиной: «...это несомненный, замечательный талант — (не чета д-це Бларамбер, о которой я, впрочем, ничего дурного сказать не намерен)».³⁸ Продолжая участвовать в писательской судьбе начинающей беллетристки, Тургенев советовал Г. Флоберу взять Бларамберг в качестве русского переводчика его повести «*Sœur simple*».³⁹

В июле 1877 года по приглашению Тургенева Бларамберг гостила в Спасском-Лутовинове, куда приехала не только отдохнуть и набраться впечатлений из народной жизни, но и изучить опыт школьного дела, организованного Е. М. Якушкиной, соседкой писателя. Бларамберг подружилась с Якушкиной, состояла с ней в переписке (1878–1892).⁴⁰ «В это лето, — вспоминала С. Г. Щепкина, жена управляющего Спасским Н. А. Щепкина, — у него (Тургенева. — С. И.) гостила писательница г-жа Ардова, познакомившаяся с нашей соседкой по имению, Елизаветой Мардарьевной Якушкиной, передовой дамой, занятой исключительно делом народного образования. Преподаванием у нее занимался один господин ссыльный и сама она считалась поднадзорной. Тем не менее им обоим удалось образовать крестьянский банк и воскресные чтения для взрослых, посещавшиеся усердно не только ее крестьянами, но и из соседних деревень».⁴¹ Позже Бларамберг опубликовала воспоминания о ней.⁴² Страницы воспоминаний о Спасском — одни из наиболее ценных — содержат подробное описание тургеневской усадьбы и дома, утративших с тех пор свой первоначальный вид.

6 (18) августа 1878 года Тургенев вместе с Бларамберг предприняли совместную поездку в Абрамцево, близ станции Хотьково Ярославской железной дороги к Е. Г. и С. И. Мамонтовым. Здесь писатель встретился с семьей Репина, с М. В. Праховым, А. П. Боголюбовым. Репин писал В. В. Стасову 7 (19) августа 1878 года: «...вчера неожиданно-негаданно привалил к нам Иван Тургенев <...> с госпожою Бларамберг; очень был в хорошем духе, много рассказывал и нашу публику очень одолжил <...>».⁴³ На следующий день Тургенев и Бларамберг

³⁸ ПССИП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 256.

³⁹ В письме от 27 октября (8 ноября) 1876 г. Тургенев сообщал Флоберу: «Кажется, я нашел хорошего переводчика для „Простого сердца“» (Там же. Т. 15. Кн. 1. С. 329. Подлинник по-франц.).

⁴⁰ См.: Варенцова Е. М. Письма Е. М. Якушкиной к Е. И. Апрелевой // Спасский вестник. 2004. Вып. 11. С. 258–268.

⁴¹ И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове (Воспоминания С. Г. Щепкиной) // Красный архив. 1940. Т. 3 (100). С. 214. Далее — Щепкина.

⁴² Ардов-Апрелева Е. Одна из немногих (Памяти Е. М. Якушкиной) // РусВед. 1908. 15, 23 февраля. № 38, 45.

⁴³ См.: Письма И. Е. Репина. Т. 2. С. 35. Подробные воспоминания о пребывании Тургенева в тот день в имении Абрамцево оставил сын Мамонтовых Сергей, впоследствии писатель и театральный критик: «Тургенев приехал с утренним поездом <...> ученики местной сельской школы собрались во дворе усадьбы», ожидая «великого писателя земли русской»; как «Тургенев обедал, как он гулял по парку, как

предприняли поездку к Третьяковым в Кунцево, ее описание — одно из самых ярких в ее воспоминаниях.⁴⁴

Весной 1883 года Бларамберг обратилась к своей знакомой, дочери П. Виардо Марианне Дювернуа с просьбой сообщать ей в Россию о состоянии здоровья смертельно больного Тургенева (письмо неизвестно); сохранились три письма М. Дювернуа, датированные 6 апреля, 5 мая и 18 октября н. ст. 1883 года,⁴⁵ выдержки из которых Бларамберг использовала в своих воспоминаниях о Тургеневе. Через четыре года после этой публикации Н. М. Гутьяр в статье «Иван Сергеевич Тургенев и семейство Виардо-Гарсиа»⁴⁶ процитировал фрагмент из последнего письма М. Дювернуа, что дало ей основание в письме от 14 (26) декабря 1908 года заявить редактору «Вестника Европы» о фальсификации ее писем,

---

он заходил в гоголевскую комнату, я, по малолетству своему, не помню. / Помню только его отъезд. Были мобилизованы, кажется, все экипажи, имевшиеся в имении; даже школьная учительница и приходский батюшка, престарелый о. Иоанн, проводили Ивана Сергеевича в стареньком тарантасе»; на станцию «приехали мы чуть ли не за час до поезда, Тургенева провели в дамскую комнату. Очевидно, начальник станции не был чужд литературе»; множество людей смотрели на него «жадными глазами» и ловили «каждое его слово. А Тургенев грузно сидел в станционном клеенчатом кресле и говорил об охоте»; впоследствии он узнал, что Иван Сергеевич, гуляя по берегу исторической реки Вори, вспоминал о том, как они уживали в ней с С. Т. Аксаковым (*Мамонтов В. С. Тургенев (Воспоминание дальних лет) // Родник. 1911. № 8. С. 139–141; см. также: Мамонтов В. С. Воспоминания о русских художниках. Абрамцевский художественный кружок. 2-е изд. М., 1951. С. 13–14).*

⁴⁴ Любопытные воспоминания об этом августовском вечере в Кунцево и чтении Тургеневым рассказа «Пожар на море», опубликованного лишь посмертно, оставила дочь П. М. Третьякова А. П. Боткина: «Подъехала коляска. В ней сидел большой беловолосый старик и с ним дама (Бларамберг. — *С. И.*)». В большой столовой он «негромким спокойным голосом разговаривал с нашими родителями. <...> Вдруг старик оживился — он что-то рассказывал. Голос его повышался, стал ясный, и я уже слышала весь его рассказ. Этот усталый, тяжелый человек стал жив и молод, голос его раскатывался, особенно когда он менял его, изображая разных лиц... / Он рассказывал о пожаре на пароходе, на котором он ехал в Германию. Этот рассказ я прочитала много лет спустя в посмертном издании сочинений Тургенева. / Второй раз он был в феврале 1879 года. В Толмачах (в доме Третьяковых в Лаврушинском пер. — *С. И.* В *Летописи (1876–1883)* не отмечено). Опять вечером. С ним была та же спутница — писательница Бларамберг. <...> За чайным столом, за которым он широко расположился, он водил карандашом по листу бумаги, рисовал профили — типы церковного старосты, нотариуса; и вдруг предложил нарисовать с закрытыми глазами, не отрывая карандаша от бумаги, одним штрихом Венеру Медицейскую. Все облепили его. Вокруг него стоял стон от смеха. Этот рисунок сохранился (см.: *ГТГ. Ф. 1. № 5776. Л. 1–2. — С. И.*)» (*Боткина А. П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1993. С. 114).*

⁴⁵ См.: *ГЛИМ. Ф. 3. Оп. 1. № 63. Л. 1–7 об.*

⁴⁶ См.: *ВЕ. 1908. № 8. С. 433–434.*

поскольку она «никогда ничего не писала г-ну Ардову», которого не знает «даже по имени».⁴⁷ 12 (25) января 1909 года Стасюлевич обратился к Бларамберг за разъяснением, справедливо полагая, что псевдоним «Ардов», которым подписаны ее воспоминания в «Русских ведомостях», неизвестен М. Дювернуа. К своему ответу Стасюлевичу от 14 (27) января 1909 года Бларамберг в доказательство приложила подлинники писем М. Дювернуа⁴⁸ и в тот же день написала самой М. Дювернуа: «Конечно, Вы не знакомы с господином Ардовым, но Вы когда-то прежде были знакомы с мадемуазель Еленой Бларамберг, впоследствии мадам Апрелевой, и именно ей были адресованы указанные письма. Публикуя двадцать один год спустя после кончины Тургенева несколько отрывков из Ваших писем — я получила только три письма с одними лишь подробностями о болезни и смерти Тургенева, — я не считала, что допустила бестактность. Эти волнующие подробности были бесценны для нас, соотечественников писателя, столь дорогого нам, и содержали всё только самое лестное как для автора писем, так и для семьи Виардо».⁴⁹ Стасюлевич опубликовал письмо Бларамберг к нему, сопроводив его собственными комментариями.⁵⁰ Инцидент был исчерпан.

Публикации романа «Без вины виноватые» и рассказа «Аполлон Маркович», состоявшиеся при непосредственном редакторском участии и протекции Тургенева, составили Бларамберг имя и определили ее дальнейшую писательскую судьбу, сложившуюся вполне удачно. Беллетристка активно сотрудничала в журналах «Дело»,⁵¹ «Русская мысль», в сборниках «Дело» (М., 1899), «На помощь учащимся женщинам» (М., 1901) и др. В газете «Русские ведомости» публиковались ее рассказы, очерки, эскизы, путевые заметки, написанные по впечатлениям от путешествий с мужем П. В. Апрелевым⁵² по Украине, Крыму,

---

⁴⁷ См.: Стасюлевич М. М. Письмо г-жи Марианны Дювернуа-Виардо // *ВЕ*. 1909. № 1. С. 438–439.

⁴⁸ См.: Стасюлевич. Т. 3. С. 640–642.

⁴⁹ Письма Марианны Дювернуа к Е. И. Апрелевой (Бларамберг) и «инцидент» с ними связанный / Публ. Е. М. Варенцовой // *Тургенев. НИИМ* (2). С. 375. Здесь же см. изложение всей истории: С. 362–377.

⁵⁰ См.: Стасюлевич М. М. Ответ Ел. Ив. Апрелевой по поводу протеста г-жи Марианны Дювернуа-Виардо // *ВЕ*. 1909. № 2. С. 892–893.

⁵¹ В июне 1884 г. редактор издания Н. В. Шелгунов был арестован. Желая спасти журнал, он предложил Бларамберг приобрести «Дело», писательница согласилась, однако Е. М. Феокистов (начальник Главного управления по делам печати) посоветовал ей «не рисковать своими деньгами», так как участь журнала была предрешена. См. об этом: *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 493.

⁵² *Апрелев Петр Васильевич* (1841–1906), подпоручик в отставке, статский советник, поэт (псевдоним Петр Деревский), по некоторым сведениям — член «Земли и воли»; был убит в своем имении в 1906 г. во время революционных событий; послужной список, а также тетрадь его стихотворений см.: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 270, 148.

Средней Азии («Крымские очерки», «Среднеазиатские очерки»), а также мемуары о Тургеневе, Писемском, Н. В. Шелгунове,⁵³ Е. М. Якушкиной. В иллюстрированном приложении к «Новому времени» были опубликованы «Воспоминания об Александре Николаевиче Серове».⁵⁴ Эпизодически Бларамберг сотрудничала в журналах «Детское чтение», «Детский отдых», «Родник». Отдельными изданиями вышли роман «Руфина Каздоева» (СПб., 1892), сборник рассказов «Эскизы» (М., 1893), рассказы для детей среднего возраста «Два мира» (СПб., 1909; 2-е изд.: Пг., 1915), «Волшебное стеклышко. Рассказы для детей младшего возраста» (Пг., 1915). Роман «Выдающаяся женщина» — последнее крупное беллетристическое произведение Бларамберг⁵⁵ — было прохладно встречено критикой.⁵⁶ Как драматург выступила с комедией «Битые черепки» (1898), которая, однако, заметного успеха не стяжала.⁵⁷

В 1904 году Бларамберг предложила в газету «Русские ведомости» свои воспоминания о Тургеневе. В письме к редактору газеты Д. Н. Анучину она замечала: «Посылая в редакцию статью под заглавием „Из воспоминаний об И. С. Тургеневе“, я считаю долгом обратить Ваше внимание на *точную* копию писем Тургенева, помещенную в тексте. Не считая возможным доверить

См. также: *Вандалковская М. Г.* Стихотворение шестидесятника П. В. Апрелева «Памяти товарищей XXIV курса» // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. М., 1986. С. 220–221.

⁵³ См.: *Ардов-Апрелева Е.* Муки редактора (Из писем Николая Васильевича Шелгунова. 1880–1884) // *РусВед.* 1909. 16 января. № 12. См. также письма Н. В. Шелгунова к Бларамберг (1882–1884): *ГЛМ.* Ф. 3. Оп. 1. № 124.

⁵⁴ См.: *НВр.* 1914. 1 (14) февраля. № 13611. С. 34–38. Иллюстрированное приложение.

⁵⁵ *РМ.* 1894. № 4, 5.

⁵⁶ «Посредственная» повесть «Выдающаяся женщина», писал В. П. Буренин, «посредственно» написана автором, не принадлежащим «к числу современных известностей»; повесть «любопытна, как образчик простодушной эротоманной беллетристики», где автора занимает преимущественно «комбинация любовных отношений: зрелая маменька, отбывающая любовь жениха дочери и юный жених, „с неотразимым сверканием“ променявший недозрелый плод на почти уже перезрелый» (*Буренин В.* Критические очерки. Эротомания в беллетристике // *НВр.* 1894. 22 апреля (4 мая). № 6517. С. 2). Н. К. Михайловский, иронизируя над такими описаниями, как «улыбка неги разжала сочные, пунцовые губы», полагал, что автор не видит здесь комизма и любит своей «выдающейся» героиней (см.: *Русское богатство.* 1894. № 7. Отд. II. С. 84–101; «Литература и жизнь»).

⁵⁷ Пьеса, написанная в 1879 г. под названием «Свояченица», на сцену не была допущена цензурным театральным комитетом. Под новым названием «Битые черепки» была поставлена 22 сентября ст. ст. 1898 г. в Театре литературно-художественного общества (Суворинский театр). Рецензент «Театра и искусства» А. Р. Кугель характеризовал тему пьесы как «запоздалые отражения жорж-зандизма» (1898. № 39. С. 686; подпись: Н. пов.).

почте подлинны письма, которые я доставлю лично в редакцию, я прошу Вас, если моя статья будет Вами одобрена к напечатанию, сохранить в письмах как знаки препинания, так и орфографию, привычные Тургеневу. Черточка у него заменяет порой запятые и точки».⁵⁸

В ходе подготовки выставки к 25-летию со дня кончины Тургенева, принятой императорской Академией наук, один из ее устроителей Ф. А. Витберг 10 февраля 1909 года обратился к писательнице с просьбой предоставить для экспозиции имеющиеся у нее материалы.⁵⁹ Бларамберг дала согласие,⁶⁰ приложив «реестр» отправленных экспонатов, среди которых письма и фотографии писателя, а также членов семьи Виардо. Приведем этот список полностью,⁶¹ поскольку местонахождение не всех предоставленных ему документов известно:

РЕЕСТР

писем Ивана Сергеевича Тургенева, портретов и проч., переданных Е. Ардов-Апрелевой (урожденной Бларамберг) члену Комитета по устройству в императорской Академии наук выставки в память И. С. Тургенева — профессору Федору Александровичу Витбергу.

Письма:

1. Bougival. Les Frênes. Середя, 25 августа 1875.
2. Париж, 50 rue de Douai, 20 янв. н. с. 1877 г. (записка).
3. Петербург. Большая Конюшенная, д. Петровской церкви, у г-жи Булье, кв. 15. 1/13 июня 1877 г.
4. С.-Петербург. Большая Конюшенная, д. Петровской церкви, у г-жи Булье. Пятница, 10/22 июня 1877 г.

---

⁵⁸ ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 13. Л. 1 (датируется по содержанию). См. также письмо редактора «Русских ведомостей» В. М. Соболевского к Бларамберг от 9 января 1904 г. по поводу публикации ее воспоминаний о Тургеневе: Там же. Ф. 3. Оп. 1. № 95.

⁵⁹ См.: Там же. № 58.

⁶⁰ Письмо неизвестно, но сохранились последующие ее письма к Витбергу по этому поводу (9 марта — 26 апреля 1909 г.: ИРЛИ. Ф. 52. Оп. 3. № 240. Л. 2–12).

⁶¹ Бларамберг предоставила не все имевшиеся у нее письма Тургенева. Ср. «Список писем Ивана Сергеевича Тургенева к матери нашей Елене Ивановне Апрелевой (Ардов), рожденной Бларамберг, сохранившиеся в ее архиве за границей» (ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 115. Л. 1–2), составленный 21 апреля 1929 г. в Шанхае сыновьями Бларамберг Борисом Петровичем Апрелевым (1888–1951), морским офицером, писателем, редактором эмигрантской газеты «Русское слово» в Шанхае; и Георгием (Юрием) Петровичем Апрелевым (1889–1964), подполковником царской армии, адъютантом генерала А. И. Деникина, в эмиграции — директор кадетского корпуса в Версале. Подробнее о сыновьях Бларамберг см.: Кислов В. Гатчина и гатчинцы в великой войне (1914–1918). Очерк 29. Братья Апрелевы: <http://kraeved-gatchina.de/>

5. С.-Петербург Большая Конюшенная, д. Петровской церкви, у г-жи Булье. Воскресение, 10/22 <июня> 1877 (Число помечено неверно: на штампе 12 июня 1877 г.).
6. С.-Петербург. Пятница, 17/29 июня 1877 г.
7. Буживаль. Les Frênes. Пятница, 3 сент./22 августа 77 г.
8. Буживаль. Seine-et-Oise. Les Frênes. Понедельник, 27/15 августа 77 г.
9. Спасское-Лутовиново. Орловской губ., город Мценск. Пятница, 11/23 августа 1878.
10. Записки: 1-я
11. 2-я карандашом: Е. И. Бларамберг у А. Ф. Писемского.
12. 3-я. Удельная контора. Вторник 1878 г. Все три записки написаны в Москве. Одно письмо Ивана Сергеевича Тургенева к Евг<ению> Иван<овичу> Рагозину. Одно письмо Елене Ив<ановне> Бларамберг от г-жи Полины Виардо.

Портреты:

1. И. С. Тургенев. Фотографический снимок с портрета Харламова.
2. г. Луи Виардо. Муж знаменитой певицы.
3. Три фотографические карточки г-жи Полины Виардо, из которых две с автографами. 1876–77 г.
4. Mlle Marianne Viardot (1877 г.), младшая дочь г-жи Полины Виардо, ныне Mme Marianne Duvernoy (Автограф).
5. Г-жа Эритт Виардо. Дебютировала в 1871 г. в опере «Рогнеда» А. Н. Серова.
6. Фотографическая карточка: Emile Zola. 1876 г.
7. Фотографическая карточка: Alphonse Daudet. 1876.
8. Фотографическая карточка: (1875 г.) Елена Ивановна Бларамберг.

Пять номеров «Русских ведомостей» за 1904 г.: статья Е. Ардов-Апрелевой: «Из воспоминаний об И. С. Тургеневе».

Е. Ардов-Апрелева.

г. Гатчина, 16-го февраля 1909 г.⁶²

Получив эти материалы, Витберг ответил благодарственным письмом от 17 февраля 1909 года.⁶³ Выставка открылась в большом конференц-зале Академии наук в 2 часа дня 8 марта 1909 года и, судя по многочисленным восторженным откликам в печати, имела огромный успех.⁶⁴

⁶² См.: ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 11. См. также: *Каталог выставки*. № 437–443, 469–471, 668, 893–895, 910, 914–916.

⁶³ См.: ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 58.

⁶⁴ См.: Открытие тургеневской выставки // *ИВ*. 1909. № 4. С. 384–386; *НВр*. 1909. 25 апреля. № 1185; *Измайлов А. А.* На Тургеневской выставке // *Бирж Вед*. 1909. 9 марта. № 10998. С. 3–5 (вечерний выпуск); *Речь*. 1909. 9 марта. № 66. С. 1–2; *Петербургский листок*. 1909. 9 марта. № 66. С. 3. Подробнее о выставке см.: *Ипатова С. А.* К истории юбилейной выставки «В память Тургенева» (март 1909): Письма (6) Е. И. Бларамберг (Е. Ардов-Апрелева) к Ф. А. Витбергу // *Тургеневский ежегодник 2014 года* / Сост. и ред. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрихина. Орел, 2015. С. 67–82.

Позже, 15 ноября 1911 года, с аналогичной просьбой предоставить имеющиеся у Бларамберг тургеневские материалы для выставки «Русские писатели XIX в.» к ней обратился директор Пушкинского Дома Н. А. Котляревский.⁶⁵ 8 декабря 1911 года Бларамберг ответила ему: «...кроме фотографических снимков И. С. Тургенева, А. Ф. Писемского (с автографами), Н. Д. Хвошинской (Крестовский — псевдоним), Н. В. Шелгунова и семь писем ко мне, а также фотографических снимков Полины Виардо, ее мужа Луи Виардо и дочерей: Луизы Эритт и Марианны Дювернуа — ничего более ценного, вышеупомянутым писателям принадлежавшим, у меня не имеется». Далее она выражала «полную готовность представить в распоряжение Комитета» имевшиеся у нее фотографии.⁶⁶ В 1919 году Бларамберг эмигрировала из России. Жила в Шанхае, где были изданы ее книги для детей «Как кролики победили кошек» (1922), «Ласточки» (1922). Умерла в Белграде в 1923 году, похоронена на Топчидерском кладбище.⁶⁷

Воспоминания печатаются по тексту первой публикации: *Ардов Е. (Апрелева)*. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе // *РусВед*. 1904. 4 января. № 4. С. 2–3; 15 января. № 15. С. 3–4; 18 января. № 18. С. 3; 22 января. № 22. С. 3; 25 января. № 25. С. 3–4.

Текст сверен с черновым автографом: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 4, где воспоминания имеют иное заглавие «Знакомство с И. С. Тургеневым. 1871–1880 г.» (Л. 3). Здесь же сохранился фрагмент начала воспоминаний, озаглавленный «Встречи с Тургеневым» (Л. 2 об.). В подстрочных примечаниях восстановлены и оговорены отсутствующие в окончательном тексте эпизоды. Текст сверен также с машинописью, имеющей незначительную авторскую правку стилистического характера, в основном учтенную в окончательном тексте (см.: Там же. Ф. 3. Оп. 1. № 5).

Местонахождение писем Бларамберг к Тургеневу неизвестно. Сохранились черновики 3 ее писем к писателю (см. *Приложение I*).

В 1914 году участница Тургеневского кружка под руководством Н. К. Пиксанова Г. Н. Сысова посетила престарелую Бларамберг и составила запись беседы с ней о Тургеневе, содержащую дополнительные сведения к опубликованным воспоминаниям Бларамберг (см. *Приложение II*).

Искренне благодарю старшего научного сотрудника Отдела рукописей и документов ГЛМ (Москва) Евгению Михайловну Варенцову за предоставленную возможность работать с архивом Бларамберг.

⁶⁵ См.: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 74 (см. также его письмо к П. Л. Вакселю от 13 ноября 1911 г. о предоставлении экспонатов на эту выставку: *РНБ*. Ф. 123. № 265).

⁶⁶ *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 27. Л. 1–2. Никаких сведений, состоялась ли выставка «Русские писатели XIX в.», обнаружить не удалось.

⁶⁷ Подробнее о Бларамберг см.: *Голицын Н. Н.* Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. С. 27; *Мысляков В. А.* Ардов // *Русские писатели*. Т. 1. С. 102–103; *Zviguilsky T.* Une disciple de Tourguéniev: Eléna Blaramberg-Ardov-Apréleva (1846–1923). Pour le cinquantenaire de sa naissance // *Cahiers*. № 20 (1996). P. 103–107; *Назарова Л. Н.* Бларамберг (Бларамбер) Елена Ивановна // *Тургенев. НИИМ* (2). С. 272–273.

Е. Ардов (Апрелева)

Из воспоминаний об И. С. Тургеневе

Это было в марте 1871 г., вскоре после кончины А. Н. Серова.¹ Мы собрались у вдовы покойного композитора, В. С. Серовой,² и в ожидании Тургенева сидели в небольшой, скромно, если не скудно меблированной комнате, служившей музыкальной чете, кажется, чем-то вроде гостиной.

Старшая дочь Полины Виардо, г-жа Луиза Эритт,³ жила в это время у В. С. Серовой, и ее-то и хотел навестить Иван Сергеевич в этот достопамятный для меня вечер.⁴

Дверь из гостиной была отворена в маленькую переднюю. Квартира Серовых находилась в верхнем этаже большого дома на Васильевском острове.⁵ Не знаю, что чувствовали другие, но меня малейший шум на лестнице приводил в волнение.

Поклонение нашего поколения Тургеневу до появления романов «Отцы и дети» и «Дым» было восторженное. Без критики принимали мы всё, что выходило из-под его пера, и зачитывались каждой страницей, зачитывались все, но особенно молодые девушки... Наталья («Рудин»), Лиза («Дворянское гнездо»), Елена («Накануне») — являлись руководящим идеалом для той или другой, смотря по темпераменту и характеру. После появления «Отцов и детей» восторженное поклонение заменилось отрицательным, а у иных — даже враждебным отношением. Для меня переход от безусловного поклонения к отрицанию тоже совершился, но талант большого художника не померк в моих глазах, и возможность познакомиться с ним лично вызывала и радость, и чувство робости.

Тургенев приехал прямо с вечера в пользу Литературного фонда, на котором он читал; приехал поздно.⁶ Мы уже потеряли надежду его увидеть.

Г-жа Эритт и В. С. Серова встретили его в передней. Когда он, следуя за ними, появился в дверях гостиной, меня, прежде всего, поразили его рост, ширина плеч и красота головы, покрытой седыми, густыми волосами, прядь которых спускалась ему на широкий, поперечными морщинами перерезанный лоб. Рядом с хозяйкою дома и г-жой Эритт — обе небольшого роста — он казался великаном.

Продолжая начатый в передней разговор, Тургенев, надевая рinсе-пез на плоской черной ленте, замешкался несколько в дверях.

— Ошибали!.. Форменным образом ошибали! — смеясь, говорил он на ходу и с этими словами вошел к нам.

Нерешительность, как бы слабость походки поразила меня не менее высокого роста. Впоследствии, когда я имела случай видеть его во фраке, мне бросилась в глаза тонина, дряблость длинных ног, не соответствующих могучему туловищу, что, вероятно, и обуславливало отсутствие твердости в походке и легкое раскачиванье стана, которое часто принимали за небрежную барскую повадку.

В. С. Серова

Г-жа Эритт представила меня ему.

Он мягко обхватил мою руку своею красивой, выхоленной, белой рукой и остановил на мне внимательный, как бы испытующий взгляд прекрасных, вдумчивых и несколько грустных глаз.

— Я уже знаком с Вами заочно, — дружески сказал он.

Голос его, слабый, глухой при обыкновенном разговоре и высокий в пылу спора или гнева, тоже не соответствовал ни львиной могучей голове, ни могучему бюсту.

Он обвел всех глазами и непринужденно опустился в кресло у дивана, на котором рядом с ним села г-жа Эритт.

— Ошибали! — повторил он, все так же посмеиваясь.

Смеялся он заразительно, по-детски, обнаруживая белые, частые, мелкие зубы сквозь седые усы, соединявшиеся с серебристо-белой, волнистой, мягкою, как шелк, бородой.^a

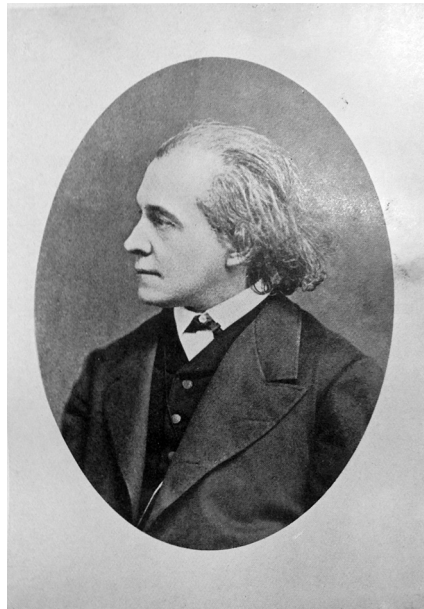
---

^a *Далее в рукописи:*

— Кажется даже апельсином бросили.

— У нас не бросаются апельсинами, — резко произнесла сидевшая в углу стриженная юная девица, вся в черном.

На вид ей было не более 17 лет.

А. Н. Серов

— Странное ощущение, когда шикают!.. Я подождал, постоял, поклонился и ушел с эстрады.

— *Voions, Tourguéneff!*..⁶ Это Вы говорите только для красного словца, — сказала г-жа Эритт. — Никто Тургеневу не станет шикавать!

— Факт остается фактом, — настаивал он на своем.

Иван Сергеевич, поправляя *rinse-nez*, обернулся к ней.

— Потому что апельсины дороги? — очень мягко спросил он, дружески всматриваясь в некрасивое, красное от волнения личико...

— Нет... а потому... потому что это свинство... Мы протестуем иначе.

— А! *вы* протестуете иначе... Ну хорошо, оставим апельсины... Факт тот, что меня ошкаркали... — обернулся он снова к г-же Эритт.

— Шикали за «Отцов и детей», — храбро выпалила та же девица. — Это конечно свинство... Шикавать не следовало... Но... но...

Но тут бедная девочка, кажется, на одобрительные жесты таких же юных, как и она товарищей, растерялась и с полными слез глазами замолкла.

Иван Сергеевич все с той же снисходительной улыбкой подождал, что она скажет, и, не дождавшись, обернулся снова к г-же Эритт (*ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 4. Л. 10 об.-11. Далее указываются только листы*).⁷

⁶ *Послушайте, Тургенев!.. (франц.).*

А факт был тот, что его встретили аплодисментами и аплодисментами же сопровождали его чтение. Только в задних рядах раздался слабый протест. Взрыв аплодисментов покрыл его, но настороженное ухо автора «Отцов и детей» уловило и этот намек на протест, который как бы подтвердил нарекание, вызванное со стороны молодежи знаменитым романом.

Со времени появления «Отцов и детей» Иван Сергеевич, как он мне впоследствии рассказывал, получил немало писем обвинительного свойства. В резких выражениях и брани авторы писем не стеснялись... Один из них даже дошел до письменного заявления, что-де... «такого» (следует грубое ругательство) «не зазорно и подстрелить из-за угла» (sic!).⁸

Иван Сергеевич рассказывал, что в письмах из Гейдельберга ему грозили приехать в Баден-Баден, где он жил, со специальной целью «разделаться» с ним...⁹

Угрозы оставались угрозами, но обвинения и непопулярность, размеры которой он, впрочем, живя за границей, преувеличивал, не могли не наложить своей печати.

Известно, что после приема, оказанного его роману «Дым», давшего повод к новым нареканиям в отступничестве, в измене прежним идеалам и т. д., он даже решил отказаться от писательства. Понятно, что и тогда, четыре года спустя, он прислушивался не к сочувственным горячим аплодисментам, которыми встречала любимого писателя публика, собравшаяся на литературный вечер, а к отдельным, терявшимся среди аплодисментов знакам неодобрения, служившим для него показателем не изменившегося по отношению к нему настроения.

Разговор велся на французском языке, изредка сбиваясь на русский, так как г-жа Эритт по-русски не говорила. Мало-помалу Тургенев стал исключительно обращаться к ней, сообщая вести об ее семье, переехавшей после франко-прусской войны из Баден-Бадена в Париж.

Посторонние лица, из которых многие не владели французским языком, чувствуя себя лишними, стали постепенно выходить из комнаты. Встала и я. Тургенев тотчас же поднялся и, ссылаясь на поздний час, объявил, что ему пора домой.^в

— Позвольте Вас проводить, — обратился он ко мне.

Неожиданность предложения, волнение, робость, овладевшие мною при мысли, что я весь долгий путь с Васильевского острова до Гагаринской, где жили мои родители, проеду с глазу на глаз с писателем, к которому относилась с юношеской восторженностью, лишили было меня слова; но он заго-

---

^в *Далее в рукописи:*

— Вы где живете? — спросил он неожиданно меня.

— На Гагаринской — ответила я, застигнутая врасплох (Л. 12).

ворил так просто, так добросердечно, лишь только попавшийся нам плохой извозчик потащил нас кое-как по рыхлому снегу, что я скоро оправилась и спокойно, без трепета могла слушать и отвечать ему. А заговорил он прежде всего о г-же Эритт.[†] Она писала домой обо мне, и ему, очевидно, хотелось ближе познакомиться со мной. Я знала уже из ее рассказов, как близко Иван Сергеевич принимает к сердцу интересы г-жи Полины Виардо и ее семьи. Разговор о старшей дочери знаменитой певицы, веденный в самом дружеском, искреннем тоне, подтвердил мне это.¹⁰ Мало-помалу, однако, беседа перешла на другие темы и коснулась отрицательного отношения русского современного общества к искусству вообще и к художественной литературе в частности...

— Россия переживает такое время, когда художественные произведения ей не нужны, — сказал он между прочим. — Вы говорите, — продолжал он мне в ответ, — о влиянии, какое я будто бы имею, о той любви, какую пользуюсь... Это относится к прошлому, а теперь я вижу только резко выраженную враждебность... Новые птицы, новые песни... Нам, отсталым писателям, пора и умолкнуть...[‡]

Разговаривая, мы вышли из саней, поднялись на подъезд и остановились перед раскрытой швейцаром дверью, из которой струился яркий свет газа... И неизгладимо запечатлелись у меня в памяти освещенная газом высокая, в шубу закутанная фигура писателя, крупные черты характерного лица с грустными, вдумчивыми глазами, мягкий голос, произнесший несколько добрых слов на прощанье.

Три-четыре дня спустя мы снова коротали вечер в ожидании Тургенева у В. С. Серовой. Он и в этот раз приехал поздно, прямо с педагогического диспута Софьи Константиновны Кавелиной с известным преподавателем истории, Сиповским, если не ошибаюсь.

Впечатление, вынесенное им с этого диспута, было огромное, потрясающее.¹²

[†] *Далее в рукописи:* Г-жа Эритт разошлась со своей семьей... Здесь не место говорить, почему, но так или иначе родные были ею недовольны... (Л. 12 об.).

[‡] *В конце черновой тетради приведен вариант этого разговора:* мало-помалу незаметно перешел на подавленное унылое настроение, господствующее в обществе и на его отрицательное отношение к искусству вообще и к художественной литературе в частности... «Россия переживает такое время, когда художественные произведения ей не нужны... (Печной горшок тебе дороже / Ты пищу в нем себе варишь!..¹¹ / Привел он не без легкой горечи стих своего любимого поэта). Польза, экономический вопрос теперь на первом плане... Нам, отсталым писателям, не грех и умолкнуть... Вы говорите, — продолжал он, возражая на мои протесты, — о моем влиянии на молодое поколение... В прошлом, может быть... А ныне — я вижу только резко выраженную вражду... (Л. 24–24 об.).

Молоденькая, восемнадцатилетняя девушка с ясными глазами в сером платье и белом платочке на шее поразила его и многосторонним знанием, и точностью, определенностью приводимых ею доводов, и тою простотой, искренностью и сдержанностью, с которыми она вела прения в присутствии многочисленных слушателей.

Тургенев был очарован, но его приводило в восхищение и внушало ему какое-то трогательное благоговение главным образом то, что эта очаровавшая его девушка была *русская* девушка. В ней он видел нарождающийся новый тип честной, благородной *русской* женщины, бодрой, умной, кроткой, веселой при изумительном трудолюбии и обширном образовании.

Лицо его, когда он это высказывал, сияло, и глаза утратили обычное грустное выражение. Для него вечер в педагогическом собрании, на котором так блистательно выступила талантливая, симпатичная русская девушка, составлял радостное событие, и радость эта подтверждала его горячую любовь к родине... Какими несправедливыми показались мне упорно преследующие его упреки в том, что он, живя за границей, изменил России, разлюбил ее...

В этот приезд Тургенева в Петербург я более с ним не встречалась.

Года четыре спустя г-жа Эритт тайно от меня отправила ему два или три записанных мною, по ее просьбе, рассказа, импровизированных в длинные зимние вечера, которые мы проводили с нею в Дрездене. Рассказы эти утрачены; содержания их не помню, но отзыв Ивана Сергеевича побудил меня приняться за более серьезную работу.¹³

Первая часть задуманного романа* была ему отправлена на рассмотрение вместе с просьбой дать мне, ввиду моего отъезда в Россию, рекомендательные письма к лицам, причастным к литературе.

Полученное от него письмо служит лишним доказательством того внимания и той бережности, с какими он относился к начинающим писателям, не жалея времени на чтение незрелых произведений и радуясь как находке малейшему проблеску дарования. Впоследствии мне пришлось еще больше убедиться и в его терпении, и в его неиссякаемом доброжелательстве. Вороха рукописей, заваливавших стол в Париже, неутомимо и с одинаковым вниманием разбирались и рассматривались.

Привожу точную копию вышеупомянутого письма,** адресованного в Брюссель,¹⁴ где я тогда проживала, исключив немногие строки, касающиеся лично г-жи Луизы Эритт-Виардо:

---

* «Без вины виноваты». «Вестник Европы», 1877 г. — *Примеч. Бларамберг.*

** Адрес на конверте: Belgique.

Madame Louise Héritte-Viardot.

Bruxelles, 128, Rue du Trône. — *Примеч. Бларамберг.*

Pour Mlle Blaramberg.

Bougival. Les Frênes.
Среда, 25-го авг. 75.

Милостивая государыня,

Вы, вероятно, уже получили рукопись, доставленную мне Луизой, а завтра я Вам перешлю те рекомендательные письма, которые Вы желаете и число которых, к сожалению и поневоле, довольно ограничено; сегодня я намерен, если уже позволите, высказать Вам мое мнение о Вашем произведении. Оно, конечно, носит еще печать незрелости; в слогe встречается небрежность, но нет сомнения, что оно — плод ума наблюдательного, начитанного и теплого, правдивого сердца. Талант также заметен; должно надеяться, что он разовьется со временем. Позвольте обратить Ваше внимание на некоторые недостатки, неизбежные в начале писательской карьеры. Вы слишком часто возвращаетесь к какой-нибудь характерной черте, слишком ее подчеркиваете; напр., в первой же сцене с матерью Вашей героини (Нади) Вы беспрестанно употребляете слово «мягко» в отношении к ней; Вы также впадаете в глумление, что тоже следует избегать. Напр., говоря, положим, о глазах Вашей дамы, Вы уверяете, что ничего не может быть пленительнее, восхитительнее ее взгляда... Ведь Вы это не думаете сами: к чему же это? Ирония — весьма опасное орудие; как раз самого себя поранишь; молодые писатели употребляют глумление только потому, что оно в сущности легче; рассказывайте просто и правдиво: оно же лучше идет к Вашей натуре, как я ее понимаю. Потом вот еще одно: в разговорах Вы вкладываете в уста Ваших лиц часто не те слова, которые они в данном случае должны были вымолвить, а те, в которых выражается то, что Вы, автор, думаете о них и что иногда совершенно справедливо, но неуместно. Напр., при первом свидании двенадцатилетней Нади с своей теткой она говорит ей: *Вы мне нравитесь*. Эти слова в устах той Нади, как Вы ее нарисовали, положительно невозможны, хотя в действительности тетка ей понравилась. Лицо «Вильда» лучше задумано, чем исполнено: надо бы, чтобы он даже один с самим собой, в четырех стенах, сам думал про себя, что он честный и добрый человек, что было бы ново и *верно*; а Ваша фигура Вильда несколько избита. Разговоры тоже вообще немного длинны.

Но все-таки я Вам советую продолжать работать, и Вы можете достигнуть хороших результатов.

Из письма моего к Луизе¹⁵ (да и кроме того) Вы знаете, что мое литературное влияние почти равняется нулю, если не в глазах публики, то в глазах издателей и журналистов, с которыми я прервал почти все сношения; и потому не пеняйте, если я не могу сделать для Вас столько, сколько бы я желал.

Примите, вместе с искренним пожеланием Вам всего лучшего, уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.¹⁶

Рекомендательные письма Ивана Сергеевича ввели меня в круг московских писателей и способствовали моему тесному знакомству с А. Ф. Писемским. О нем, о его средах, на которых неизменными гостями были А. Н. Островский,¹⁷ П. И. Мельников (Печерский),¹⁸ А. И. Кошелев,¹⁹ С. А. Юрьев²⁰

и другие, я писала Тургеневу подробно и под свежим впечатлением. Черновики некоторых этих писем сохранились,²¹ но, к сожалению, его письма, адресованные мне в Москву, утрачены.

Дальнейшее знакомство продолжалось в Париже, куда в начале 1876 г. переехала на жительство г-жа Луиза Эритт. День моего приезда, в марте того года, совпал с одним из знаменитых четвергов г-жи Полины Виардо, на которых появлялись все звезды музыкального, писательского и артистического мира.²² Приглашение на *jour fixe* уже ожидало меня.²³

К 8-ми часам вечера мы явились в дом 50, rue de Douai. Нас провели в салон. Здесь за роялем стояла тоненькая, нарядная молодая девушка, а рядом с нею — черноусый, смуглый, черноволосый молодой человек во фраке. Г-жа Эритт представила мне свою младшую сестру Марианну,²⁴ а вслед за нею Форэ,²⁵ даровитого, молодого в то время композитора, небезызвестного ныне и в России. Марианна — хорошенькая брюнетка с большими темными глазами и свежим цветом лица, приветливо поздоровалась и совершенно непринужденно вернулась к роялю, у которого она просматривала с Форэ какие-то ноты.

Салон, куда весь артистический мир Парижа стремился попасть, был убран в строго выдержанном стиле. Ничего лишнего; много простора. Белая лакированная мебель, обитая светлым шелком, не загромождала середины комнаты. Слева от рояля две ступеньки вводили в картинную галерею, освещенную сверху. Здесь помещался орган и находилось несколько немногочисленных, но очень ценных картин. Между ними превосходный портрет масляными красками Тургенева, работы Харламова, на мой взгляд, — лучший из всех мне известных портрет писателя, передававший и его черты, и характерное выражение его глаз и лица, не говоря уже о мастерском исполнении всего целого.²⁶

Салон, в который мы первоначально вошли, соединялся посредством раздвижной стены с кабинетом г. Луи Виардо, мужа знаменитой певицы.

Он сидел у себя в кресле с газетой в руках. Лишь только г-жа Эритт подошла к нему поздороваться, он встал и приблизился ко мне.

Это был тогда человек лет семидесяти, сдержанный, даже несколько чопорный по внешнему, но бодрый, крепко сложенный, коренастый, среднего роста, с очень крупными чертами лица, на котором улыбка появлялась редко, а когда появлялась, то придавала серьезному, суровому лицу выражение особого добродушия.

Превосходный переводчик «Дон-Кихота» Сервантеса, знаток живописи, составитель известных каталогов картинных галерей Лувра, Мадрида, Дрездена, Ватикана и др., Луи Виардо пользовался заслуженною репутацией образованного и стойкого в политических убеждениях человека. Он был антиклерикал и антиимпериалист с головы до ног и никогда ни при каких обстоятельствах этими убеждениями не поступался.²⁷

Так же просто, непринужденно и радушно приветствуя меня, он, обменявшись со мною немногими словами, вернулся к своей газете, тем подчеркивая, как и младшая дочь, что не считает меня гостьей, а принимает как бы в члены семьи.

Прошло полчаса. На лестнице, ведущей во второй этаж, послышались скорые, легкие шаги; дверь салона распахнулась, и ко мне быстро направилась дама в черном кружевном платье. Большие навывкате, близорукие глаза радостно смотрели на меня. Но, стремительно поспешая вперед, она задела ногой кайму ковра, на котором я стояла, споткнулась и упала на одно колено.

— De prime abord — à vos pieds!^e — вскрикнула она весело.

Но не успели Форэ и Марианна подбежать к ней, как она гибким, молодым движением поднялась уже на ноги и бросилась с протянутыми руками ко мне.

Я была поражена и гибкостью, и стремительностью, и грацией, разлитой во всей фигуре Полины Виардо, далеко однако не безукоризненно сложенной, и сразу поняла то обаяние, которое с первого взгляда производила эта великая артистка и очаровательная женщина на всех окружающих, не имея при этом за собой преимуществ красоты. Прекрасны были у нее нос, лоб, волосы, придававшие верхней части лица, в профиль, вид камеи, изящные маленькие уши и совершенной формы бюст и руки. Глаза, отражавшие каждый оттенок настроения, своей выпуклостью не соответствовали понятиям о красоте; не соответствовали понятиям этим и толстые губы, и слишком широкие бедра... Тем не менее общий облик был обаятелен, настолько обаятелен, что эта пятидесятивосьмилетняя женщина заслонила собой и юную прелесть своих молоденьких дочерей, — вторая дочь, хорошенькая *mmе Claudie Chamerot*,²⁸ в это время тоже приехала с мужем, — и эффектных, блестящих дам, съехавшихся в тот вечер в ее салон.

Были: Сен-Санс,²⁹ Сарасатэ,³⁰ появился вслед за ними Шарль Гуно...³¹ Салон наполнился изысканною публикой, центром которой с начала до конца оставалась гениальная хозяйка дома. Но музыкальная часть вечера еще не начиналась, когда в дверях показался Тургенев, а с ним рядом — плотный, рослый господин с красноватым, широким лицом, вниз спускавшимися длинными усами и маленькими, зоркими, светлыми глазками, наружностью напоминающий отставного майора. То был Густав Флобер.³² Оба писателя на мгновение остановились в дверях. Тургенев озирался вокруг и, с непринужденностью большого барина здороваясь и перекидываясь словами то с тем, то с другим, предоставил своему приятелю Флоберу приветствовать хозяйку дома, а сам своей развалистою походкой направился ко мне.

---

^e Сразу же — к вашим стопам! (*франц.*).

Здесь, в этом салоне, где сосредоточивалось все, что писательский, музыкальный и артистический мир Парижа мог предложить наилучшего, где блеснули звезды первой величины, здесь, среди утонченной художественной обстановки, наружность Ивана Сергеевича еще больше выделялась своей выразительностью и духовною красотой, чем в Петербурге в плохо освещенной, по-студенчески обставленной квартирке на Васильевском острове.

Выразив удовольствие по поводу моего приезда в Париж, Тургенев сел в кресло рядом со мной и заговорил так просто и дружески, как будто мы были давнишние знакомые. Дружелюбное отношение ко мне А. Ф. Писемского, видимо, было ему приятно.

— Да, да, Вы правы, — сказал он, — Писемский очень добрый человек и груб только по внешности... Я рад, что внешность Вас не смутила... Впрочем, я уверен, что с Вами он сумел держаться границ дозволенного, — прибавил он, улыбаясь... Несомненно, это — большая литературная сила... Не заройся он в своем Борисоглебском переулке, — эта сила еще как бы проявилась!..³³

Музыкальная часть вечера началась. Жужжание голосов стихло. Иван Сергеевич поднялся с кресла.

— Жду Вас завтра к себе в одиннадцать часов утра. Поговорим о второй части Вашего романа...

Он удалился вместе с Флобером в кабинет. Здесь, за карточным столом, образовалась партия виста: Луи Виардо, Анри Мартэн³⁴ — историк, Тургенев и, если память мне не изменяет, Литтре³⁵ или Ренан,³⁶ оба не постоянные, но и не редкие посетители знаменитых четвергов... Раздвинутая стена, образуя сквозную арку, давала возможность вистерам, сидя в покойных креслах, беспрепятственно слушать и видеть исполнителей... Флобер остался стоять у притолоки и, зорко поглядывая на всех присутствующих, нередко останавливал взгляд на красивой, даровитой ученице Полины Виардо, моей соотечественнице,³⁷ — впоследствии известная концертная певица, — которою остроумный писатель с лицом отставного майора сильно, по словам Тургенева, восторгался.

Вистеры хранили молчание. Иногда Тургенев, положив карты на стол, откидывался на спинку кресла и сосредоточенно слушал,* если исполнялось то, что ему особенно нравилось.

В этот вечер Полина Виардо принимала участие в исполнении только в качестве блестящего аккомпаниатора. Она вообще редко выступала как

---

* *Далее в рукописи:* особенно, если это было пенье... Итальянская музыка, Шуберт и Шуман, кажется, особенно нравились ему... С Вагнером он долго не мог мириться... Не знаю, по-ми>рился ли впоследствии... Русскую музыку, кроме Глинки, отчасти <?> Даргомыжского и Чайковского (в романсах), он решительно не признавал и находил вымученной (Л. 19 об.-20).³⁸

певица не только на эстраде, но и у себя дома. За все довольно продолжительное время знакомства мне удалось слышать ее всего дважды. Раз неожиданно в один из четвергов она сдалась на просьбы, и выбор ее пал на сцену лунатизма леди Макбет из оперы Верди.³⁹ Сен-Санс сел за рояль.

Г-жа Виардо выступила на середину залы. Первые звуки ее голоса поражали странным гортанным тоном; звуки эти точно с трудом исторгались из какого-то заржавленного инструмента; но уже после нескольких тактов голос согрелся и все больше и больше овладевал слушателями. Все приталили дыхание и с замиранием сердца ловили горячие, страстные звуки; все проникались ни с чем несравнимым исполнением, при котором гениальная певица так всецело сливалась с гениальной трагической актрисой. Ни один оттенок страшным злодеянием взволнованной женской души не пропал бесследно, а когда, понижая голос до нежного, ласкательного пианиссимо, в котором слышались и жалоба, и страх, и муки, певица пропела, потирая белые, прекрасные руки, свою знаменитую фразу: «Никакие ароматы Аравии не сотрут запаха крови с этих маленьких ручек...» — дрожь восторга пробежала по всем слушателям.

При этом — ни одного театрального жеста; мера во всем; изумительная дикция: каждое слово выговаривалось ясно; вдохновение, пламенное исполнение, в связи с творческой концепцией исполняемого, довершали совершенство пения.

За арией леди Макбет последовал «Erlkönig» Шуберта,⁴⁰ тоже с аккомпанементом Сен-Санса. Мне случалось слышать эту всем известную балладу в исполнении многих выдающихся певиц и певцов; Полина Виардо затмила всех. Лесная драма проносилась перед вами: и сдержанный, степенный голос отца, и испуганный шепот, жалобы и вопль о пощаде младенца, и вкрадчивый, манящий голос Лесного царя, переходящий в страстный, властный призыв... Впечатление получилось потрясающее!..

Трудно было поверить, что так молодо, пылко, вдохновенно поет 58-летняя женщина, у которой, по ее же словам, сохранилась в голосе всего лишь одна октава.⁴¹

Как бы желая показать всю разносторонность таланта, столь прославленного меломанами сороковых годов, Полина Виардо в тот же достопамятный вечер исполнила по-испански с одним испанцем-тенором, оперным певцом, комический любовный дуэт негра с негритянкой.

Неподдельная веселость, кокетливая, жеманная игривость влюбленной негритянки, выдвинув партию сопрано легкого, жанрового дуэта, действительно явились новым доказательством гибкости и разнообразия изумительного таланта Полины Виардо, по силе музыкального понимания и творческой передаче доселе не имеющей себе никого равного.

«В каждой исполняемой ею роли она давала цельный образ соответственно обстановке эпохи, в которой жило данное действующее лицо, со-

гласно темпераменту этого лица, — говорил Тургенев, вспоминая блестящий период театральной деятельности певицы. — Кто не слышал, не видал ее в „Орфее“ и „Ифигении“ Глюка, в „Фиделио“, в Дездемоне, Норме, Розине («Севильский цирюльник»), тот не может понять энтузиазма, который овладевал всем зрительным залом, когда Полина Виардо появлялась на сцене!».

На другой день моего приезда в Париж, ровно в 11 часов утра, камердинер Ивана Сергеевича, извещенный снизу звонком привратницы, отворил мне на площадке верхнего этажа дома 50, rue de Douai дверь в помещение его господина.

Маленькая темная передняя вела в светлую, в три окна, просторную, устланную ковром комнату — кабинет писателя. Прямо против двери — большой, массивный письменный стол; вдоль одной стены — широкий, темною кожей обитый диван, на котором так часто лежал днем Иван Сергеевич во время припадков подагры; удобные кресла, стулья, тою же кожей обитые, довершали суровую, простую меблировку. Справа от двери, близ окна, — мольберт, поставленный к свету боком; на нем — средних размеров картина, пейзаж Руссо.⁴² По стенам — несколько других картин, преимущественно пейзажей. Мне вспоминается между прочим туманный поэтический пейзаж Коро.⁴³ На одном из простенков, между окон, бросался в глаза прекрасный мраморный слепок изящной женской руки. На этом же простенке над слепком руки выступал мраморный барельеф в профиль Полины Виардо. Дверь налево от входа вела в спальню.

Из передней узким, темным коридорчиком входили в смежную с кабинетом библиотеку: длинная комната в одно окно, уставленная по стенам сверху донизу книжными шкафами.

Здесь, в этом скромном, из трех комнат состоящем помещении, проводил Тургенев зимние месяцы со дня переезда из Баден-Бадена в Париж.⁴⁴

Сюда, как мусульмане в Мекку, стекались знаменитости всех национальностей; сюда же являлись в бесчисленном множестве соотечественники и соотечественницы всякого состояния, настроения, направления... Иные переступали порог заветного кабинета с чувством благоговения и признательности к тому, кто в жизнь их заронил своим творчеством луч света и пробудил чистые, хорошие мысли; иные входили с робкою надеждой встретить нравственную поддержку, а часто и материальную в виде ли работы, или же просто денежной помощи. Другие являлись с заносчивым намерением «отчитать» знаменитого писателя или с не менее заносчивым требованием помощи для них самих или для дела, которому они служили.

Редко кто выходил отсюда неудовлетворенным. Тургенев не умел отказывать, и если не мог удовлетворить просьбу тотчас же, то давал обещание по возможности ее исполнить. Обещаний своих он не забывал, что мог, делал и огорчался искренно, если попытки не увенчивались успехом.

Ивана Сергеевича часто упрекали в «популярничанье». Каким он был в молодости, — не знаю. Мне пришлось познакомиться с ним за несколько лет до его кончины, когда он приблизился к шестидесятилетнему возрасту.³ В это время его мягкость, снисходительность и чарующая простота обаятельно действовали на всех, кто к нему подходил. Он был и остался большим баринком в силу своего происхождения и той сферы материального обеспечения, в которой вырос, в силу привычки благовоспитанности, от которой не мог да и не желал отрешаться; но барство его проявлялось не в оскорбительном высокомерии в общении с теми, кто стоял ниже по происхождению или состоянию, а в брезгливом отношении ко всему мелкому, пошлому, наглому, лживому и продажному.

Когда камердинер распахнул передо мной дверь, Тургенев сидел за письменным столом спиной к свету, лицом к выходу. Тонкая, вязаная, темная вареза⁴⁵ облекала его могучий стан. Он встал, подошел поздороваться и, предложив сесть к столу, вернулся к своему рабочему креслу, но скоро снова встал и продолжал беседу, то шагая⁴ по ковру, то останавливаясь передо мной и пристально, пытливо в меня всматриваясь. Мне казалось, однако, что он не столько старается проникнуть в мои мысли, как уловить особенности лица, жестов, выражения... Беседа шла о второй части моего романа, рукопись которого лежала на столе. Взятая тема, ввиду неопытности автора в житейских отношениях, и как раз именно в тех самых отношениях, которые автор попытался затронуть, удивила его, но не вызвала ни улыбки, ни снисходительно небрежной критики.

Он указал на недостатки, недомолвки, галлицизмы и затем заговорил о самой теме...

Для него, между прочим, не было женской или мужской работы, и литературное произведение, какому бы перу оно ни принадлежало, оценивалось только с точки зрения большего или меньшего его достоинства... Помню, как увлекался он романом, появившимся под заглавием «Варенька Ульямина» в «Вестнике Европы».

Роман этот в рукописи был первоначально прислан Ивану Сергеевичу. Он нашел в этом произведении печать оригинальности, сильный, красочный слог, настроение, — одним словом, недюжинный талант. К этому роману он отнесся как к родному детищу. Шероховатости, которые, по его

---

³ *Далее в рукописи:* В это время он оставался верным своим убеждениям молодости, ни перед кем не кланялся, ни перед кем не заискивал... Не заискивал и перед молодежью... В молодом поколении он искал новые веяния, новые силы, которые бы свидетельствовали о росте крепости России; Россию же он не переставал любить, даже когда негодовал на нее, даже когда в минуты сомнений он думал, что всякая связь между им и родиной порывается... (Л. 22 об.–23).

⁴ *Далее черновой текст обрывается.*

мнению, следовало бы сгладить, он оставлял без изменений до совещания письменно с самим автором, бережно, любовно повергая свои замечания на его усмотрение. В первую же очередную поездку в Россию он познакомился с автором, навестил в его усадьбе и с умилением говорил о той поэтической обстановке, в которой живет, мыслит, работает автор...⁴⁶ Год спустя он также серьезно увлекался рассказом «Полоса»,* возлагая на автора, с которым тоже познакомился, большие надежды...⁴⁷

В своих увлечениях он мог ошибаться и воображением дополнять недочеты того или другого произведения, но в этих увлечениях, может быть более, чем в чем-либо другом, выступало желание, найдя хотя бы крупницу дарования, поощрить к труду, имея в виду возможное рождение и развитие нового на пользу России таланта.

Не всегда, однако, он поощрял. Меня просили узнать мнение его об одной присланной ему повести...

«Удивительное дело, — сказал он в ответ. — Композитор проходит теорию музыки, гармонию; живописец не напишет картины, не ознакомившись с перспективой, красками, рисунком; в архитектуре, в скульптуре требуется первоначальная школа. Только принимаясь за писательство, полагают, что никакой школы не нужно и что доступно оно каждому, кто обучился грамоте... Автор повести, о которой Вам писали, несомненно — человек грамотный и, несомненно, полагает, что этого совершенно достаточно чтобы „накатать“ повесть... Я отослал ее ему обратно без всяких комментариев»...⁴⁸

Не выносил он также повестей «с направлением».

«Можно быть рабским подражателем того или другого известного писателя, — говорил он, — можно быть жалким кропателем бесцветных, водянистых рассказцев, но для чего к тягучей, бездарной беллетристической форме пристегивать „идею“»...

Однажды он выразился так:

— Я все допускаю, но «Черноземные поля»** не допускаю!.. Это — выше сил моих...⁴⁹

Тургенев предоставил в мое распоряжение свою библиотеку. С той поры редкий день не видалась я с ним или у него в кабинете, или же за обедом внизу, у госпожи Виардо.

Под самым кабинетом, во втором этаже, находился салон, где г-жа Виардо давала уроки. С 10-ти часов утра начиналось пение и продолжалось несколько часов подряд. Толстый ковер заглушал голоса и рояль; когда же дверь из передней на лестницу открывалась, то звуки волной вливались в ка-

---

* «Отечественные записки», 1879 г. — *Примеч. Бларамберг.*

** Журнал «Дело». — *Примеч. Бларамберг.*

бинет, но, по-видимому, не причиняли Ивану Сергеевичу беспокойства. Или он к ним привык, или незаурядные большею частью голоса учениц, из которых многие готовились к сцене, не терзали его слуха.

Из первоклассных французских писателей в кабинете Ивана Сергеевича, кроме Флобера, я встречала Эмиля Золя. Флобер относился к Тургеневу с каким-то особенно нежным благоговением, но и в обращении Золя чувствовалось глубокое уважение.

Золя — плотный, ширококостный, с круглым заурядным лицом — напоминал скорее богатого, изрядный капиталец скопившего собственника, чем писателя; только глаза, серьезные и вдумчивые, изобличали мыслителя. Он говорил мало, больше слушал. В то утро, когда мне в первый раз пришлось увидеть его, речь зашла об его романе «Assommoir». Успех этого романа превзошел ожидание автора. До этого романы Золя расходились вообще довольно туго.⁵⁰

— Да и теперь, — заметил он с улыбкой, — я обязан успехом женщинам и... духовенству. Мой издатель утверждает, — пояснил он, — что на десять покупателей моей книги приходится четыре женщины и четыре духовных лица...

На первом представлении нашумевшей комедии Эркмана-Шатриана «L'ami Fritz»⁵¹ мне довелось увидеть и Альфонса Додэ... Мы шли, направляясь за толпой, к выходу по узким коридорам «Comédie Française», когда с нами столкнулся, протискиваясь сквозь толпу, человек маленького роста, узкоплечий, с огромною головой, точно отнятой от другого туловища; громадная, густая, длинная до плеч шевелюра, темная борода и прекрасные, мягкие, бархатные глаза довершали симпатичный общеизвестный по фотографиям облик блестящего романиста. С порывистостью и живостью южанина приветствовал Тургенева автор «Fromont jeune et Risler aîné»⁵² и, кинув на ходу вскользь похвалу пьесе Эркмана-Шатриана, напомнил, удаляясь, об очередном литературном обеде, на котором сходились еженедельно братья Гонкуры, Флобер, Золя, Альфонс Додэ и Тургенев.⁵³

Когда мы двигались в толпе по тесным закоулкам «дома Мольера», вокруг нас раздавался сдержанный благоговейный шепот: «C'est Tourguéneff!.. Le grand Tourguéneff!..».⁵⁴ Подобного рода восклицания мне приходилось слышать каждый раз, когда Иван Сергеевич одновременно с нами появлялся в концерте, в театре, вообще среди какого-нибудь сборища. Львиная седая голова, высокий рост, характерное, белою шелковистою бородой обрамленное лицо обращали на него общее внимание. Редкий из парижан не знал, кому принадлежит эта выдающаяся наружность, и часто приходилось мне сопоставлять уважение, поклонение чужестранцев с холодностью, непони-

---

⁵⁴ Это Тургенев!.. Великий Тургенев!.. (франц.).

манием, порицанием, а нередко и грубым отрицанием соотечественников по отношению к своему знаменитому писателю.

«Мое двадцатипятилетнее „служение музам“ окончилось среди постепенного охлаждения публики, и я не предвижу причины, почему бы она снова согрелась», — пишет он в своих литературных воспоминаниях в 1869 г.⁵⁴

В 1876–1877 годах он приблизительно думал то же самое и не раз это высказывал...

«Наступили новые времена, нужны новые люди, — говорил он. — Устарелому писателю надо умолкнуть»...

А между тем новые люди, новые течения мысли, намечавшиеся в России, продолжали привлекать его внимание.

Некий г. N., русский, поселившийся временно в Париже, возбудил в нем живейший интерес.⁵⁵ Когда и при каких обстоятельствах Тургенев с ним познакомился, я не знаю, но в разговоре он часто о нем упоминал... Однажды мы с N. почти одновременно вошли в кабинет писателя. Иван Сергеевич нас познакомил. Наружность N. была незаурядная. Далеко не юноша, лет 30-ти, рослый, плечистый, борода окладистая, лоб умный, рот резко очерченный, с плотными губами, взгляд быстрый, глаза наблюдательные. Он сел или скорее повалился на диван и, опираясь ладонью на колено, не менял принятой позы, как не менял непроницаемого выражения лица. Говорил он мало, выражался односложно, как бы давая понять, что мог бы сказать гораздо больше, если бы считал это нужным.

Беседу вел Тургенев. Он сидел в кресле против своего собеседника, не спуская внимательного, доброжелательно-испытующего взора с его лица. Каждое отрывистое возражение, небрежное замечание неразговорчивого и, несомненно, высокомерно державшегося гостя, — порой N. ограничивался просто неопределенным мычанием, — он, казалось, ловил с жадным интересом и задерживал в неисчерпаемом кладезе своей памяти, пропуская совершенно без внимания то, что в обращении N. могло быть лично для него оскорбительным.

— Носится с ним, — говорили мне соотечественники, посмеиваясь над «ухаживанием» Тургенева за N., как они выражались, — а N. морочит «старичка»... На, дескать, пиши с меня тип для нового задуманного романа.

Вряд ли N. мог «морочить» Ивана Сергеевича и вряд ли «поза» ускользнула от наблюдательности писателя. Но он умел отбросить внешнее, ненужное, не давая этому ненужному затемнять того, что казалось ему существенным. Факты, свидетельствующие о силе воли, неустрашимости и находчивости, — вот что заинтересовало Тургенева в N. и побуждало искать в этой личности тот нарождающийся тип твердо идущего к намеченной цели человека, которого он надеялся, мнил, хотел видеть в представителях нового поколения.

Лица, с грехом пополам окончившие неудовлетворительный курс неудовлетворительного русского среднеучебного заведения и часто не переступившие даже за половину университетского курса, считали себя вправе относиться «с кондачка» к одному из самых образованных людей нашей родины, первоклассному притом писателю, который за всю долгую, плодотворную жизнь ни одной строки не написал против своего убеждения; никогда не потворствовал своим пером ходячим вкусам и требованиям переходящих веяний и при всей своей мягкости, впечатлительности продолжал, живя и вдали, любить Россию, как любят ее на чужбине, как любил ее другой большой писатель, А. И. Герцен, какою-то жгучею, мучительною любовью, отдавая ей все помыслы, талант свой и труд, хотя именно из России шли все те удары, которые заставляли его временно сомневаться в собственных силах.

«Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись», — писал он еще в 1859 году.⁵⁶

Так думал он и шестнадцать лет спустя.

В апреле, одновременно с семейством Виардо, Иван Сергеевич переехал в Буживаль, на свою дачу «Les Frênes». В мае и я по приглашению г-жи Виардо поселилась у нее в «Les Frênes» на все лето.

Дача Тургенева находилась в саженях двадцати от дачи г-жи Виардо. Подниматься приходилось к обеим дачам от набережной Сены легким подъемом в гору, где на некоторой высоте белелась меж ясеней дача Полины Виардо, а на том же уровне, справа от нее, точно выступая из корзины цветущих фуксий и махровых пеларгоний, густою кустистою порослью обхвативших словно пестрым ярко-цветным поясом фундамент, бросался в глаза грациозный, изящный, как игрушка, резьбой украшенный «chalet» Ивана Сергеевича.

Швейцарский и русский стиль удачно соединялись во внешнем виде летнего приюта писателя, а внутри все отличалось строгою простотой и комфортом. Внизу, налево из передней — просторная гостиная, направо — небольшая светлая столовая. В гостиной — великолепный рояль, на окнах умеряющие дневной свет тяжелые драпировки, ковры, мягкая, покойная мебель... Но не буду описывать нижнее помещение. Мы редко — в исключительных только случаях — сходились там. Кроме общего сохранившегося в памяти впечатления художественного сочетания красок и линий во всей обстановке мне припоминаются артистически расписные стекла в дверях с изображением картин из русской жизни в разных ее проявлениях: зимние пейзажи, сцены охоты, избы, сани, тройки.

Но лучшим украшением этой очаровательной дачи был, несомненно, кабинет Тургенева во втором этаже, обширный, высокий, светлый, где темно-красным обоям соответствовали массивные, черного дерева кресла,

стулья, диван, обтянутые красным сафьяном, художественной работы книжные шкафы, черного же дерева внушительных размеров письменный стол, крытый тоже красным сафьяном. Свет проникал с двух сторон. Три окна выходили в парк, а одно, более широкое, приспособленное для занятий живописью, было проделано в фасаде. Отсюда открывался вид на Сену и ее расцвеченные садами и кокетливыми дачками берега. Близ этого окна помещался всегда мольберт с начатою или законченною картиной.

Вторая дочь г-жи Виардо, Claudie Chamerot, проводившая лето с мужем и малюткой-дочерью у родителей в «Les Frênes», занималась живописью, и для нее-то и был устроен в кабинете уголок мастерской художника.

Над кабинетом находилась спальня писателя с тем же видом на Сену и на простор ее берегов. Если память мне не изменяет, то в связи со спальней, кроме уборной, имелись в том же этаже и комнаты для друзей. Во всяком случае, насколько тесно и скромно было парижское помещение Ивана Сергеевича, настолько просторной, изящной, изысканно-уютно и художественно обставленной была его дача «Les Frênes», где он проживал большую часть года.

Потому ли, что Тургенев заканчивал в то лето свой роман «Новь»,⁵⁷ потому ли, что в «Les Frênes» жизнь велась вообще на менее широкую ногу, чем, судя по рассказам, за несколько лет перед тем в Баден-Бадене, или по неизвестной мне причине, но подолгу проживающих гостей, кроме меня, никого не было.

День в «Les Frênes» начинался довольно рано. С 8-ми часов кофе и горячее молоко ожидали желающих в столовой. К этому первому завтраку, однако, не собирались все разом; приходили поочередно, кто раньше, кто позже, часто стоя выпивая чашку кофе. Иван Сергеевич утром не выходил из своего «шалэ»; редко появлялся он и ко второму завтраку; в таких случаях присаживался в сторонке и выпивал только чашку крепкого чая. Самовар обязательно подавался к этому завтраку.

Часа в 3, по окончании уроков пения, не прекращавшихся и летом, мы сходились обыкновенно у него в кабинете. Claudie садилась за мольберт, я — в некотором расстоянии от нее, — она писала с меня портрет,⁵⁸ — г-жа Виардо занимала место у круглого стола с каким-нибудь рукодельем, Марианна тоже, а г-жа Эритт читала вслух что-либо из новейших произведений английских или французских писателей. Помнится, предметом чтений в то лето был только что появившийся растянутый роман Джорджа Элиота «Дэниель Дэронда».⁵⁹

Иван Сергеевич часто присутствовал при этих семейных чтениях. Он сидел у письменного стола; иногда слушал и вставлял замечания, иногда балагурил, причем Claudie и Марианна вскакивали, тормозили его, зажимая ему рот и восклицая:

Клоди Виардо. Рисунок Л. Пича.
Баден-Баден, 15 октября н. ст. 1870 г.

«Voyons, Turguel, — то было дружеское прозвище, данное ему молодой женскою половиной семейства Виардо, — voulez-vous nous laisser tranquilles!.. Nous voulons écouter...»³

Иногда чтение надолго прерывалось шутками, смехом, бесчисленными анекдотами, которыми Тургенев так и сыпал в часы хорошего расположения духа и первый добродушно смеялся, заставляя смеяться других; иногда во время чтения он пробегал свою многочисленную корреспонденцию или же присаживался к мольберту Claudie и следил за ее кистью.

---

³ Пойдите, Тургель, не будете ли вы столь любезны оставить нас в покое!.. Мы хотим послушать... (франц.).

Изредка по воскресным дням мы оставались в гостиной. Г-жа Виардо садилась за рояль. Одно утро, помню, было посвящено на ознакомление с партитурой оперы «Кузнец Вакула» Чайковского,⁶⁰ другое — на исполнение Шопена. Как современница Шопена, лично его знавшая, слышавшая его игру, обладая притом превосходною техникой, Полина Виардо передавала шопеновские ноктюрны, вальсы, мазурки, прелюды с выдающеюся экспрессией и законченностью... Слушая проникновенную игру, Тургенев сидел в отдалении в кресле и, прикрыв глаза рукой, казалось, весь отдавался настроению музыки.

Сам он ни на одном инструменте не играл. Любил больше всего Моцарта, Шуберта, затем Шумана, Шопена и не любил Вагнера. У него, по его словам, на первом представлении в Париже «Тангейзера», жестоко тогда освищенного, имелся тоже на всякий случай ключ в кармане...⁶¹ Пустил ли он его в дело, не знаю... Помнится, он, смеясь, уверял, что общий пример его увлек... Как бы то ни было, но и впоследствии Вагнер не пользовался его симпатиями и только позднейшими произведениями вызывал в нем некоторый интерес.

К обеду, около 7-ми ч. вечера, собиралась вся семья; бывали часто и посторонние. Застольную беседу направлял обыкновенно Тургенев. Он любил говорить и говорил хорошо, уснащая свой разговор меткими, тонкими замечаниями, наблюдениями, описаниями. Его слушали не только охотно, но всегда с живейшим вниманием. Мимолетная встреча, обрывок мелодии, запах цветка, мысль, выраженная и схваченная на лету, складывались у него мгновенно в образы...

Однажды, возвратясь из Парижа к обеду в «Les Frères», он рассказывал за столом о разных встречах, впечатлениях и между прочим упомянул, что на одной из улиц он взял фиакр. Проехав немного, он почувствовал сильный запах фиалок. Сначала он думал, что аромат фиалок несся в спущенное окно фиакра из корзины сидевшей где-нибудь невдалеке продавщицы цветов, но никакой продавщицы поблизости не было. Фиалками пахло внутри фиакра; запахом фиалок была пропитана пошлая, обтертая столькими спинами, захватанная столькими руками обивка фиакра. Хорошенькая женщина ехала, верно, перед тем в этом фиакре... Букет фиалок лежал у нее на коленях; фиалки держала она в руках, фиалками благоухала ее одежда... Куда она ехала?.. Одна ли она ехала?.. Что она думала?.. Что чувствовала, когда, вдыхая аромат, прижимала душистые, прохладные фиалки к лицу?.. Грациозный женский образ, полный поэзии и прелести, уже намечался, готовый войти в «стихотворение в прозе», но Иван Сергеевич только мимоходом коснулся его, и видение исчезло среди других образов, которые возникали, чередуясь, в его беседе, когда он был в ударе...

Иногда он спорил и спорил ожесточенно, но никогда не переходил на личность, никогда не оскорблялся колкостями и нападками, часто едкими и не без оттенка раздражения, на его мнения.

Заговорили как-то о новейших типах женщин, проникших в литературу. Тургенев заметил, что женщина ныне играет первенствующую роль, так как к ней перешла энергия борца, утраченная изнуренными пессимизмом мужчинами, и ей по праву принадлежит будущее...⁶² На это ему иронически возразили: «Вы преклоняетесь перед новыми женщинами, а сами стоите на коленях перед княгинями, графинями, светскими дамами... Leur blancheur, leur fadeur, leur grâce mignardée, leur châtèrie — voilà ce qui vous va!.. Voilà ce qui vous remue!..»^м Тургенев даже не оглянулся в тот край обеденного стола, откуда резко и громко раздался этот упрек, и продолжал развивать свою идею.

За десертом сидели долго. После обеда большею частью все оставались на воздухе. К вечеру обыкновенно появлялись еще гости. Иван Сергеевич иногда оставался с нами, иногда уходил к себе.

День за день мне приходилось видеть его. Он много ходил днем по парку, всего чаще один, изредка с г-жой Виардо, с которой он совещался о своей работе и которой читал каждую главу своего нового романа. Она прекрасно понимала по-русски, отлично выговаривала, когда ей приходилось петь русские музыкальные произведения, но говорить стеснялась...

— Ни одна строка Тургенева с давних пор не попадала в печать прежде, чем он не познакомил меня с нею, — сказала она мне раз. — Вы, русские, не знаете, насколько вы обязаны мне, что Тургенев продолжает писать и работать, — заметила она однажды в шутку.

Это не было тщеславным самообольщением. Даже поверхностное знакомство с этой гениальной артисткой делало понятным то влияние, которое она должна была, не могла не иметь на восприимчивую, впечатлительную натуру писателя. Ее ум, художественный вкус, умение схватывать существенное и отбрасывать мелкое, неважное, ее разностороннее образование, — она в совершенстве владела испанским, итальянским, английским, немецким языками, — наконец, ее энергия, трудолюбие и непоколебимая, никому и ничему не поддающаяся сила воли должны были в часы ослабления художественного творчества действовать ободряющим и побуждающим к деятельности образом.

Чувство меры было ей особенно присуще. Она ненавидела всей цельной и непреклонной натурой своей все расплывчатое, дряблкое, неопределенное. Быть может, это помогло Тургеневу до конца сохранить ту красоту и законченность формы, которыми отличается каждое его произведение... Быть может, — не берусь об этом судить и позволяю себе только предположение, — он сохранил до конца творческую силу, благодаря непрерывному

---

^м «Их белизна, их безвкусица, их жеманная грация, их кокетство — вот это по вам!.. Вот что вас трогает!..» (франц.).

общению с выдающимся женским умом, смягчавшим своею беспощадною логикой принижающее значение общественных веяний и критики, которую Тургенев, подобно современникам своим, А. Ф. Писемскому и А. Н. Островскому, принимал близко к сердцу.

Над дачей г-жи Виардо, в глубине парка, на верхней площадке, стоял домик-беседка. Пианино, стол, два-три буковых кресла и садовый диванчик заполняли крошечную комнатку этого мирного убежища. Сюда Марианна уходила по утрам петь и играть на пианино. Здесь в иные часы дня находила и я пристанище. Из окна этого укромного домика мне приходилось незаметно наблюдать за Иваном Сергеевичем, когда он, совершая обычную прогулку, медленно шел по крайней аллее в близком расстоянии от меня. И лицо, и походка выражали утомление и печаль. Мне казалось, в такие минуты уединения он чувствовал себя одиноким и оторванным от родной почвы и сознавал, что как ни близка ему дружеская семья и как ни любим он всеми членами этой семьи, а все-таки он волей судьбы «прилепился к краешку чужого гнезда», — как он выразился в письме к приятелю.⁶³

Но, быть может, я ошибаюсь. Быть может, печаль его была печалью старости об утраченной и невозвратной молодости, о разреженных смертью и нравственными утратами рядах сверстников, с которыми он одновременно начал жизнь, или же о новом, почти уже законченном труде «Новь»... Не имел ли он основания предполагать, что роман этот по выходе в свет навлечет на него обычные за последние годы гонения и нарекания...⁶⁴

В конце мая мы предполагали все отправиться на несколько дней в «Nohant» к Жорж Санд, с которой семейство Виардо и Тургенев неизменно поддерживали многолетние дружеские отношения.⁶⁵ Моему нетерпеливому ожиданию познакомиться с знаменитою писательницей не суждено было исполниться. Получилось письмо из Nohant о тяжелой болезни Жорж Санд и вслед за тем известие об ее кончине.* Известие это поразило Ивана Сергеевича, который неоднократно подолгу гостил желанным гостем в Nohant, но особенно оно подействовало на г-жу Виардо.⁶⁶

Печалью она ни с кем не поделилась, а только, против обыкновения, замкнулась на несколько часов в своей комнате, где, разбирая письма старого друга, пережила наедине свою скорбь.

Несколько дней спустя Тургенев уехал в Россию, куда его призывали расстроенные дела по имению. Он отличался, как известно, доверчивостью и непрактичностью. Несмотря на достоверные и непреложные факты, доведенные до его сведения, о неудовлетворительном управлении его имением, Иван Сергеевич долго медлил положить этому предел. В конце концов он решился, однако, поехать в Спасское с тем, чтобы переменить управляющего.⁶⁷

---

* Жорж-Санд скончалась 8-го июня 1876 года. — *Примеч. Бларамберг.*

Письма его по поводу совершившегося события полны юмора. Объявив свой ультиматум и выдержав от рассчитанного управляющего целый поток угроз и грубостей, он, кипя от бешенства, молча смотрел из окна, как воз за возом увозили имущество кичливого пана, примечая среди этого имущества знакомые, несомненно всегда в Спасском находившиеся предметы, пока и сам управляющий не выехал из ворот; тогда, словно опомнившись, он выскочил в свою очередь за ворота и, грозя кулаком вслед благополучно отъехавшему уже далеко управляющему, разразился самую неистовую бранью. Облегчив себя этим взрывом никому не повредившей ярости, он вернулся в дом и принялся в юмористическом тоне, не щадя себя, описывать эту комическую сцену в письме г-же Виардо.

Через месяц с небольшим он уже вернулся в «Les Frênes». Вскоре после его возвращения мы как-то все, кроме г-жи Виардо, ехали откуда-то в «трамвае». Тургенев, описывая свое пребывание в Спасском, сказал между прочим, что он слышал от одной старухи-крестьянки слово, которое для него было «*comme un coup de foudre*»...⁶⁸ Он внесет его в свой роман... «Изумительно меткое выражение и такое простое, несложное, такое многозначное... Оно должно стать таким же прозвищем, как „нигилист“... Марианна, его любимица, начала настаивать, чтобы он сказал, что это за таинственное слово.

«Нет, нет, — говорил он, — тебе значения и смысла его все равно не понять... При писателях же, — он, смеясь, взглянул на меня, — нельзя говорить... Пожалуй, еще заимствуют»...

Поднялся общий протест.

— Догадайтесь! — поддразнивал он меня все с тем же добродушным смехом.

Я, разумеется, не догадалась, что, видимо, доставило ему удовольствие и, несмотря на просьбы Марианны, он, продолжая шутить, так-таки и не назвал своего слова.

А слово это было: «опроститься, опростелые»...⁶⁸

Мое возвращение в Париж прервало на некоторое время ежедневные общения с обитателями «Les Frênes», которые переехали только поздней осенью. Иван Сергеевич, однако, еще до переезда на зиму в дом 50, rue de Douai поднялся ко мне однажды на пятый этаж.

Он привез рукопись рассказа,^{*} написанного мною в «Les Frênes» и оставленного ему для прочтения. Не могу припомнить в точности всего сказанного им по поводу рассказа. Осталось воспоминание о том изумительном

---

⁶⁸ «как удар грома» (франц.).

^{*} «Apollon Markowitch», «Indépendance Belge», 1877 г., «Аполлон Маркович», «Наш век», того же года. — *Примеч. Бларамберг.*

внимании, с которым Тургенев отнесся и к этой второй работе начинающего писателя.

Рассказ вслед за тем был переведен на французский язык и по предложению Тургенева прочитан зимой в салоне г-жи Виардо в присутствии членов семьи и нескольких посторонних лиц.⁶⁹ Кроме Ивана Сергеевича, г-жи Виардо и переводчика, — ему же предстояло и читать по рукописи, — никто не знал имени автора. Инкогнито это сохранялось для того, чтобы личное знакомство с автором и дружеское к нему отношение не помешали непосредственности впечатления. Автор поместился в отдаленном уголке салона. Г-жа Виардо, как всегда, — в центре у круглого стола с вышиванием в руках, Тургенев — в кресле у затопленного камина. Он казался взволнованным и с напряжением переводил пылливый взгляд с одного слушателя на другого. Образцовое чтение образцового перевода небольшой вещицы благополучно дошло до конца.

На другой день в обычный час Иван Сергеевич с доброю улыбкой приветствовал меня в своем кабинете. Рукопись перевода лежала у него на столе.

— Великолепный, великолепный перевод, — повторял он. — Я был бы рад, если бы меня так переводили!.. Ну-с, почин сделан... Х, — он назвал одного из бывших на чтении слушателей, — вернул мне незадолго до Вашего прихода рукопись... Он хотел ее сам прочесть... Вчера уже он узнал, конечно, кто автор, и огорчился... Вы изумлены?.. Он истинно расположен к Вам и огорчился потому, что хотя рассказ ему и понравился, но он считает его... безнравственным!..

Иван Сергеевич встал и, шагая по кабинету, заговорил о той пропасти, которая разъединяет русского и француза различием их основного мирозерцания.

— Французы — формалисты и твердо стоят на букве закона; стоят все: и заурядные, зажившие буржуа, и лица высокой культуры... В Вашем рассказе многократно обманутый, оскорбленный муж продолжает с любовью относиться к жене до последней минуты ее жизни... Такое отношение не только глупо в глазах каждого уважающего себя француза, но прямо безнравственно, ибо закон не прощает, а подвергает заслуженной каре жену за измену... Эту точку зрения разделяет и Х... Вот почему он и огорчился, узнав имя автора...

Быть может, кстати будет привести здесь один характерный эпизод. Передаю его со слов других, так как он произошел до моего пребывания в Париже.

Шла пьеса Ожье «Madame Caverley». В ложе сидели Тургенев, братья Гонкуры, Альфонс Додэ, Флобер и Золя. Содержание пьесы вкратце следующее: героиня, Madame Caverley, разошлась с развратным мужем, промотавшим и женино, и свое состояние, и уезжает с двумя малолетними деть-

ми в Женеву, где и проживает двадцать лет, но не одна, а с любимшим ее доктором, который растит вместе с нею ее детей, сына и дочь, заменяя им отца. Жизнь течет безмятежно. Прошлое забыто. Вдруг на бедную женщину обрушивается крупное наследство, а засим появляется законный муж, который предъявляет *законные* права на жену, детей и... наследство и раскрывает сыну, уже взрослому молодому человеку, тайну отношений его матери к доктору. Юноша узнает, во-первых, что тот, кого он почитал как отца, ему не отец, а во-вторых, что его мать, его «святая» мать, не безупречна.

Здесь «гвоздь» пьесы. Сын требует объяснения от доктора. Доктор не отрицает факта. Во время объяснения входит молодая девушка. Взволнованный доктор подходит к своей названной дочери, целует ее. Тогда юноша срывается с места, бросается между сестрой и доктором и с трагическим жестом, с тремоло в голосе восклицает:

— Ne touchez pas le front pur.l.l.g... de ma sœur!..^o

Взрыв аплодисментов в театральной зале и негодующий крик из ложи, где сидели писатели:

— Cochon!^н

Крик этот вырвался у Тургенева, к великому смущению его знаменитых друзей, которые так же восторженно аплодировали, как и вся публика.⁷⁰

На следующем после этого представлении обеде писательского кружка произошли страстные прения по поводу этого инцидента. Никто, однако, не перешел на сторону Ивана Сергеевича; никто не хотел понять справедливости его протеста с точки зрения высшего человеческого права, а не формальной нравственности. Один только Золя, подумав, заметил, что, быть может, Тургенев и прав...

Сезон начинается поздно в Париже, и четверги возобновились в декабре, если не позже. Но кроме четвергов у г-жи Виардо собирался по воскресным вечерам интимный кружок.⁷¹ Бывали Ренан, Анри Мартэн, Литтре, Сен-Санс, Форэ, Годар⁷² и др. Из русских частым посетителем воскресных вечеров был Панаев и его талантливая дочь.⁷³

Молодежь устраивала шарады в действиях, затевала разные игры. В шарадах участвовал и Тургенев, внося много оживления, остроумия и беспредельного добродушия в эти забавы. К слову сказать, его деятельное участие в играх и веселье молодежи никого не повергало в изумление. Ренан, Анри Мартэн, работавшие по четырнадцати часов в сутки, — нормальный рабочий день француза, — не считали для себя предосудительным отдаваться часа на два самым наивным, самым детским развлечениям, как, например, игра в фанты, причем Ренану, человеку необыкновенной толщины и насчи-

---

^o Не касайтесь чистого чела-а-а... моей сестры!.. (франц.).

^н Свинья! (франц.).

тывавшему уже тогда около семидесяти лет, приходилось, по нашему назначению, прыгать через платок, что он и проделывал при общем неудержимом хохоте самым простодушным образом.

В другой раз, затеяв празднование встречи нового года по старому стилю на русский лад, с играми и гаданьем, мы между прочим соорудили пирамидку из муки, поместив на вершину гладкое золотое колечко. Все обступили эту пирамидку и старались как можно осторожнее срезывать муку, чтобы не уронить кольца и не подвергнуться штрафу. Очередь дошла до Ренана, стоявшего рядом со мною. Пирамидка держалась на волоске. Приняв от меня нож, он неминуемо должен был уронить кольцо, и когда ему объяснили, что теперь он обязан губами достать кольцо из муки, он с полною готовностью приступил к исполнению обряда, склонил над блюдом с мукой свой тучный стан, но не удержался от смеха, мука рассеялась во все стороны, осыпав его и нас всех мелкой белой пылью, а Ренан долго не мог успокоиться, фыркал, смеялся до слез, все приговаривая:

— Ah, cette perfide jeunesse!.. Cette perfide jeunesse!^p

Не это ли уменье без размышления и анализа давать себе после упорного, напряженного труда краткое, но полное отдохновение и сохраняет ту жизненную способность, которая побуждала Ренана, Анри Мартэна и Литтре, — последние двое тоже уже старцы в то время, — обращаясь к Тургеневу, говорить в пылу спора:

— Vous, qui êtes un jeune homme encore...^c

58-милетний возраст считался молодым этими семидесятилетними старцами, не находившими и себя еще старыми.

Час обеденный, час отдыха для всех, давал повод в Париже, как и в «Les Frères», к оживленной беседе. Касалась она разных предметов, реже всего политики. На Тургенева зимой довольно часто, однако, находило настроение пессимистическое, под влиянием ли повторяющихся мучительных приступов подагры или других неизвестных мне причин. В такие минуты он первым делом начинал отрицать все русское: и русское искусство, и русскую музыку, и русскую литературу...

— Великоросс ни на что не способен, — сказал он однажды. — Назовите мне в России хоть одного великого человека чисто русского происхождения!? Пушкин — африканская кровь... Лермонтов — шотландская... Гоголь — малоросс... У Жуковского — мать турчанка...

— А Тургенев? — прервала его г-жа Виардо.

Но Иван Сергеевич не слушал. С ожесточением продолжал он громить все родное, отрицая в соотечественниках способность и к труду, и к само-

---

^p Ах, эта коварная молодежь!.. Эта коварная молодежь! (*франц.*).

^c Вы же, вы все еще юноша... (*франц.*).

бытности, и к творчеству, видя в них только дряблость, подражательность, расплывчатость...

Мне же при этих горячих спорах невольно вспоминались слова Потугина:^{*} «...Я и люблю, и ненавижу свою Россию, свою странную, милую, скверную, дорогую родину»...⁷⁴

В эту зиму некая Мари Дюма задумала давать музыкально-драматические «matinées» — утренние представления — для ознакомления парижан с произведениями различных национальностей. Дошел черед и до русского утра. Мари Дюма прислала г-же Виардо ложу.⁷⁵

Программа состояла из первого действия «Русалки» Пушкина, сцен из «Каменного гостя» его же (Дон-Жуан и Донна Анна) и вокально-оркестровой части. Драматическому отделению предшествовала лекция (conférence) о русской литературе. Лектор начал прямо с Жуковского, остановился несколько дольше на Пушкине и перешел к новейшей литературе, «знаменитейшего представителя которой, — закончил он, — мы имеем честь видеть в стенах этого зала».⁷⁶

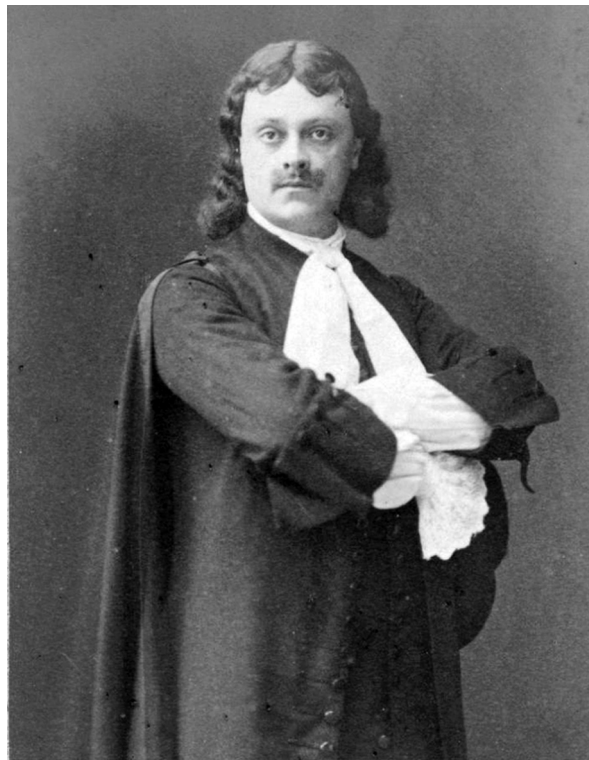
С этими словами лектор обернулся с поклоном к нашей ложе, где позади дам сидел Тургенев. Публика встала; раздались дружные аплодисменты. Тургенев вынужден был тоже встать и раскланяться. Аплодисменты продолжались довольно долго, и довольно долго Тургенев не садился и поклонами благодарил публику.

Наконец, все успокоилось. Занавес поднялся. Казалось бы, после такой овации другой, менее непосредственный человек отнесся бы или, по крайней мере, пытался бы отнестись снисходительно к исполнению, но Тургенев не допускал искажения произведений того, кого он считал светочем России, русского народа, русской литературы... А исполнение «Русалки» было жалкое... Особенно комическую фигуру представлял Князь — жиденький французик в каком-то шутовском костюме, не то кучерском, не то цыганском, с его забавным размахиванием рук и непрерывным встряхиванием головы... Мы с трудом удерживались от смеха. Тургенев не смеялся. Сжимаемая кулаки, он, не стесняясь, громкими, резкими восклицаниями выражал негодование и, только уступая нашим просьбам, согласился... не замолчать, а выйти из ложи.

Дон-Жуан (Муннэ Сюлли⁷⁷) своею поистине великолепною фигурой, звучным голосом и страстною, хотя и несколько мелодраматичною дикцией, проявив и увлечение, и вдумчивость в творении Пушкина, примирил до некоторой степени Ивана Сергеевича с русским музыкально-драматическим утром и заставил его молча прослушать сцены из «Каменного гостя» до конца.

---

^{*} «Дым». — Примеч. Бларамберг.

Анри Дюпон-Вернон. Фотография Надара

Между тем получились последние исправленные корректурные листы первой части «Нови». Иван Сергеевич передал их мне для прочтения; само собою разумеется, не мне одной оказывал он такую честь, что и свидетельствует следующая его записка:*

Париж,
50, Rue de Douai.
Суббота, 20-го янв.

Сделайте одолжение, передайте подателю сей записки, г-ну Веретенникову,⁷⁸ тот экземпляр первой части моего романа, который находится у Вас.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.⁷⁹

---

* Адрес на конверте: Mademoiselle Blaramberg.

21, Rue Duperré
de la part de J. Tourgénéff. — *Примеч. Бларамберг.*

Вскоре вслед за тем познакомилась я в корректурных же листах и со второй частью «Нови».⁸⁰

Припадок подагры продержал Тургенева несколько дней в постели. Мы свиделись за воскресным обедом.

После обеда, когда в салоне начали собираться посторонние посетители, Иван Сергеевич подсел на стул сзади меня в уголке за роялем и вполголоса спросил:

— Ну что?

— «Новь»?.. Чудесно!.. Прочитано в один присест, запоем... Но...

— Но Вы не удовлетворены?

— Но «они» Вам чужды.

Иван Сергеевич понял, что говорится об Остродумове, Маркелове и др.

— И в душе несимпатичны... Помимо воли Вы отнеслись к ним холодно...

— Может быть, может быть, — сказал он, будто несколько огорченный.

К нему подошли. Наш разговор о «Нови» не возобновлялся... Припоминая эту краткую, ярко, со всеми деталями места, где она происходила, внедрившуюся в память беседу, меня поражает в то прошлое время — недостаточно мною оцененное трогательное смирение, с каким всемирно известный писатель выслушал мнение лица, сравнительно молодого, во всех отношениях неопытного и которое не могло иметь никакого авторитета в его глазах...

Газетные и журнальные отзывы о «Нови» известны. Тургенев видел в них подтверждение той непопулярности, которая, по его мнению, продолжала господствовать вокруг его имени в русском обществе...

В самый разгар сезона в салоне г-жи Виардо, по примеру прежних лет, состоялось литературно-музыкальное утро в пользу русской библиотеки в Париже. Салон наполнился многочисленной русской публикой.

Г-жа Виардо исполнила романс Чайковского «Нет, только тот, кто знал свиданья жажду», со свойственной ей страстью, выразительностью и безукоризненной дикцией.⁸¹ Тургенев прочитал отрывок из «Дыма»: «Встреча на станции Литвинова с братьями Губаревыми» и сцену бегства из дома Сипягина Марианны с Неждановым.

Комические сцены удавались ему лучше лирических. Читал он, однако, вообще превосходно, просто и отчетливо. В числе исполнителей находились Поль Виардо (скрипка)⁸² и, если не ошибаюсь, С. И. Танеев — рояль.⁸³ Успех утра был во всех отношениях огромный. Мы, домашние и притом не платные слушатели, изображая из себя раёк, скучились в смежной столовой и, кто стоя, кто сидя на столе, — стулья все были вынесены в залу, — выражали свой восторг неистовыми аплодисментами. Иван Сергеевич неоднократно кланялся в нашу сторону, что, разумеется, вызывало новые

клики и аплодисменты, которые подхватывала и степенная, чопорная публика первых рядов.

Однажды в Париже, войдя днем в кабинет Тургенева, я застала у него даму, очень полную и высокую, с круглым, чисто русским лицом, господина с обликом французского капиталиста и двух детей, от 3-х до 6-ти лет: мальчик и девочка.

— Дочь моя, зять и внуки, — заметил Иван Сергеевич своим ровным, ленивым голосом, представляя меня поднявшейся с дивана даме и ее семье.

Дочь Тургенева по смерти ее матери была взята восьмилетним ребенком г-жой Виардо и воспитывалась со старшей ее дочерью Луизой, в замужестве г-жа Эритт. Получив хорошее воспитание и хорошее приданое, она вышла замуж за фабриканта и, проживая вдали от Парижа, изредка навещала отца. Кроме русского лица да голоса слегка нараспев ничто не выдавало ее происхождения. России она, конечно, не помнила.⁸⁴

В апреле 1877 года я вернулась в Москву, а в начале июня того же года Тургенев приехал в Петербург.⁸⁵ Прожив большую часть молодости в Петербурге и за границей, я не знала вовсе русской деревни, и мне вздумалось пожить некоторое время в Спасском, о чем я и написала Ивану Сергеевичу. Прилагаю его ответ:

С.-Петербург. Большая Конюшенная,
д. Петропавловской церкви,
у г-жи Булье, кварт. 15.
1/13-го июня 1877.

Любезнейшая Елена Ивановна,

Я только вчера вечером получил Ваше письмо⁸⁶ — так как оно было адресовано в Hôtel Demouth — а я живу в «chambres garnies».[†] — С великим удовольствием соглашаюсь на Вами изъявленное желание — и предоставляю Вам весь мой деревенский дом в Спасском, спальное и столовое белье и пр. — Но пища? — У меня там нет ни повара, ни чего подобного. — Если хотите, я немедленно спишусь с моим управляющим,⁸⁷ который живет во флигеле рядом, и спрошу его, не захочет ли он взять Вас en pension[‡] — насчет продовольствия столом, чаем и т. д. — Сам я, вероятно, в деревню не поеду — а останусь всё время в Москве — куда я прибуду непременно в воскресенье — и где я тотчас Вас отыщу. — Но Вы ответьте мне сюда немедленно. Ваше письмо меня еще застанет.⁸⁸ — Мне весьма досадно, что мой ответ — не по моей вине — замедлился — и я пишу уже Вам по адресу г-жи Мамонтовой.

До скорого свидания; дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.⁸⁹

[†] «меблированных комнатах» (франц.).

[‡] на пансион (франц.).

В назначенный день Иван Сергеевич в Москву, однако, не приехал. Он писал мне:

С.-Петербург. Большая Конюшенная,
д. Петропавловской церкви,
у г-жи Булье.
Пятница, 10/22-го июня 1877.

Любезная Елена Ивановна,

Причина моего замедленного прибытия в Москву — грипп, схваченный мною четыре дня тому назад — по милости здешней прелестной погоды; я еще сегодня не выхожу — но так как мне лучше — то надеюсь выехать завтра — или уже никак не позже воскресения. — Я Вам тотчас дам знать; и так как я в деревню не поеду — а выпишу в Москву немедленно моего управляющего — и Вам тогда будет легко уговориться с ним насчет пенсионера. — Я, с своей стороны, «повлияю» на него — и, конечно, дело сладится.

Итак, до скорого свидания. Жму Вам дружески руку и остаюсь
преданный Вам Ив. Тургенев.

P. S. Вы уже, конечно, знаете, что 1-ая часть Вашего романа печатается в июльской книжке «Вестника Европы».⁹⁰

Здесь кстати сказать, Тургенев отличался чрезвычайной мнительностью; и мнительность эта доходила до крайних пределов, когда он приезжал в Россию. Приступы подагры, слухи о какой-либо болезни, принявшей эпидемический характер, особенно призрак холеры заставляли его немедленно бросать дела, задуманные планы и поспешно возвращаться летом — в Буживаль, зимой — в Париж.

В следующем письме он пишет:

С.-Петербург. Большая Конюшенная,
д. Петропавловской церкви,
у г-жи Булье.
Воскресение, 10*/22-го июня 77.

Любезная Елена Ивановна,

На бедного Макара все шишки валятся. И поделом ему: зачем в Россию ездить? — Со вчерашнего дня у меня жесточайший припадок подагры — я не знаю, когда встану — и уже о московской поездке думать нечего. — Я выписал сюда моего управляющего, поговорю с ним о Вашем намерении, дам ему Ваш адрес — и он на обратном пути заедет к Вам в Москву и окончательно с Вами условится.

---

⁹⁰ Число выставлено ошибочно. На штемпеле стоит: Петербург 12-го июня. 10-м числом июня помечено предшествующее письмо от пятницы. — *Примеч. Бла-рамберг.*

Как только мне возможно будет, я удеру в Буживаль. — Но когда? Вот в чем вопрос.

Жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.⁹¹

Несколько дней спустя он писал:

С.-Петербург.

Пятница, 17/29-го июня 77.

Любезнейшая Елена Ивановна, податель сей записки есть мой управляющий, Николай Александрович Щепкин, который приезжал ко мне сюда в Петербург и с которым я говорил о Вашем желании быть у него на пенсии во время Вашего пребывания в Спасском. — Он показал мне совершенную готовность — и, конечно, весьма скоро сойдется с Вами в условиях. Так как он на днях должен жениться — то ему и без того приходилось расширить свое хозяйство.⁹² Он же Вам объяснит, какая ближайшая дорога с железного пути до Спасского и т. д.

Я ему сказал, чтобы он предоставил Вам весь мой флигель в распоряжение.

Я получил Ваше письмо (последнее). С Рагозиным⁹³ я еще не говорил — но, как только узнаю его решение — которое не может не быть в Вашу — так как оно в его пользу (насчет писем Луизы*) — передам Вам. Стасюлевичу я сказал о Вашем желании насчет оттисков — и он очень сожалел о том, что Вы его не выразили раньше — он бы с удовольствием напечатал несколько отдельных оттисков; — но теперь уже июльская книга набрана и ни одного лишнего экземпляра нет. Посылку Луизы, на которую пришла повестка, я доставил в целости.

Моей ноге лучше, но я решительно не могу сказать, когда буду в состоянии выехать. — Дней 10 еще пройдет — но тогда я уже прямо пушусь в Париж — или, говоря точнее — в Буживаль.

Желаю Вам всего хорошего, здоровья и деятельности — (спокойствие у Вас в Спасском будет — и воздух хороший).

Жму Вам крепко руку и остаюсь

искренне Вам преданный Ив. Тургенев.⁹⁴

После кары, постигшей его за известное письмо по поводу кончины Гоголя,⁹⁵ Иван Сергеевич прожил в Спасском около двух лет безвыездно. Затем до 1880 года он наезжал почти ежегодно, но всегда на более или менее короткий срок.

Благодаря, однако, всегда возможному приезду владельца, и дом, и сад содержались в порядке.

Собственно главное здание давно уже сделалось жертвой пожара. Уцелел флигель о восьми комнатах с мезонином, носивший название при жизни

---

* Г-жа Луиза Эритт предлагала посылать музыкальные письма в фельетоны газеты «Наш век», издававшейся в 1877 г. под редакцией Е. И. Рагозина и Шаврова. — *Примеч. Бларамберг.*

матери Ивана Сергеевича «музыкантского», да в мезонине, где по ветхости полов и потолков никто не жил и где собрана была разная рухлядь, насчитывалось три или четыре комнаты.

Сгоревший дом с разбитым перед ним цветником стоял против церкви, отделенной от сада чугунною решеткой. Двое ворот, одни — в сад, другие — на проезжую дорогу, служили въездом в церковную ограду, из сада — владельцам Спасского и их домочадцам, с дороги — остальным прихожанам. Флигель же, как продолжение фасада, приходился сбоку.

Следы пожарища исчезли. Место, на котором стоял дом, заросло деревьями, но площадка с цветником осталась; сохранилась и старинная церковь; сохранился в 1877 году в прежнем виде и флигель, в котором Тургенев задумал и частью написал «Записки охотника», «Рудина», «Дворянское гнездо», «Накануне», заканчивал «Отцов и детей».

Обстановка флигеля была старинная. В гостиной — широкие, мягкие, зеленым сафьяном обтянутые диваны, позволяющие лечь и вдоль и поперек; удобные и тоже широкие кресла с мягкими налокотниками и валиками для головы. Массивные преддиванные столы, горка с остатками старинных чашек и безделушек; тяжелые зеленые занавеси на окнах, устойчивые, работы крепостных столяров ломберные и шахматные столики.

Гостиная с одной стороны имела выход в кабинет Ивана Сергеевича, с другой — в столовую. Одна из дверей столовой вела на балкон с колоннами и широким крыльцом, по низким, временем источенным ступенькам которого сходили в сад.

Кабинет был одновременно и спальней писателя. Ширмы, обтянутые малиновой тафтой, заслоняли кровать. Между двух окон, выходивших в сад, на скрытую густой порослью церковную ограду, стоял по длине комнаты письменный стол.

Смежная с кабинетом узкая проходная комната, уставленная мебелью из карельской березы и книжными шкафами, носила название «Казино». Три двери: одна — в кабинет, другая — на низенькое крыльцо в сад, третья — в большую, очень светлую комнату с биллиардом посредине и библиотечными шкафами из ясеневоего дерева вдоль всех стен от полу до потолка. Шкафы эти заключали более 2-х тысяч томов полных собраний сочинений писателей XVIII столетия, преимущественно энциклопедистов, а также русских старинных изданий и журналов.

В шкафах «Казино» были собраны европейские классики. Особенною полнотою отличалась немецкая литература XVIII и XIX столетий.⁹⁶

Флигель с его домашним обиходом находился в 1877 г. в ведении Захара, старого камердинера Тургенева.⁹⁷

Он же, Захар, с женой и молоденькой дочерью, был приставлен ко мне для личных услуг.

Подавая чай или обед, Захар, — старинной выправки человек, высокий, худощавый, пожилой, с бельмом на глазу, — становился в дверях и, заложив одну руку за спину, охотно вступал в беседу, причем с благоговейной нежностью говорил об Иване Сергеевиче, которого он в молодые годы сопровождал и в Петербург, и в Москву, и с почтительною иронией докладывал о «мамаше их» Варваре Петровне.

В 1877 году Спасское, как село, так и помещичий дом и вся усадьба, были полны еще воспоминаниями о Варваре Петровне Тургеневой, урожденной Лутовиновой.*⁹⁸

Иван Сергеевич только вскользь упоминал об отце, умершем рано,⁹⁹ но о матери, на много лет пережившей своего мужа С. Н. Тургенева, он говорил пространно.

— Это была неглупая, для своего времени довольно образованная, но бессердечная, взбалмошная женщина, — рассказывал он. — Я никогда ее не любил, а она презирала меня за слабость характера вообще, а за писательство в частности... Русской литературы она не признавала, зная только французскую...

Неоднократно в своих произведениях изображал он мать свою. Черты ее характера рассеяны в рассказах: «Муму» (барыня), «Постоялый двор» (Лизавета Прохоровна), «Первая любовь» (мать героя). Кстати, последний рассказ он считал лучшим своим произведением.

«Все это лично пережито», — заметил он как-то раз.

Художественно очерченный образ, казалось, витал и в бывальщинах Захара и других старожил, и в причудливых названиях комнат: Казино, Монтекристо, — так почему-то именовался мезонин, где в ранней юности жил с братом Иван Сергеевич, — и в бильярдной, где, восседая на возвышении, Варвара Петровна принимала доклады и прошения подданных и изрекала свои приговоры...^{**},¹⁰⁰

Анекдотов о властной самодурке-помещице ходило множество, составляя резкий контраст с былью и небылицами, которыми уснащались рассказы об ее знаменитом сыне... В первых преобладали черты жестокости, самоуправства, властолюбия, эгоизма и невнимания к правам человека, будь то родной сын или «раб»; во вторых — черты гуманности, мягкости, подчас излишней, доверчивости, подчас наивной, и ни одной черты, унижающей человеческое достоинство.

В рассказах ли Захара, или дряхлого дворового, бывалого охотника, послужившего прототипом Ермолаю («Записки охотника»),¹⁰¹ или не менее

---

* Спасское принадлежит роду Лутовиновых и в записях именуется: Спасское-Лутовиново. — *Примеч. Бларамберг.*

** «Собственная господская контора». Отрывок из неизданного романа. — *Примеч. Бларамберг.*

дряхлой богаделки, знавшей «благодетельницу» Варвару Петровну и умилявшейся над ее барской добродетелью, а попутно восхвалявшей сынка благодетельницы «ясного сокола, батюшку нашего Ивана Сергеевича»... или в повествованиях испитого фельдшера, бывшего крепостного Варвары Петровны,¹⁰² — личность Тургенева являлась всегда светлою, ясною, ничем не запятнанною...

Вспоминалось, как Варвара Петровна, совершая туалет по соседству с гостиной, наполненной гостями, ожидавшими выхода хозяйки, приказывала слуге вертеть около нее рукоятку шарманки, чтобы музыкой заглушать плески воды; или как в холерный год, страшась холеры, но считая нужным лично обозреть свои владения, она, узнав от фельдшера, что зараза жидется в воздухе, велела смастерить стеклянный шкаф, в шкаф поместить кресло и, сидя в этом шкафу, поставленном на носилки, торжественно появлялась в селе Спасском; причем однажды встречный мужичок вообразил, что несут икону, набожно простерся ниц перед шкафом и положил грошик на его выступ, вызвав тем сильный гнев Варвары Петровны и приказание бурмистру немедленно забрить лоб несообразительному мужичонке...

В стенах, где одновременно с этими анекдотами шли описания физических и нравственных истязаний подвластных людей, — в этих самых стенах созидалась эпопея крепостного права — «Записки охотника», — несомненно, ускорившие его уничтожение.

Тенистый сад раскидывался перед флигелем, охватывая его с трех сторон. Липовые аллеи, пруд, купальня, сиреневые заросшие беседки были обычно принадлежностью старинных помещичьих садов, но здесь каждый уголок этого заглохшего, задумчивого сада носил как бы отпечаток целого ряда годов, прожитых под его сенью Тургеневым в различную пору жизни.

— Эту вот аллею, — говаривал Захар, почтительно следуя за мной по саду, — Иван Сергеевич сами насадили... Каждое дерево собственными руками сажали... В этой беседке часто, когда приедут, сидят с книжкой... А вон на той скамейке, что под двумя братьями, — так называлась оригинальная ель, двойной ствол которой, сплетясь, рос из одного корня, — частенько в прежнее время, когда Иван Сергеевич подолгу в Спасском проживали, сживали гости: Панаев, Некрасов, Григорович, Полонский, Шеншин, — они же Фэт... Граф Лев Николаевич Толстой тоже, бывало, наезжали...¹⁰³

Много рассказывал Захар об этих «гостях». В его бесхитростных характеристиках образы писателей, которые в то время почти все еще были живы, всплывали из далекого прошлого и, казалось, вновь одухотворяли заветный спасский сад, свидетеля мечтаний юного Тургенева и полного впоследствии расцвета его таланта и душевных сил.

В Спасское Тургенев писал мне:

Буживаль. Les Frênes.

Пятница, $\frac{3\text{-го авг.}}{22\text{-го июля}}$ 77.

Любезнейшая Елена Ивановна,

Я бы давно отвечал на Ваше дружеское письмо¹⁰⁴ — если бы не новый подагрический припадок, который с неделю продержал меня в горизонтальном положении и от которого я едва оправляюсь. — Я очень рад, что Спасское Вам понравилось — и только сожалею о том, что дурная погода мешает Вашим прогулкам и в виде дождя даже врывается под ветхий кров моего дома. Я радуюсь также тому, что Вы довольны вниманием моего управляющего и его семейства, и надеюсь, что Ваше пребывание в деревне отзовется благоприятно и на Вашем здоровье, и на Вашей деятельности.

К великой нашей общей досаде, № «Вестника Европы», в котором находится первая часть Вашего романа, до сих пор не прибыл в Париж (первый пример неаккуратности с тех пор, как я состою сотрудником этого журнала!). — Если он скоро не отявится — я напишу об этом Стасюлевичу.

Из писем Луизы Вы, наверное, до подробности знаете все, что у нас здесь совершается.¹⁰⁵ — Все обстоит благополучно, она работает безустанно — так же как и ее мать — а остальные все бездействуют — начиная с меня.

Это полусонное, впрочем очень приятное, существование было на днях прервано горестными известиями с театра войны. — Я должен сказать, что давно не испытывал такой патриотической скорби; — предчувствия, самые мрачные, меня терзают. — Я предвижу катастрофы, всяческие унижения и беды, из которых, по-моему, самая малая — окончательное падение славянских надежд. Повторится то, что произошло в Малой Азии; но повторится ли то, что совершилось после Крымской кампании?

Вот чем должно было всё разыграться!

Прощайте; — желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.¹⁰⁶

В Спасском, близ церкви, через дорогу, находилась богадельня, построенная еще при Варваре Петровне. Здесь в 1877 году доживали свой век несколько старух.¹⁰⁷ Не раз заходила я к ним и беседовала об их нуждах и о старине. Благодаря ли вниманию, меня окружавшему, или по другой причине, но богаделки решили, что я — дочь Ивана Сергеевича и прямая его наследница. Толки эти распространились и по селу Спасскому... Иная баба, встречая меня на селе, зазывала к себе, потчевала, чем могла, и, умильно покачивая головой, заявляла, что будто весь народ, когда видит меня в церкви, думает: «И лицом-то она вся в тятеньку свою, барина нашего Ивана Сергеевича».

Мои протесты ни к чему не вели. «Скрывает!» — говорили бабы, хитро подмигивая друг другу. Конечным же выводом слагавшейся, помимо моей воли, легенды являлись просьбы и обращения ко мне со всякими нуждами.

О некоторых просьбах я сообщала Ивану Сергеевичу. Он писал в ответ:

Bougival (Seine & Oise).
Les Frênes.
Понедельник, 27/15-го авг. 77.

Любезнейшая Елена Ивановна,

Мне действительно известна кандидатка в богадельню — о которой Вы говорите — и я не вижу препятствий ее поступлению на открывшуюся ваканцию. Будьте так добры и сообщите об этом Щепкину.

К крайней моей досаде — последние два N-а «Вестника Европы» — именно те, где находится Ваш роман — доселе не прибыли в Париж.¹⁰⁸ Не могу понять, чему должно приписать это отступление от обыкновенной аккуратности. Я хотел довести это до сведения Стасюлевича — я его ежедневно ожидал здесь — и он — точно — был здесь 24-го числа в мое отсутствие и оставил карточку — но, вероятно, уехал за женою в Диепп. Я решился сегодня же написать прямо в редакцию.

Я очень рад, что Спасское продолжает Вам нравиться. — Меня очень трогает то, что Вы говорите о чувствах спасских жителей ко мне: одним доказательством больше — как легко заслужить любовь русских крестьян. Вся моя заслуга состоит в том, что я им никогда не делал зла — и даже, по мере возможности, делал немножко добра, которое, в сущности, ничего мне не стоило — и не лишало меня ни единой прихоти. — Легенда о нашем родстве — очень для меня лестная — вероятно, имеет основанием тот факт, что Вы: Ивановна; впрочем, она служит доказательством, что Вы крестьянам нравитесь; — вот они и приурочили Вас ко мне. — Я уверен, что пребывание Ваше в деревне будет полезно Вам и с литературной точки зрения: набирайтесь как можно больше впечатлений — но не думайте — пока — передавать их. — Это придет со временем. Резервуар не может в одно и то же время набирать в себя воду и выпускать ее. — «Записки охотника» накопились во мне целых 10 лет.

Я не сомневаюсь в том, что г-жа Якушкина* Вам придется Вам^φ по сердцу; это умная, дельная и энергичная женщина.¹⁰⁹

Я бы не желал говорить с Вами о наших военных делах... Слишком всё это скорбно, горько и постыдно. В противность ожиданиям наших бедных орловцев — я предвижу самые тяжелые катастрофы... И они частью уже осуществились. — Такое ведение войны — невысказимо, безобразно... Но на бумаге этого не выскажешь. Результат будет хуже Крымской кампании... Быть может, это несчастье, так же как и тогда, послужит нам в пользу — со временем.

Довольно об этом.

Мы здесь теперь очень одиноки. Все наши дамы на морских купаньях. — Впрочем, г-жа Виардо возвращается сегодня.

Луиза здорова и работает с необычайной настойчивостью.

Будьте здоровы и Вы тоже. — Желаю Вам всего хорошего и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.¹¹⁰

---

* Предшествующее письмо, в котором Иван Сергеевич между прочим рекомендует мне познакомиться с Елизаветой Мардарьевной Якушкиной, утрачено. Усадьба Е. М., Старухино, находилась в семи верстах от Спасского. — *Примеч. Бларамберг.*

^φ Так в подлиннике.

Иван Сергеевич обладал редкою способностью проникаться настроением чужого художественного произведения, воспринимать и отмечать то, что в нем было истинно прекрасного. Но никто из современных ему писателей не ставился им на такую высоту, как граф Лев Николаевич Толстой.

О бывших между ними недоразумениях Тургенев упомянул как-то раз, и то вскользь, не входя в подробности.

В 1878 году, приехав в начале августа в Москву, он навел меня в редакции «Русских ведомостей»,¹¹¹ где я в то время работала, и первым делом сообщил, что написал Льву Николаевичу о своем желании навестить его в Ясной Поляне и уже получил радушно приглашение приехать.¹¹²

«Вы не можете себе представить, как я рад этой поездке, — говорил он. — Я уверен, что теперь всем недоразумениям конец... С моей стороны, по крайней мере, все давно забыто.¹¹³ Я немедленно еду и уж из Ясной Поляны проеду в Спасское. Что Вам привезти на память из Спасского?.. Издание Жорж Санд, что в шкафу Казино? Прекрасно; не забуду... Привезу с удовольствием».¹¹⁴

Несколько дней спустя пришло письмо:

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловская губ., город Мценск).
Пятница, 11/23-го авг. 1878.

Любезнейшая Елена Ивановна, я приехал сюда вчера рано утром — (я прогостил почти два дня у Л. Н. Толстого) — и не только не нашел здесь ни одного письма из-за границы — но и сегодня мне с почты ничего не привезли. — Это меня беспокоит. — Следовало бы, по расчету, предположить, что г-жа Виардо 10 дней сряду ко мне не писала — чему трудно поверить — притом она была больна... Если Вам что-нибудь известно — так как Вы очень часто переписываетесь с Луизой¹¹⁵ — то будьте так добры — дайте мне знать хотя двумя словами. — Я почему-то очень встревожен и предаюсь разным нехорошим предчувствиям.

Заранее благодарю Вас, крепко жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

P. S. Здесь все Вас помнят и велят Вам кланяться.¹¹⁶

По возвращении из Спасского он приехал ко мне снова в редакцию «Русских ведомостей» с большим томом сочинений Жорж Санд, издания 1838 г., в руках.

Сообщив о полученных письмах из Буживаля, вполне его успокоивших, он заговорил о поездке в Ясную Поляну. По-видимому, свидание с Львом Николаевичем удовлетворило его во всех отношениях, мало того, — придало ему какую-то особую бодрость.¹¹⁷ По крайней мере, никогда не видела я его таким веселым и помолодевшим, как в этот его приезд.

Мы часто встречались у А. Ф. Писемского и предприняли несколько совместных поездок, между прочим в Абрамцево по Ярославской железной

дороге, близ ст<станции> Хотьково, к г-же Мамонтовой, с которою он желал познакомиться, и в Кунцево — к Павлу Михайловичу Третьякову.

В Абрамцеве Тургенев бывал в молодости у Сергея Тимофеевича Аксакова, и ему хотелось вновь увидеть ту узкую, извилистую речку, на берегу которой он с автором «Семейной хроники» предавался ужению рыбы, тот дом, где проживала тесно сплоченная, дружная, патриархальная семья, где он вступал в горячие споры с Константином Аксаковым, с одной стороны приводившим его, молодого западника, в негодование ультраславянофильским мирозерцанием, а с другой — в умиление перед сыновним культом престарелого отца, «и где на старом аксаковском пепелище водворились новые люди, новая жизнь»...¹¹⁸

Об Аксаковых, отце и сыновьях, Константине и Иване Сергеевичах, заговорил он снова, когда поздно вечером, после блестящего приема и не менее блестящих проводов, устроенных ему владельцами Абрамцева, мы остались одни в вагоне, и, как всегда, едва намеченными образами вызывал целые картины пережитых им впечатлений и яркие характеристики сошедших в могилу лиц...

Припоминается мне эпизод со щукой... Иван Сергеевич с обычным юмором начал было рассказывать, как он в один из своих приездов в Абрамцево поймал большую щуку, как он волновался, хватая щуку, упавшую с лесой на траву и бившуюся в тщетных усилиях сорваться с крючка, и какое непритворное огорчение и зависть к удаче своего молодого товарища испытывал Сергей Тимофеевич — страстный рыболов, — у которого в этот день клевала только мелкая, ничтожная рыбешка...

Рассказ этот со всеми подробностями местности неожиданно прервался. Слабый вздох донесся до нас с противоположного конца отделения, куда на одной из промежуточных станций близ Москвы вошла дама под вуалью.

Услышав вздох, Тургенев оглянулся. Дама, сидя спиной к нам, смотрела в окно и время от времени прижимала руку к виску.

— Не больна ли? — наклонясь ко мне, шепнул Иван Сергеевич. — Может, холера?

Я рассмеялась. Добродушно смеясь в свою очередь, он, однако, пошарил в ручном мешке, вытащил флакон о-де-колона, с которым никогда в пути не расставался, окропил меня, себя, наши диваны и украдкой брызнул несколько капель в сторону все в той же позе неподвижно сидевшей незнакомки и затем, убрав флакон, продолжал рассказ.

Вскоре после поездки в Абрамцево мы условились ехать в Кунцево.¹¹⁹

Приехав к нему в назначенный час в квартиру управляющего удельною канторой И. И. Маслова, у которого Иван Сергеевич всегда останавливался,¹²⁰ я застала у него пожилую даму, всю в черном, небольшого роста, худошавую, с очень быстрыми темными глазами и порывистыми движениями. То была мать Скобелева. Язвительно и резко заговорила она, после

того как Иван Сергеевич меня ей представил, о происках и интригах, жертвой которых, по ее словам, сделался ее прославленный сын в русско-турецкую войну...

«Ему всем обязаны, — закончила она, — а между тем наградой ему была только клевета, клевета, клевета!»...

Она говорила стоя, с большим волнением, и не только резкие черты лица ее, но и узкие плечи и руки, — все находилось в движении. Иван Сергеевич внимательно слушал, по обыкновению запечатлевая в памяти особенности жестов, речи, выражения лица...

Не думал он, что дни этой не по летам подвижной, пылкой, честолюбивой, энергичной женщины уже сочтены... «Паломничество к любимому писателю», как она сама именовала свое посещение его, оказалось последним... Она была ограблена и зверски убита, как известно, в предпринятую ею поездку в славянские земли.¹²¹

Визит г-жи Скобелевой затянулся, и уже стемнело, когда мы сели в карету, чтобы ехать в Кунцево. Темнота усилилась набежавшими облаками. За разговором мы не заметили, что начал накрапывать дождь. Вдруг он хлынул, как из ведра. Мы уже доехали до Кунцева, но кучер повернул не туда, куда следовало, и, въехав в какой-то узкий переулок, объявил, остановив лошадей, что не знает, в какую сторону надо теперь свернуть. Тургенев, всю дорогу балагуривший и смешивший меня анекдотами, высунулся наполовину в окно и начал вопить тоненьким голоском:

«Помоги-и-те! Помоги-и-те!»

Со всех дачных дворов поднялся неистовый лай собак. В опущенное с моей стороны стекло просунулись растерянные лица двух дворников, а за ними испуганно заглядывали в карету чьи-то другие лица. От смеха я не могла слова вымолвить, а Тургенев, потешаясь произведенным переполохом, все еще вопил, высунувшись в окно: «Помоги-и-те!».

С дворниками, ночными сторожами на козлах, подножках и на запятках въехали мы в ворота дачи Третьяковых, от которой, как оказалось, мы были всего в нескольких шагах.

Комический эпизод привел Ивана Сергеевича в самое веселое настроение, и весь вечер держал он под властью своего мягкого, незлобивого юмора осчастливленных его приездом хозяев и их домочадцев.

Вскоре после того он уехал в Буживаль.

В январе 1879 года, поднимаясь по лестнице в помещение петербургского Кружка художников, где в тот вечер выступала в «Грозе» Стрепетова,¹²² я неожиданно увидела впереди себя Тургенева, предполагавшего приехать в Петербург только весной. Для него мой приезд из Москвы был также неожидан. Разговаривая, мы вошли в театральную залу, переполненную публикой. Лишь только высокая фигура Тургенева появилась в дверях, какой-то трепет и шепот пронесся по рядам стульев; все начали вставать, и зала раз-

разилась аплодисментами. Тургенев, несколько озадаченный, на мгновение остановился, потом заторопился двинуться вперед вслед за распорядителем, сопровождаемый дружными аплодисментами.

— Что это? — сказал он мне взволнованным голосом. — Настроение будто изменилось.

Изменившееся, по его мнению, настроение еще ярче выразилось в Москве, где в феврале он согласился читать на заседании Общества любителей российской словесности. Бурными, долго не умолкавшими аплодисментами встретили его, лишь только он взошел на эстраду, и восторженными овациями благодарили за чтение, по окончании которого на эстраду вошел студент и, поднеся Ивану Сергеевичу лавровый венок, произнес краткую прочувствованную речь. Тургенев положил венок к подножию находившегося на эстраде бюста Пушкина и ответил несколькими словами, вызвавшими новую бурю восторгов.¹²³ Студенты толпой, кликами и аплодисментами провожали писателя по коридорам до швейцарской и высыпали бы на улицу, если бы полиция не поспешила закрыть дверь, когда Тургенев вышел на подъезд. Пристав предупредительно и почтительно подсадил Ивана Сергеевича под руку в карету.

— С честью провожают! — смеясь сказал он, когда дверка кареты за нами захлопнулась.

Голос его дрожал. Он откинулся в угол кареты и, против обыкновения, молчал, сказав только, как бы про себя:

— Мог ли я это предвидеть!

А. Ф. Писемский ожидал нас после заседания к ужину.¹²⁴ Но и за ужином Тургенев был менее разговорчив, чем всегда. Он казался утомленным, и только глаза его светились каким-то необычным радостным светом.

4-го марта в Благородном собрании был дан вечер с благотворительной целью и с участием Ивана Сергеевича. Появление писателя было встречено *стоя* и восторженными продолжительными аплодисментами. И здесь студент, взойдя на эстраду, поднес большой лавровый венок и сказал приветствие от лица своих товарищей, — приветствие еще более теплое, чем то, которое выслушал Иван Сергеевич в Обществе любителей словесности.

Ответная его речь в свое время дословно была напечатана во всех ежедневных изданиях. Он прибавил после взрыва аплодисментов, что таких оваций, такого венка не удостоивались при жизни великие его литературные учителя, Пушкин и Гоголь, и он просит позволения обратиться на них доставшееся на его долю приношение.¹²⁵ Но молодежь, в лице своего оратора, горячо настаивала на том, чтобы Иван Сергеевич принял их дар.

6-го марта, как известно, состоялся обед в «Эрмитаже» в честь Тургенева, явившийся сплошной ему овацией.¹²⁶

После этого обеда он еще оставался несколько дней в Москве, но вследствие нового приступа подагры вел жизнь замкнутую.

К этому времени относятся следующие записки:

Буду с удовольствием ожидать Вас завтра в ½ 12-го.

Преданный Вам Ив. Тургенев.¹²⁷

Я лежу на диване и, вероятно, пролежу целый завтрашний день — и со всем тем буду рад Вас видеть.

Ваш Ив. Тургенев.*¹²⁸

Я заставала его одного с закутанною теплыми плéдами ногой, но бодрым и чрезвычайно оживленным. За вечерним чаем с крыжовниковым вареньем, — его любимое варенье, — часы летели незаметно. Он говорил о новой задуманной повести, о своем желании поселиться в Спасском, о решении переделать, перестроить свой старый дом, читал выдержки из писем Марианны об ее блестящем дебюте в концерте Колонна...¹²⁹ Письма эти чрезвычайно волновали его... Не упоминал он только о встреченных им овациях, но и в разговоре, касающемся посторонних предметов, и в выражении просветлевшего лица его видно было, что он переживал в этот свой приезд радостные, счастливые минуты, озарившие лучом солнца закат его жизни.

Перед отъездом в Петербург он написал мне по поводу переданного мною ему желанья Е. Г. Мамонтовой навестить его:

Удельная контора.
Вторник.

Любезнейшая Елена Ивановна,

Мне самому весьма хотелось видеться с Елизаветой Григорьевной — и я соби-
рался ее навестить; но если она желает ко мне пожаловать — то я буду ждать ее и
Вас завтра (в среду) — между 3 и 5-ю часами. Я уезжаю в 8 в Петербург — и по-
тому никто нам не помешает. Впрочем, весьма вероятно, что я на будущей неделе
опять вернусь сюда на несколько дней по моему делу.

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам Ив. Тургенев.¹³⁰

Но он не вернулся... Свиделась я с ним мимолетно в Петербурге в на-
чале 1880 года. Это было наше последнее свидание. Меня не было в Москве
в памятные «Пушкинские дни» 1880 г., когда на долю Ивана Сергеевича
выпали беспримерные доселе почести и овации.

Года два спустя в Севастополе, где я в то время жила, до меня дошли вести
о страшном недуге, постигшем писателя.

---

* Обе записки на маленьких клочках бумаги. Вторая написана карандашом и
адресована: «Е. И. Бларамберг у А. Ф. Писемского». — *Примеч. Бларамберг.*

Считаю небезынтересным привести здесь в переводе выдержки из писем ко мне Марианны Дювернуа, урожденной Виардо, о предсмертной болезни Ивана Сергеевича:

Paris, le 6 avril 82.
50, rue de Douai.

...Хорошо, что я не могла тотчас же вам ответить на ваше письмо, так как в ту минуту известия о бедном Тургеневе были бы нерадостны! Он пережил два ужасных месяца в мучительных и непрерывных страданиях, и мы были глубоко огорчены, уверяю вас, видеть нашего бедного друга в таком печальном положении, не имея никакой возможности ему помочь. Несколько дней тому назад произошло значительное улучшение. Пароксизмы прекратились, как по волшебству, он может поворачиваться один на своей постели, спать без помощи сильных наркотических средств, двигаться вправо и влево, чего с ним не случалось уж очень давно; вследствие этого он чувствует себя как бы в раю, и мы с ним, потому что ужасно видеть столь страдающим человека, такого доброго и которого так любишь... Я рада, что могла дать более благоприятные известия о больном, лишь бы только это *улучшение* было серьезно, но так как недуг нашего бедного друга состоит из невралгии и подагры,* то доктора не ручаются за полное выздоровление...¹³²

В одном из следующих писем, сообщив мне о болезни и кончине своего отца, г-жа Марианна Дювернуа пишет о Тургеневе:

Les Frênes, Bougival.
Le 5 mai 83.

...Мы все теперь собрались около нашего дорогого больного Тургенева, который все еще очень плох, однако ему с некоторых пор *немного* лучше, но, к несчастью, всегда надо опасаться возобновления припадков. Не будет ли жара иметь такой же счастливый результат, как и прошлое лето?.. На это мы надеемся и желаем этого от всего сердца... Несмотря на все наши заботы, полные любви, о нем, это желание приблизительно все, что мы можем для него сделать... Какая жестокая болезнь и какого бедного мученика она из него сделала!..

В июле того же года, возвращаясь на север, я захала к соседке Тургенева по имени Е. М. Якушкиной и от нее проехала в Спасское.

Желание свое Иван Сергеевич исполнил: старый флигель подвергся и внутренней, и наружной переделке, и лето 1881 года Тургенев провел в своем обновленном деревенском доме, а Спасское снова, как бывало, оживилось пребыванием многих гостей... Гостили в то лето у радушного хозяина Я. П. Полонский с семьей,¹³³ Всеволод Гаршин,¹³⁴ М. Г. Савина¹³⁵ и др.

---

* Так определяли врачи болезнь Тургенева до приезда д-ра Белоголового. — *Примеч. Бларамберг.*¹³¹

Расположение дома осталось, однако, то же, и тот же неизменный, только несколько постаревший Захар встретил меня. Речь его, когда дело коснулось Ивана Сергеевича, полилась свободно. Слухи о тяжком недуге его барина тревожили верного слугу, и он был полон надежды...

— Иван Сергеевич предполагали приехать в Спасское надолго-с... Они и дом-то перестраивали для долгого житья, — говорил он, следуя за мной, как в былое время, при обходе дома и сада.

Надеждам Захара не суждено было сбыться. Месяц спустя весть о кончине страдальца облетела всю Россию.

Марианна Дювернуа писала мне:

Les Frênes, Bougival.

Le 18 octobre 83.

...Простите, что я так долго не отвечала на ваше письмо. Не знаю, как протекло время, но наша большая печаль и тысяча забот и дел, следовавших за кончиной нашего дорогого друга, безусловно поглотили и наполнили наше существование. Мы находимся еще под гнетом этой жестокой утраты и не можем привыкнуть к мысли, что навсегда должны отказаться от мысли увидеть вновь этого доброго дорогого друга, которого мы так нежно любили и который, в свою очередь, так нас любил. Мысль, что мы могли окружить его заботами до самой его смерти, — слабое утешение для нас... А эта смерть, которую он призывал так давно и которая освободила его от невыразимых страданий, не менее для нас ужасна; и пустота, которую он оставил после себя, неизмерима и никогда не будет наполнена. Мы проживем здесь еще некоторое время, не имея духа покинуть Les Frênes, которые наш дорогой усопший так любил и которые теперь наполнены грустными сладостными воспоминаниями! Мне всегда тяжело входить в шалэ, где наш бедный Тургенев так сильно страдал и где мы проводили такие печальные дни, приходя в отчаяние, что так мало в состоянии облегчить его муки. Он перестал страдать только последние три дня, в то же время потеряв сознание, к счастью, так как я надеюсь и верю, что он не видел приближения смерти, столь близкой и быстрой. Он внезапно и тихо скончался в промежутке двух вздохов. Мы все были около него и никогда не забудем этой торжественной минуты. Он был дивной красоты на своем смертном одре. Его прекрасное лицо, столь похудевшее и изменившееся, приняло выражение спокойствия и улыбки, как при жизни. Мы счастливы, что имеем возможность хранить столь светлое воспоминание об его дорогих чертах, которые мы видели так часто искаженными страданием. Теперь он мирно покоится в своей стране, которую он так любил, но здесь он оставил глубокое и неизгладимое воспоминание, ибо никто его так не знал, как мы, и никто не будет его так долго оплакивать...

Светлым, ничем не омраченным остался и в моей памяти образ Тургенева. Случай, познакомив меня с ним, дал мне возможность узнать его в повседневной жизни, — как человека, душевная доброта и отзывчивость которого соединялись с глубоким высоким умом и обширным образованием, — и как писателя, никогда не поступавшегося своими убеждениями и сохра-

нившего неизменно до конца дней строгое отношение к своему таланту и к своей ответственности перед читателями, перед родиной...

Ташкент.

5-го ноября 1903 г.

¹ *Серов Александр Николаевич* (1820–1871), композитор, музыковед, музыкальный критик. Музыкально-критическая деятельность началась в 1851 г. (обзоры музыкально-театральной жизни в «Современнике»); вместе с женой издавал собственный журнал «Музыка и театр». Основные оперы: «Юдифь» (1861–1862; по одноименной пьесе итальянского драматурга П. Джакометти; постановка: Петербург, Мариинский театр, 16 мая 1863 г.), «Рогнеда» (1863–1865; либретто Д. В. Аверкиева по сценарию композитора; постановка: Петербург, Мариинский театр, 27 октября 1865 г.; под управлением К. Н. Лядова) и «Вражья сила» (по пьесе А. Н. Островского «Не так живи, как хочется»; начата в 1867 г., после смерти композитора опера была завершена вдовой В. С. Серовой и учеником композитора Н. Р. Соловьевым; первая постановка: Петербург, Мариинский театр, 19 апреля 1871 г., бенефис Э. Ф. Направника).

В письме к П. Виардо от 6, 7 (18, 19) января 1864 г. из Петербурга Тургенев сообщал, что вечером 6 января слушал оперу Серова «Юдифь»: «Ну, должен сказать, что это замечательное произведение, несмотря на невыносимые длинноты и неловкости, плачевное исполнение, декорации под стать. Оно происходит по прямой линии от Вагнера — но есть в нем и какое-то дуновение страсти и величия, в котором проявляется музыкальное дарование, очень интересное и даже оригинальное». Знакомство с композитором состоялось на следующий вечер, Тургенев описал его в том же письме: «Он играл нам отрывки из своей новой оперы „Рогнеда“ <...> или я жестоко ошибаюсь, или этот странный и нервный человечек обладает очень большим талантом. В особенности меня привели в восторг два хора и ария юноши истинно моцартовской чистоты...». Поразило писателя и исполнительское мастерство Серова: «Он словно дьявол менял облик перед своим фортепиано и пел невероятным голосом. — Этот Серов — великий колорист и мастерски владеет оркестром» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 368–369. Подлинник по-франц.). Правда, несколько лет спустя в письме от 6 (18) сентября 1870 г. к Я. П. Полонскому Тургенев иначе отзывался о музыке Серова: «Его музыка мне кажется неоригинальной и „высиженной“. А впрочем — я, быть может, ошибаюсь» (Там же. Т. 10. С. 237). Ср. также свидетельство В. В. Стасова, не любившего сочинения Серова: «Тургенев, как и я, мало находил у него дарования и признавал его музыку высиженной, вовсе не оригинальною» (*Т в восп совр (2)*). Т. 2. С. 102). Умер Серов от инфаркта 20 января (1 февраля) 1871 г. После его смерти Тургенев присутствовал в конце февраля — начале марта 1871 г. в Петербурге на одной из репетиций последней оперы композитора «Вражья сила» (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 41).

Жена композитора вспоминала, как Тургенев встречался с ее мужем в Баден-Бадене в августе 1864 г., тогда же они вместе посетили П. Виардо: «Серов в наипрекраснейшем настроении начал снаряжаться к Тургеневу». Позже муж сообщил ей, что «на днях» они отправятся к П. Виардо: «Эту певицу он ценит выше всех знаменитых примадонн; ее ум, оригинальность, образование, — словом, ее гениальность

пленила его в бытность ее в Петербурге. Он даже несколько волновался, собираясь к ней, потому что желал ей сыграть еще неоконченную оперу „Рогнеда“ и узнать ее мнение о ней. На другой день Тургенев пришел к Серову отдать ему визит. <...> Он расспросил подробности о „Юдифи“ и „Рогнеде“ <...> Тургенев предупредил Серова, что <...> у нее (Виардо. — *С. И.*) не хватит времени вникнуть в музыкальные детали оперы, которая заведомо ее очень интересует». Однако реакция П. Виардо оказалась совершенно иной: «Узнав сюжет „Рогнеды“, она пришла в неописанный ужас <...>. Вообще ей сюжет показался неотесанным, суровым, трог сгу (слишком сырым — *франц.*). Не так отнеслась к нему ее старшая дочь (Луиза. — *С. И.*), унаследовавшая у нее частичку ее гениальности: она чудесно, тонко-художественно исполняла роль „Рогнеды“ на Мариинском театре. Правда — она была продуктом другого воспитания и мировоззрения» (*Серова В. С. Серовы, Александр Николаевич и Валентин Александрович. Воспоминания. СПб., 1914. С. 61–62*). См. также: *Ардов-Апрелева Е. Воспоминания об Александре Николаевиче Серове. С. 34–38.*

² *Серова Валентина Семеновна* (урожд. Бергман; 1846–1924), жена композитора А. Н. Серова, мать известного художника и графика В. А. Серова (1865–1911), пианистка, первая женщина-композитор и музыкальный критик в России. В 1867–1868 гг. Серов вместе с ней издавал журнал «Музыка и театр» (вышло 17 номеров), в котором ею был опубликован целый ряд музыкально-критических статей. Автор опер «Уриэль Акоста» (по драме К. Гуцкова, либретто переложено на белые стихи П. И. Бларамбергом; постановка: Большой театр, Москва, 1885 г.); «Илья Муромец» (постановка: частная сцена, Москва, 1899 г.; главную роль исполнил Ф. Шаляпин) и др. После смерти мужа вместе с Н. Р. Соловьевым завершила его оперу «Вражья сила», издала партитуру его оперы «Юдифь», собрала и опубликовала статьи мужа о музыке (в 4 т.). Послужила моделью И. Е. Репину для образа царевны Софьи, см. об этом во вступит. статье.

³ *Эритт Луиза-Полина-Мари* (Héritte; урожд. Виардо; 1841–1918), старшая дочь Полины и Луи Виардо, пианистка, композитор, певица, педагог. Преподавала пение в Петербургской консерватории (1868–1871). В мае 1871 г. исполнила партию княгини в опере Серова «Рогнеда» на сцене Мариинского театра, однако ангажемента не получила. Весной 1872 г. собиралась открыть в Петербурге школу пения, но проект этот не осуществился. В середине 1870-х гг. покинула Россию. Преподавала пение в Германии. Знакомство с Луизой Эритт, которую Бларамберг считала «крупной личностью», и отношение к ней композитора Серова описала в своих воспоминаниях, где отметила, что Серов расхваливал ее как редко образованную музыкантшу, тонкую артистку и весьма интересную особу: «Ничего не могло быть милее, как первый ее приход к нам: с парижской грациозностью и элегантностью, полусушутя, опустилась она перед Серовым на одно колено и сказала: „Pardon, maestro! je ne savais pas, que vous avez écrit une aussi belle œuvre, que votre «Rogneda»! mais je vais réparer ma faute. J’ai l’intention de devenir son interprète sur la scène russe, si vous n’avez rien à contredire!“ (Простите, маэстро! я не знала, что вы написали такую чудную вещь, как ваша „Рогнеда“! но я хочу исправить свою ошибку. Я намерена сделаться ее истолковательницей на русской сцене, если вы ничего не имеете против этого! — *франц.*). (Она действительно прелестно исполнила Рогнеду на Мариинском театре, но уже после смерти Серова)» (см.: *Серова В. С. Серовы... С. 144*). Бларамберг вспоминала о профессорской деятельности Луизы Эритт, когда в начале января 1871 г.,

за несколько недель до кончины автора оперы «Рогнеда», Луиза, будучи приглашенной в Петербургскую консерваторию профессором класса оперного пения, предложила ей принять участие в хоре, который под ее управлением разучивал хоровые партии из оперы «Орфей в аду» Глюка (см.: *Ардов-Апрелева Е.* Воспоминания об Александре Николаевиче Серове. С. 34). См. также примеч. 10.

⁴ В Петербурге писатель несколько раз встречался с Луизой Эритт. В день своего приезда 13 (25) февраля 1871 г. он написал П. Виардо, что сразу же посетил В. С. Серову, у которой жила Луиза, но не застал ее, поскольку та была на репетиции. Саму Серову он нашел «довольно странной, умной, весьма огорченной смертью своего мужа — и очень влюбленной в Луизу, о которой она говорит почти с восторгом» (*ПССуП(2). Письма.* Т. 11. С. 310. Подлинник по-франц.). На следующий день, 14 (26) февраля 1871 г., Тургенев присутствовал на музыкальном вечере у Серовой, где Луиза Эритт пела романсы Шуберта и отрывки из опер Серова, и в тот же день в 8 час. вечера на концерте в пользу хора русской оперной труппы под руководством Э. Ф. Направника в Мариинском театре. Среди прочих артистов в представлении участвовала Луиза (отрывки из опер «Рогнеда», вероятно «Юдифь» и «Вражья сила»), а также, вероятно в хоре, «девица Бларамберг» (см.: Там же. Т. 11. С. 24, 311; см. также во вступит. статье, примеч. 8). Через три дня, 18 февраля (2 марта) 1871 г., Тургенев сообщил: «Опять видел Луизу, и мы довольно долго беседовали <...>» (Там же. С. 313). Описываемый Бларамберг визит писателя состоялся, скорее всего, между 16 (28) февраля и 18 февраля (2 марта) 1871 г., что подтверждается ее сообщением о второй встрече с писателем «три-четыре дня спустя», по окончании диспута между С. К. Брюлловой и В. Д. Сиповским. Диспут, как известно, состоялся в Петербургском Педагогическом обществе 20 февраля (4 марта) 1871 г. (см. примеч. 12).

⁵ Квартира Серовых находилась на 15 линии Васильевского острова, д. 8/40; в настоящее время на доме висит мемориальная доска.

⁶ Нет никаких сведений об участии писателя в чтениях в пользу Литературного фонда в предполагаемый период его посещения Серовой и знакомства с Бларамбергом.

⁷ Ничего неизвестно ни о чтениях в пользу Литфонда, где Тургенева «ошибали» и забросали «апельсинами», ни о последовавшем после чтений разговоре писателя с нигилисткой в доме Серовой, хотя такая встреча могла иметь место. По описанию Е. Г. Мамонтовой, Серова была типичная «шестидесятница», участвовала в Петербурге «в движении партий этого горячего времени», говорила «подчас резко и бес тактно, что многих коробило» (*Мамонтова Е. Г.* Записки // *РГАЛИ.* Ф. 799. Оп. 1. № 312; цит. по: *Бахревский В. А.* Савва Мамонтов. М., 2000. С. 127 (Сер. «Жизнь замечательных людей»). В доме у Серовых Бларамберг встречала «стриженных» грубоватых девушек в черной одежде — «обязательный внешний признак свободно мыслящей девицы» и «отличительная особенность поборниц женской свободы, или, как тогда говорили, женской эмансипации» (*Ардов-Апрелева Е.* Воспоминания об Александре Николаевиче Серове. С. 35). Саму Луизу Тургенев «нашел <...> стриженной словно мальчик» (*ПССуП(2). Письма.* Т. 11. С. 311), а в письме к А. А. Фету от 23 января (4 февраля) 1870 г. называл ее нигилисткой «чистой воды» (Там же. Т. 10. С. 138).

⁸ О каком «письменном заявлении» с угрозами физической расправы в адрес Тургенева идет речь, неизвестно.

⁹ О неприязненном отношении к Тургеневу русских студентов в Гейдельберге, резко описанных в романе «Отцы и дети» (гл. XXVIII), сообщил писателю К. К. Случевский (письмо неизв.). «И Кукшина попала за границу. Она теперь в Гейдельберге <...> якшается с студентами, особенно с молодыми русскими физиками и химиками, которыми наполнен Гейдельберг и которые, удивляя на первых порах наивных немецких профессоров своим трезвым взглядом на вещи, впоследствии удивляют тех же самых профессоров своим совершенным бездействием и абсолютною ленью» (см.: *ПССуП(2)*. Соч. Т. 7. С. 187). В ответном письме от 14 (26) апреля 1862 г. Тургенев отрицал обвинение в якобы преднамеренных выпадах против демократической молодежи (см.: *ПССуП(2)*. Письма. Т. 5. С. 57–60). Резкой была реакция гейдельбергской молодежи и на следующий роман Тургенева «Дым» (см.: *Муратов А. Б.* Гейдельбергские арабески в «Дыме» // *ЛН*. Т. 76. С. 71–105).

¹⁰ Отношения между писателем и Луизой Эритт были холодными и неприязненными. Тургенев писал о ней А. А. Фету 23 января (4 февраля) 1870 г.: «Эта несчастная и сумасбродная женщина много причинила горя всему своему семейству — и кончит тем, что себя погубит. Выйдя замуж — по собственному настойчивому желанию, за г-на Геритта (в 1862 г. — *С. И.*) <...> она внезапно возненавидела своего мужа <...> убежала с мыса Доброй Надежды, где он был консулом — и явилась в Баден; — потом покинула родительский дом — и после разных странствований очутилась в Петербурге, где поступила в профессоры пения в консерваторию (она — хорошая музыкантша)» (*ПССуП(2)*. Письма. Т. 10. С. 137). В 1907 г. Луиза Эритт опубликовала в газете «Frankfurter Zeitung» (10 февраля н. ст.) отрывок из воспоминаний, крайне враждебный по отношению к Тургеневу. В статье «Вестника Европы», принадлежавшей, вероятно, Стасюлевичу, по этому поводу появилось опровержение: «Совершенно случайно мы узнали из „Русских ведомостей“ (№ 25. 1 февр. 1907 г.), что в одной немецкой газете <...> напечатано письмо к редактору этой газеты, подписанное именем „г-жи Геррит-Виардо, дочери знаменитой Полины Виардо“. <...> она уверяет, будто Тургенев прожил в доме Виардо, „с полным комфортом“, тридцать лет и за все это время не платил и даже не пытался платить хозяевам <...> „ему и в голову не пришло поблагодарить нас за в высшей степени тяжелый, утомительный и дорогой уход за ним, завещав нам хотя бы часть своего крупного состояния. Его миллионы (!!!) унаследовала старая кузина, которой он никогда не знал, и у которой без того были свои миллионы“... / Если бы г-жа Геррит рискнула все это выразить <...> вслед за смертью Ивана Сергеевича, то это вызвало бы один взрыв всеобщего негодования, который был бы вместе и ответом на ее инсинуации», но она «дала пройти чуть не целой четверти века, чтобы открыто покуситься запятнать чем-нибудь великую память Тургенева» (*М. Ст. <Стасюлевич М. М.?.>*. Злостное покушение на добрую память Ив. С. Тургенева // *ВЕ*. 1907. № 3. С. 413). В то же время Луиза признавала, что, как и все члены семьи Виардо, уважала и любила Тургенева. В газете «Figaro» 18 ноября н. ст. 1922 г. была напечатана очередная глава из ее воспоминаний, где говорилось: «Мы все в семье были глубоко привязаны к Тургеневу, и я лично всегда его ценила, уважала и любила, несмотря на его беззастенчивый эгоизм избалованного великого человека» (цит. по: Тургенев и его время. М.; Пг., 1923. Сб. 1. С. 311). Позже эти воспоминания были

собраны и изданы ее сыном: *Une famille de grands musiciens. Mémoires de Louise Héritte-Viardot / Rec. par Louis Héritte de la Tour. Paris, 1922. См.: ПССУП(2). Письма. Т. 1. С. 558.*

¹¹ Тургенев цитирует строки из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

¹² Диспут между С. К. Брюлловой (урожд. Кавелина; 1851–1877) и известным впоследствии русским педагогом и историком В. Д. Сиповским (1844–1895) о преподавании истории в средних учебных заведениях состоялся 20 февраля (4 марта) 1871 г. в С.-Петербургском Педагогическом обществе. Двумя днями позже Тургенев писал П. Виардо: «...19-летняя барышня — дочь г. Кавелина — профессора из числа моих друзей, — перед 200 слушателями отстаивала свое мнение в диспуте на историческую тему, с редкостными знаниями, уверенностью и красноречием. Вот это, несомненно, нечто новое, и ни тени педантизма — детская непосредственность — столь полная отрешенность от всего личного — что это избавило ее от всякой робости. Это удивительно!» (*ПССУП(2). Письма. Т. 11. С. 365–366. Подлинник по-франц.*). Брюллова стала одной из первых женщин-историков. Ей принадлежит не публиковавшаяся при жизни литературно-критическая статья о романе «Новь», который она называет «крупным общественным явлением», политическим исповеданием веры писателя (см. ее текст: *ЛН. Т. 76. С. 303*; публ. Н. Ф. Будановой. См. также письмо Тургенева к ней от 4 (16) января 1877 г.: *ПССУП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 12–13.*)

Узнав о смерти Брюлловой, последовавшей 5 (17) октября 1877 г., Тургенев писал М. М. Стасюлевичу 12 (24) октября: «...как громом поразило меня сегодня известие о кончине бедной Сони Брюлловой <...>. — Я никак не могу привыкнуть к мысли, что это прекрасное, молодое, исполненное жизни и сил существо унесено в ту немую, мертвую бездну» (Там же. С. 252). На смерть Брюлловой Тургенев откликнулся некрологом, в котором вспомнил этот диспут: «Да! Это был незабвенный для меня вечер. Молоденькая, небольшого роста, девушка в простом сереньком платьице, с белым платочком на шее, с назад зачесанными недлинными русыми волосами, говорила почти еще детским голосом так умно и увлекательно, возражала так дельно, выказывала такое разнообразное знание своего предмета, такие энциклопедические сведения, что все слушатели (а их собралось много на этот диспут) были поражены — скажу прямо: очарованы. Несколько недоверчивые, снисходительные улыбки, которыми ее встретили сначала, скоро приняли другое выражение — выражение удивления и внимания. <...> Дело шло о способах преподавания истории: Софья Константиновна была тысячу раз права в том, что она защищала <...> Мне потом довольно часто приходилось беседовать с Софьей Константиновной; иногда я вступал с нею в спор. Но всякий раз я уносил с собою убеждение, что в ней воплотился один из лучших наших женских типов» (Из письма в редакцию «Вестника Европы» по поводу смерти С. К. Брюлловой // *ПССУП(2). Соч. Т. 11. С. 193–194*; дата: «Париж, 19/31 октября 1877»).

¹³ Роман «Без вины виноватые» был напечатан в «Вестнике Европы» (1877. № 7, 8). Подробнее об участии Тургенева в доработке и публикации романа см. во вступит. статье.

¹⁴ Некоторое время Бларамберг жила в Брюсселе вместе с Луизой Эритт, которой Тургенев и адресует свое письмо (см.: *ПССУП(2). Письма. Т. 14. С. 130–131.*)

¹⁵ Упомянутое письмо Тургенева к Луизе Эрритт от 13 (25) августа 1875 г. неизвестно.

¹⁶ См.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 14. С. 130–131.

¹⁷ Бларамберг познакомилась с А. Н. Островским (1823–1886) в доме А. Ф. Писемского. 28 ноября ст. ст. 1877 г. в записке к Бларамберг Писемский спрашивал, когда она может посетить его: «...меня просил о том и Островский, который имеет до вас дело и просьбу. Когда вы напишете, что в какой день вы будете у нас, я повешу его, и он тоже явится» (*Писемский*. С. 368–369). Просьба Островского, как вспоминала Бларамберг, состояла в том, что «Александр Николаевич дал кому-то перевести на французский язык свою комедию „Богатые невесты“ и просил меня посмотреть этот перевод в рукописи до отправки в Париж» (*Воспоминания о Писемском* (2). С. 3). 2 января ст. ст. 1878 г. Бларамберг написала Островскому: «Перевод Вашей комедии просмотрен, но так как поправки оказались довольно значительными, то необходимо было бы нам вместе посмотреть весь перевод с начала и до конца и сравнить его с подлинником» (*ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 83). На следующий день драматург ответил, пригласив Бларамберг посетить его. См.: *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1979. Т. 11: Письма (1848–1880). С. 586–587.

¹⁸ *Мельников Павел Иванович* (псевдоним Андрей Печерский, Мельников-Печерский; 1818–1883), писатель, этнограф-беллетрист.

¹⁹ *Кошелев Александр Иванович* (1806–1883), публицист, общественный деятель, славянофил.

²⁰ *Юрьев Сергей Андреевич* (1821–1888), литератор, председатель Общества русских драматических писателей.

²¹ Сохранились черновики трех писем Бларамберг к Тургеневу: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 33, 34, 35. См. *Приложение I*. Местонахождение писем Бларамберг к Тургеневу, которых, безусловно, было значительно больше, неизвестно.

²² Артистические «четверги» в доме Полины и Луи Виардо имели широкую известность в Париже. Здесь бывали многие знаменитости того времени — писатели, художники, музыканты, композиторы. Художник А. П. Боголюбов писал в своих воспоминаниях: «Благодаря Ивану Сергеевичу Тургеневу русские художники (в Париже. — С. И.) имели постоянно вход в дом и на вечера знаменитой тме Полины Виардо, где случалось слушать превосходную музыку, самых лучших артистов и слышать знаменитых певцов и певиц. <...> В доме у Виардо я познакомился с музыкантами Сен-Сансом, Сарасатом (скрипачом), с Золя, Полем Бурже, Ренаном и пр. Все шло под эту кровлю высокого художества, считая честью быть у гениальной певицы и музыкантки» (*ЛН*. Т. 76. С. 449–450). По воспоминаниям сына П. и Л. Виардо Поля, «ни один альманах Гота не мог бы перечислить столько имен, знаменитых талантом, если не рождением, составлявших аудиторию этих четвергов. Я помню их: Ренан, Эмиль Ожье, Жюль Симон, Флобер, Эжен Пелетан, Дешанель, отец и сын, Флоке, тме Адан, Гуно, Сен-Санс, все художники, все знаменитости того времени. Заезжие артисты — Рубинштейны, Венявский, Давыдов, Сарасате считали счастьем участвовать в этих музыкальных собраниях, которые мать моя заканчивала величественными звуками Глюка или Шумана или же пробую каких-либо новых произведений. То были прекрасные артистические вечера, подобных которым я не встречал никогда. <...> / У нас были также приемы по воскресеньям вечером, но эти собрания сильно отличались от четвергов, посвященных серьезному искусству.

Половина большой гостиной превращалась в сцену, столовая в уборную, и раздавалась импровизированная увертюра, предшествовавшая шарадам самым шутовским, самым несслыханным. Наш родственник, географ Поль Жоанн, Сен-Санс и Тургенев были неизменными исполнителями первых ролей» (*Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 291).

²³ Местонахождение этого приглашения неизвестно.

²⁴ *Виардо Марианна* (Viardot; в замуж. Дювернуа (Duvernoy); 1854–1913), младшая дочь П. и Л. Виардо. В 1881 г. вышла замуж за французского композитора, пианиста и профессора консерватории *Виктора-Альфонса Дювернуа* (Duvernoy; 1842–1907).

²⁵ Речь идет о французском композиторе *Габриэле-Юрбене Форе* (Faugé; 1845–1924), ученике Сен-Санса, друге семьи Виардо. 15 июля н. ст. 1877 г. была объявлена помолвка Марианны с Форе, но она заболела и уехала к морю, а вернувшись в середине сентября, отсрочила свадьбу и в октябре расторгла помолвку. Подробнее о нем см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 603 (примеч. Н. П. Генераловой и А. Звигильского).

²⁶ Портрет Тургенева работы *Алексея Александровича Харламова* (1842–1922) был начат 25 января (6 февраля) 1875 г. (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 16. См. также примеч. 4 к письму 3010: Там же. С. 267) и закончен в декабре н. ст. 1875 г. «...Вышел настоящий chef-d'œuvre», — писал Тургенев Анненкову 5 (17) декабря 1875 г. (см.: Там же. С. 197). Портрет экспонировался весной 1876 г. на выставке в парижском Салоне, но успеха не имел (см.: Там же. С. 267). 6 июня н. ст. 1876 г. И. Н. Крамской писал П. М. Третьякову о работе Харламова: «Портрет Тургенева в „Салоне“ мне не понравился, может быть потому, что он в „Салоне“ <...>» (Переписка И. Н. Крамского: И. Н. Крамской и П. М. Третьяков. 1869–1887. М., 1953. С. 143). В 1887 г. П. Виардо пожертвовала портрет в Эрмитаж, откуда он поступил в Русский музей, где хранится до настоящего времени. Харламов написал также портреты Полины и Луи Виардо и выставил их в Салоне 1875 г.

²⁷ *Виардо Луи-Клод* (Viardot; 1800–1883), французский литератор, художественный критик, переводчик Сервантеса («Дон Кихот», «Избранные новеллы»), коллекционер, страстный охотник; муж П. Виардо. Знакомство с Тургеневым состоялось в 1843 г. в Петербурге и переросло в дружбу и сотрудничество в совместной переводческой деятельности. С помощью Л. Виардо Тургенев перевел на французский язык ряд произведений Пушкина, Гоголя, а также некоторые собственные произведения.

²⁸ *Виардо Клоди-Полина-Мария (Клавдия)* (Viardot; в замуж. Шамро (Chamerot); 1852–1914), средняя дочь П. и Л. Виардо, любимица Тургенева, в 1874 г. вышла замуж за издателя *Жоржа Шамро* (1845–1922). «В 1877 г., — вспоминала С. Г. Щепкина, — у Ел. Ив. Ардовой-Апрелевой я видела портрет второй дочери Виардо — Клотильды, очень красивой, с большими темными глазами, правильными чертами лица южного типа, очень любимая Т. Ее муж Шамеро имел издательское типографское дело. Младшая Марианна обладала чудным голосом, была задумчива, меланхолична, замужем за Дювернуа, композитором и профессором консерватории. Обе сестры пели дуэты, а с матерью — вокальное трио» (*Щепкина*. С. 226). «Обе дочери (Клоди и Марианна. — С. И.) прошли школу пения у своей матери», — вспоминала ученица П. Виардо С. И. (Е.) Ромм. На своих вечерах она «исполняла с дочерьми музыкальные трио, а Клоди и Марианна пели дуэты. Эти ансамбли бывали всегда

в конце вечера, после ужина. Голоса их сливались воедино с проникновенным совершенством: это был один тембр, одно понимание, одна школа. Mme Виардо передавала мне, как Амбруаз Тома упрашивал Марианну создать заглавную роль в его опере „Франческа да Римини“, находя Марианну как бы воплощением Франчески, предлагал ей блестящий ангажемент в Большую Оперу, но Марианна ни за что не хотела артистической карьеры и наотрез отказалась создать Франческу. Mme Виардо прибавила: „C'est une petite bourgeoise!“ («Она — маленькая мешаночка!» — *франц.*)» (*Ромм С.* Из далекого прошлого: Воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе // *ВЕ.* 1916. № 12. С. 100–101).

²⁹ *Сен-Санс Шарль-Камиль* (Saint-Saëns; 1835–1921), французский композитор, пианист, органист, дирижер, педагог. Был дружен с семьей Виардо. Посвятил П. Виардо оперу на библейский сюжет «Самсон и Далила» (1877), в которой, когда композитор закончил два акта, Виардо исполнила роль Далилы на частной сцене (см.: *Абарина А. И.* Воспоминания // *ИВ.* 1901. № 1. С. 220–221).

³⁰ *Сарасате Пабло, де* (Sarasate; 1844–1908), испанский скрипач-виртуоз и композитор, автор 54 произведений, написанных для скрипки (наиболее известны «Цыганские напевы», «Андалузская серенада» и др.).

³¹ *Гуно Шарль-Франсуа* (Gounod; 1818–1893), французский композитор и дирижер. Был дружен с семьей Виардо. С. И. Танеев писал родным из Парижа 15 мая н. ст. 1877 г.: «По четвергам бывал у Виардо. Прошлую неделю был у них последний вечер. На предпоследнем пел Гуно дуэт с Mme Виардо, потом один несколько своих романсов. Вообще я очень много получал удовольствия от этих вечеров...» (цит. по: *Розанов А.* Полина Виардо-Гарсиа. 3-е изд., испр., доп. Л., 1982. С. 145).

³² *С Гюставом Флобером* (Flaubert; 1821–1880) Тургенев познакомился в 1863 г., состоял в переписке; высоко ценил талант французского писателя, перевел на русский язык две его повести: «Легенда о святом Юлиане Милостивом» (*ВЕ.* 1877. № 4; под заглавием: «Католическая легенда о Юлиане Милостивом») и «Иродиада» (Там же. № 5). Именно Флобер организовал знаменитые литературные «обеды пяти», в которых участвовали Тургенев, Э. Гонкур, Флобер, Золя и Доде. Узнав о смерти друга, Тургенев писал Э. Золя 11 (23) мая 1880 г.: «Мне нечего говорить вам о своей горе: Флобер был одним из тех людей, которых я любил больше всего на свете. Ушел не только великий талант, но и необыкновенный человек; он объединял вокруг себя всех нас» (*ПССиП(1).* Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 388. Подлинник по-франц.).

³³ В письме к Тургеневу Бларамберг сообщила: «...меня особенно радушно принял А. Ф. Писемский <...> и до сих пор оказывает мне самое доброе содействие... Но, к сожалению, это — человек крайне больной... Нелегко заставить его выйти из постоянно ипохондрического настроения. Мне это отчасти удавалось... И много интересного, оригинального, занимательного и полезного вынесла я из того, что он высказывал о литературе и об искусстве...» (цит. по: *Воспоминания о Писемском (1).* С. 5).

³⁴ *Мартен Анри* (Martin; 1810–1883), французский политический деятель, историк, беллетрист, автор 25-томной «Истории Франции» (1833–1836), выдержавшей четыре издания при жизни автора, а также книги «Россия и Европа» (1866), отличающейся крайне неприязненным отношением к России. Тургенев познакомился с Марتنеном в конце 1840-х гг. в доме Виардо в Куртавнеле; с 1871 г. Мартен был частым посетителем вечеров в доме Виардо. 11 (23) июня 1878 г. Тургенев писал Флоберу

по поводу вступления Мартена в члены Французской академии: «Конечно, А. Мартен не великий писатель <...> Лично мне — Мартен очень нравится, и я рад его успеху» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 16. Кн. 1. С. 273. Подлинник по-франц.). См. также: Генералова Н. П. Мартен Б. Л. А // *Тургенев. НИИМ(1)*. С. 370 («Материалы к Тургеневской энциклопедии»); *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 423.

³⁵ *Литтре Максимильтен-Поль-Эмиль* (Littré; 1801–1881), известный французский философ-позитивист, автор знаменитого «Словаря французского языка» (в 4 т.; 1870); Тургенев познакомился с ним в 1869 г., вероятно через Л. Виардо; услугами писателя Литтре пользовался при составлении своего словаря, включавшего русские слова, которые вошли во французский язык. В письме Тургенева к Клоди Виардо от 17 (29) марта 1869 г. содержится яркая характеристика ученого: «Визит к настоящему философу Литтре. — Небольшая нора, наполненная старыми книгами, а в норе — он: тщедушный, убого одетый, в сюртуке с поднятым воротником, весь, в том числе и по спине и по рукам, обсыпанный перхотью — небритый! не очень чистый, некрасивый, хилый, в огромных железных очках — но в общем трогательный, достойный, внушающий самое искреннее уважение, добрый, человечный, мудрый, с очаровательнейшим выражением маленьких глаз красивого темного цвета, человек в лучшем смысле этого слова» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 9. С. 301. Подлинник по-франц.).

³⁶ *Ренан Эрнест-Жозеф* (Renan; 1823–1892), французский историк религии, философ, семитолог, член Французской академии (с 1879 г.). Тургенев познакомился с ним в 1870-х гг. в парижском доме Виардо, где тот постоянно бывал. Тургенев читал труды Ренана и упомянул его имя в гл. IV романа «Дым» в перечне имен великих людей Европы (см.: *ПССУП(2). Соч.* Т. 7. С. 266). В день отправки тела писателя на родину Ренан произнес траурную речь на Северном вокзале (см.: Иностранная критика о Тургеневе. СПб., 1908. С. 9–11; см. также: *Звигильский А.* Эрнест Ренан, Тургенев и Полина Виардо // *Звигильский А.* Иван Тургенев и Франция. Сб. ст. С. 297–326 (Тургеневские чтения. Вып. 3)).

³⁷ Речь идет, вероятно, об *Александр Валерьяновне Панаевой* (в замуж. Карцова, сценический псевдоним Сандра; 1853–1942), дочери публициста В. А. Панаева, которая в 1874–1877 гг. по совету Тургенева совершенствовалась в вокале у П. Виардо. См.: *Назарова Л. Н.* Панаева А. В. // *Тургенев. НИИМ(2)*. С. 311–312 («Материалы к Тургеневской энциклопедии»). В черновом автографе: «моей соотечественнице Мlle П.» (*ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 4. Л. 19 об.).

³⁸ Воспоминания Бларамберг совпадают с воспоминаниями В. В. Стасова: «Тургенев очень мало знал и еще менее понимал русскую школу, но нелюбовь к ней была у него очень сильна». Стасов вспоминал, как Тургенев писал ему однажды «в 1872 году <...> что, кроме Чайковского да Римского-Корсакова (которых он знал, впрочем, всего только по нескольким романсам), всех остальных новых русских музыкантов стоило бы — в куль да в воду!» (*Т в восп совр(2)*. Т. 2. С. 108). На вечере у О. А. и А. Я. Петровых в Петербурге 21 мая (2 июня) 1874 г. Тургенев встречался с М. П. Мусоргским, слушал в авторском исполнении отрывки из его опер «Борис Годунов» и «Хованщина». Впечатление от музыки Мусоргского, высказанное в письме к П. Виардо в тот же день, стало переломным в отношении писателя к новой русской музыкальной школе: «...мне это показалось самобытным, интересным! <...>. Я начинаю верить, что у всего этого есть будущее. — Мусоргский отда-

ленно напоминает Глинку <...> Он мне понравился; очень естественен и сдержан. <...> Итак, вперед, господа русские!!» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 13. С. 288. Подлинник по-франц.). См. также свидетельство Я. П. Полонского, что Тургенев «из прежних русских композиторов» высоко «ставит Глинку, а из новейших всем другим предпочитает Чайковского» (*Т в восп совр (2)*. Т. 2. С. 398). О М. И. Глинке, к музыке которого писатель испытывал неизменный интерес, Тургенев тепло отозвался в письме к В. Н. Кашперову от 23 февраля (7 марта) 1857 г., в связи со смертью композитора: «...как много мог этот человек сделать — и как мало оставил после себя. И за это малое будем ему благодарны. Имя его не забудется в истории русской музыки — и, если суждено ей когда-нибудь развиться, — от него поведет она свое начало» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 3. С. 199). Подробнее об отношении Тургенева к Глинке см: *Голованова Т. П.* В. Н. Кашперов <Письма к Тургеневу> // *Т Сб.* Вып. 1. С. 382–385.

³⁹ «Макбет» (1865) — опера Дж. Верди (Verdi; 1813–1901); сюжет основан на одноименной трагедии Шекспира. Речь идет об известной арии в акте IV (сцена 2): врач и горничная становятся свидетелями того, как во временном припадке лунатизма леди Макбет безуспешно пытается смыть со своих рук кровь жертв.

⁴⁰ *Шуберт Франц Петер* (Schubert; 1797–1828), австрийский композитор. «Erlkönig» («Лесной царь»; 1815) — музыкальная композиция на слова баллады Гёте (1782). Рудин просит Наталью сыграть «Erlkönig» Шуберта (гл. III): *ПССУП(2). Соч.* Т. 5. С. 228, 493–494.

⁴¹ Роль Ифигении (опера К. В. Глюка «Ифигения в Тавриде») в исполнении П. Виардо была одной из самых любимых Тургеньевым. 11 апреля н. ст. 1872 г. Тургенев присутствовал на репетиции концерта, в программу которого входили отрывки из «Ифигении в Тавриде», исполненные П. Виардо. В этот день Ф. Н. Тургенева записала в дневнике: «И. Тургенев говорит о своем волнении, когда он слушал „Ифигению в Тавриде“ утром на репетиции: „Во всей музыке нет ничего более прекрасного — я это всегда утверждал, и стою на этом. Это так прекрасно — несчастная Ифигения — все женщины подхватывают хором ту же ноту — впечатление потрясающее. Я был уничтожен, потрясен <...>. А как г-жа Виардо пела!» (*ЛН*. Т. 76. С. 377).

⁴² Речь идет о купленном Тургеньевым в 1875 г. пейзаже *Теодора Руссо* (Rousseau; 1812–1867) «Лес», который он любил и очень высоко ценил (см. письма к Анненкову от 1 (13) апреля 1875 г. и А. В. Плетневой от 11 (23) апреля 1875 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 14. С. 63, 76). Картина представляла собой «чащу леса в жаркий полдень и в глубине уходящую фигурку женщины-крестьянки» (см.: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1958. Т. 4: И. С. Тургенев. С. 224; *Яворская Н. В.* Пейзаж барбизонской школы. М., 1962. С. 272) и висела в кабинете писателя до 1882 г., когда была продана С. М. Третьякову за 25 тыс. фр., в связи с необходимостью помочь дочери и ее мужу. «У меня в Париже, — писал Тургенев И. И. Маслову 12 (24) января 1881 г., — находится превосходная картина известного французского пейзажиста Теодора Руссо. Я никогда не имел намерения ее продавать — но необходимость принуждает меня это сделать» (*ПССУП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 1. С. 40; см. также письмо к Анненкову от 13 (25) февраля 1882 г.: Там же. С. 200). Полемицируя с Я. П. Полонским по поводу французских импрессионистов, Тургенев описал 1 (13) сентября 1882 г. свое первое впечатление от этого пейзажа:

«...это эскиз, студия (домик даже так и остался неконченным) — но студия гениальная, особенно дорогая для живописцев, потому что в ней сохранилась вся поэтическая свежесть и сила первого впечатления» (Там же. Т. 13. Кн. 2. С. 26). М. де Вогио в очерке, посвященном писателю, описал свой визит к больному Тургеневу: «Глаза его часто останавливались на картине Руссо, которую он любил больше всех, потому что Руссо понимал одинаково с ним душу и силу природы: старый, лишенный верхушки дуб, изможденный годами, потрясенный октябрьскими ветрами, которые развевают его последние порыжелые листья. Между этой картиной и этим благородным стариком была словно братская связь, была одинаковая покорность приговорам судьбы» (Иностранная критика о Тургеневе. 2-е изд. СПб., [1909]. С. 72).

⁴³ Вероятно, речь идет о картине «Утро» Жана-Батиста-Камиля Коро (Cogot; 1796–1875), французского живописца и гравера (см.: Каталог выставки-аукциона коллекции Тургенева 1878 г. № 7; на франц. яз.). Споря с Полонским, Тургенев писал 30 августа (11 сентября) 1882 г. из Буживаля: «У нас в саду стоит в пятистах шагах от дому березка (Коро особенно любил писать их). Я сейчас взглянул на нее... ну, точно она живьем вышла из одной <из> его картин» (ИССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 25).

⁴⁴ Описание парижской квартиры Тургенева на верхнем этаже дома 50 по rue de Douai, куда писатель переехал из Баден-Бадена в 1871 г., см.: *Боборыкин П. Д.* У романистов // Слово. 1878. № 11. С. 39–40.

⁴⁵ Вареза (в *черновой тетради*: варезка) — согласно В. И. Далю, *варега* — вязаная шерстяная рукавица (см.: *Даль*. Т. 1. С. 167); в Вологодской губернии: *шерстяные чулки* (см.: *Словарь русских народных говоров*. Л., 1969. Вып. 4. С. 49). Здесь, вероятно, вязаная кофта. М. Г. Савина вспоминала, как в Спасском летом 1881 г. Тургенев на прогулке был «в коричневой парижской „вязанке“ с шелковыми рукавами и небрежно завязанным белым шарфиком вместо галстука» (Из писем М. Г. Савиной к Ю. Д. Беляеву // Савина М. Г. Горести и скитания (Записки 1854–1877). Письма. Воспоминания. Л., 1983. С. 146).

⁴⁶ Речь идет о повести начинающей писательницы *Любови Яковлевны Стечкиной* (1851–1900) «Варенька Ульмина» (первоначальное заглавие «Кривые деревья»), посланной Тургеневу. Прочитав ее, Тургенев в письме от 25 апреля (7 мая) 1878 г. подробно разобрал недостатки произведения и посоветовал автору сесть за его переделку: «Я прочел Вашу повесть и вот что имею сказать Вам: у Вас талант несомненный, оригинальный, живой и даже поэтический — но „Кривые деревья“ печатать не следует — ибо я — извините резкость выражения — более уродливого, или, говоря точнее, более изуродованного, произведения не знаю! <...> Я потому говорю с Вами так резко, что вижу в Вас дарование, из ряда вон выходящее <...>. У Вас есть несомненный дар психологического анализа; но он часто переходит в какую-то кропотливую нервозность <...>» (ИССиП(2). Письма. Т. 16. Кн. 1. С. 102–103). Впоследствии Тургенев навестил Стечкину в ее деревне Плутнево под Тулой и продолжил переписку с ней. Повесть, подвергшаяся значительной переработке по замечаниям писателя, вскоре, по его настойчивой рекомендации, была опубликована в журнале «Вестник Европы» (1879. № 11, 12). Позже Тургенев принял непосредственное участие в судьбе Стечкиной, заболевшей туберкулезом. И. Я. Павловский вспоминал: «Приезжает молодая девушка-писательница лечиться в Париж, И. С. бегает по отелям, отыскивая для нее помещение, знакомит с моло-

дыми людьми, чтобы ей не было скучно, возит к докторам, которые будто бы с него „ничего не брали“ (а они с него брали больше, чем с других), утешает, ссорится, когда больная капризничает и не хочет принимать лекарства, два-три раза в день бегает справляться об ее здоровье. И почему? Потому что у девушки этой есть талант...» (И. П. <Павловский И. Я.> Воспоминание об И. С. Тургеневе (Из записок литератора) // Русский курьер. 1884. 18 июля. № 196. С. 1–2). В дневниковой записи от 27 ноября (9 декабря) 1882 г. Тургенев отметил: «Стечкину — умирающую — отправил в Италию» (ЛН. Т. 73. Кн. 1. С. 393). Письма Стечкиной к Тургеневу см.: Степанова Г. В. Л. Я. Стечкина // Т Сб. Вып. 3. С. 373–382.

⁴⁷ Имеется в виду вторая дебютная повесть «Полоса» начинающей писательницы *Лидии Филипповны Нелидовой* (урожд. Королева; в первом браке Ломовская, во втором Маклакова; псевдоним Л. Нелидова; 1851–1936), опубликованная в «Вестнике Европы» (1879. № 10; в своем примечании Бларамберг местом публикации повести ошибочно указала «Отечественные записки»). Отзыв Тургенева о повести Нелидовой см. в письме к М. М. Стасюлевичу от 8 (20) октября 1879 г. (ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 149–150) и в письме к Анненкову от 27 октября (8 ноября) 1879 г. (Там же. С. 161). Знакомство писателя с Нелидовой состоялось через посредство А. В. Топорова в Петербурге между 28 января (9 февраля) и 21 февраля (4 марта) 1880 г. (см.: *Летопись (1876–1883)*. С. 316). Тургенев неоднократно встречался с Нелидовой, состоял с ней в переписке. См.: *Нелидова Л. Памяти И. С. Тургенева // ВЕ*. 1909. № 9. С. 207–241, а также ее другие воспоминания о писателе: Воспоминания об И. С. Тургеневе // *РусВед*. 1884. 28, 29 августа. № 238, 239; Воспоминания о Гончарове и Тургеневе / Предисл. и публ. А. Д. Алексеева // *ЛН*. Т. 87. С. 26–35.

Об отношении Тургенева к Нелидовой Бларамберг упоминала также в своих более поздних воспоминаниях (записаны с ее слов в 1914 г. участницей Тургеневского кружка Г. Н. Сысоевой). См. *Приложение II*.

⁴⁸ О каком произведении идет речь, установить не удалось.

⁴⁹ Речь идет о романе *Евгения Львовича Маркова* (1835–1903) «Черноземные поля», публиковавшемся в «Деле» на протяжении почти полутора лет (1876. № 1–12; 1877. № 1–4; отд. изд.: СПб., 1877. Ч. 1–2; М.; СПб., 1878) (см.: *Русские писатели*. Т. 3. С. 527; статья В. А. Викторovichа). Роман получил в критике отрицательную оценку за сентиментальное многословие автора, ходульность главного героя (см.: *Буренин В.* Г-н Евг. Марков как модный публицист, критик и беллетрист. Несколько слов по поводу дидактических романов вообще и по поводу одного героя в романе «Черноземные поля» // *НВр*. 1877. 4 (16) марта. № 364. С. 2). По мнению Н. К. Михайловского, «общая архитектура романа очень неуклюжая», Марков «не обладает беллетристическим талантом», роман производит «усыпляющее действие», тенденция произведения — «реабилитирование» деревни, «с точки зрения просвещенного либерала» (см.: *ОЗ*. 1878. № 3. Отд. II. С. 88–89; см. его же: Там же. 1876. № 4. Отд. II. С. 302–303). А. Н. Луканина приводит отрицательный отзыв Тургенева о романе, услышанный ею при их встрече 1 марта н. ст. 1878 г. (*Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 196–197). В рецензии «Уравновешенные души» на роман Тургенева «Новь» П. Н. Ткачев, тем не менее, отметил общность типа Соломина и главного героя романа Маркова (Суровцова) (см.: Дело. 1877. № 3. Отд. II. С. 111–114). Маркову принадлежат несколько критических выступлений о Тургеневе.

⁵⁰ Роман Тургеневу не понравился: «„Assommoir“ Золя имеет здесь успех необычайный! — Но это — совершенно непереводаемая вещь» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 46. Письмо к М. М. Стасюлевичу от 28 января (9 февраля) 1877 г.). Отдельное издание романа Э. Золя «Западня» вышло в начале 1877 г., тираж книги был раскуплен в течение нескольких дней.

⁵¹ Речь идет о пьесе Эмиля Эркмана и Луи Шатриана «Друг Фриц» («L'amî Fritz»), которая шла на сцене «Комеди франсез» в декабре 1876 г.

⁵² Доде Альфонс (Daudet; 1840–1897), французский романист и драматург; познакомился с Тургеневым, очевидно, в 1872 г. в доме Флобера; состоял с ним в дружеских отношениях и переписке. Роман Доде «Фромон старший и Рислер младший» («Fromont jeune et Risler aîné», 1874), посвященный вопросам семьи и брака, принес писателю славу и известность у современников.

⁵³ Знаменитые литературные обеды, в которых на протяжении шести лет участвовали Тургенев, Э. Гонкур, Флобер, Золя и Доде, были организованы Флобером и подробно описаны в дневнике Гонкуров. Начало было положено в 1874 г. «Мы разговаривали с открытой душой, без лести, без взаимных восторгов, — вспоминал А. Доде. <...> Когда с обсуждением книг и повседневными заботами бывало покончено, беседа принимала более общий характер, мы обращались к вечным вопросам и к вечным истинам, говорили о любви и о смерти. <...> После любви и смерти разговор заходил о болезнях, о теле, которое становится в тягость <...> То были печальные признания мужчин, которым перевалило за сорок!» (Доде А. Тридцать лет в Париже // Доде А. Собр. соч.: В 7 т. М., 1956. Т. 7. С. 431–433). Однако литературные застолия Тургенева с французскими литераторами существовали и до «обедов пяти». Так, Э. Гонкур записал в дневнике 2 марта н. ст. 1872 г.: «Сегодня мы пообедали у Флобера — Тео (Теофиль Готье. — С. И.), Тургенев и я. / Тургенев — кроткий великан, любезный варвар с седой шевелюрой <...> он, с его детской болтовней, с самого начала чарует и, как выражаются русские, *обольщает* нас соединением наивности и лукавства — в этом все обаяние славянской расы, у Тургенева особенно неотразимое благодаря оригинальности его ума и обширности его космополитических познаний. <...> От Мольера беседа переходит к Аристофану, и Тургенев шумно высказывает свое восхищение этим отцом смеха <...>» (Гонкур. Дневник. Т. 2. С. 151–152).

⁵⁴ См. «По поводу „Отцов и детей“» (1869): *ПССУП(2). Соч.* Т. 11. С. 94. Бларамберг цитирует статью с небольшим разночтением.

⁵⁵ Трудно сказать, о ком именно из большого числа русских эмигрантов, окружавших Тургенева в этот период, идет речь.

⁵⁶ Слова Лежнева из романа «Рудин»: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится!» (см.: *ПССУП(2). Соч.* Т. 5. С. 305).

⁵⁷ 26 июля (7 августа) 1876 г. Тургенев сообщил Стасюлевичу, что прибыл в Буживаль «третьего дня» и намерен заняться «усиленным» переписыванием «Нови», которое «не продолжится менее 6-ти недель! Эти 6 недель я проведу здесь безвыходно в моем очень удобном chalet <...>» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 149). Переписку чернового автографа Тургенев закончил 24 сентября (6 октября) 1876 г.

⁵⁸ Местонахождение портрета Бларамберг работы Клоди Шамро неизвестно.

⁵⁹ *Джордж Элиот* (George Eliot; наст. имя Мэри Энн Эванс; 1819–1880), английская писательница, автор популярных в России романов «Адам Бид» (1859), «Мельница на Флоссе» (1860), «Ромола» (1863), «Миддлмарч» (1871–1872), знакомая и корреспондентка Тургенева. Последний роман Элиот «Даниель Деронда» («Daniel Deronda»), посвященный проблемам антисемитизма и расовым предрассудкам, появился в 1876 г. См. подробнее об их отношениях: *Waddington P. Turgenev and George Eliot: A Literary Friendship // The Modern Language Review. 1971. Vol. 66. № 4. P. 751–759.*

⁶⁰ После смерти А. Н. Серова, успевшего только начать работу над оперой по повести Н. В. Гоголя «Ночь перед рождеством» (либретто написал Я. П. Полонский), П. И. Чайковский обратился к этому же сюжету и уже в 1874 г. закончил работу над оперой «Кузнец Вакула» (по готовому либретто Полонского). В 1875 г. был устроен музыкальный конкурс, на котором опера Чайковского получила первую премию. Премьера состоялась 24 ноября ст. ст. 1876 г. на сцене Мариинского театра. Историю создания оперы см.: *Кашкин Н. Д. Воспоминания о П. И. Чайковском. М., 1954. С. 105.*

20 августа (1 сентября) 1870 г. Полонский писал Тургеневу: «Был у меня Серов, слушал либретто и остался доволен, особенно тоном, нашел только, что местами порядочно похабно — просил не забывать, что мое либретто будет читаться во дворце великой княгини» (*ЛН. Т. 73. Кн. 2. С. 240*). В ответном письме от 6 (18) сентября 1870 г. Тургенев заметил: «Отрывок из твоего либретто мне кажется *верным* по тону — не сомневаюсь, что ты сумеешь сладить с сюжетом — насчет же Серова уверенность моя гораздо слабее. Его музыка мне кажется неоригинальной и „высуженной“» (*ПССиП(2). Письма. Т. 10. С. 237*). После премьеры оперы Чайковского Тургенев, вероятно прочитав критические отклики в русской прессе, спрашивал Полонского из Парижа 30 декабря 1876 г. (11 января 1877 г.): «Скажи мне правду: „Кузнец Вакула“ имеет успех — или нет? Здесь ходят разноречивые толки» (Там же. Т. 15. Кн. 1. С. 277). Неуспех оперы у публики привел к снятию ее в 1881 г. из репертуара, и в 1885 г. Чайковский, переработав и музыку, и либретто, дал опере новое название — «Черевички».

⁶¹ *Вагнер Рихард* (Wagner; 1813–1883), немецкий композитор. Премьера «Тангейзера» состоялась в Дрездене в 1845 г. Тургенев, вероятно, присутствовал на премьере оперы в Париже 16 (28) марта 1861 г., которая оказалась неудачной. Побывав 15 (27) августа 1869 г. на репетиции оперы Вагнера «Золото Рейна» в Мюнхене, куда приехал специально, чтобы присутствовать на ее представлении, Тургенев писал И. П. Борису 24 августа (5 сентября) 1869 г.: «Музыка и текст равно невыносимы, но Вы знаете, между немцами есть такие люди, для которых Вагнер чуть не Христос», и собирался рассказать «когда-нибудь» об этой репетиции в печати (см.: *ПССиП(2) Письма. Т. 10. С. 44*; замысел не был осуществлен).

⁶² 6 (18) ноября 1879 г. Анненков писал Тургеневу о современной женской литературе: «...по уши купаюсь в прелестной женской литературе. Истинно — в нее перешло у нас теперь все мыслящее, чувствующее и талантливое. <...> верно, что художник и беллетрист на Руси есть в нынешний момент — дама!» (*Анненков. Письма. Кн. 2. С. 113*). В ответном письме от 13 (25) ноября 1879 г. Тургенев заметил: «Радуюсь, что Вам наша женская литература нравится: она действительно этого заслуживает; да и кроме того — это *signum temporis* (знамение времени — *лат.*)»

(*ПССУП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 177). В письмах к Стасюлевичу Анненков высказывал созвучные Тургеневу мысли о женской литературе. Так, 31 октября (11 ноября) 1879 г. он замечал: «...решительно можно сказать, что главная роль в русской литературе и представительство ее беллетристики выпало на долю женщин за последнее время. Факт весьма замечательный — загромождение мысли и способности творчества в мужчинах и открытие их родников в другой половине человечества» (*Стасюлевич*. Т. 3. С. 374). А 17 (29) ноября 1879 г. добавлял: «Я полагаю даже, что нынешнее блестящее положение женщины-писательницы в литературе отвечает возродившейся потребности общества к отысканию истинных ключей поэзии, к анализу человеческой интимной жизни, что и делает такую женщину *знаменем времени*» (Там же. С. 375).

⁶³ По воспоминаниям Н. Я. Стечкина, для Тургенева фраза «Я не свил своего гнезда, я прилепился на краешке чужого» была «обычна», и он «не стеснялся повторять» ее, так как «понимал, что про его дружбу с семьей Виардо плетут были и небывлицы» (*Стечкин Н. Я.* Из воспоминаний об И. С. Тургеневе (С приложением семи его неизданных писем). СПб., 1903. С. 10. См. также: *Боборыкин П. Д.* Тургенев дома и за границей // *Т в восп. совр* (2). Т. 2. С. 10; *Кони А. Ф.* И. С. Тургенев // Там же. С. 127).

⁶⁴ После выхода романа «Новь» (*ВЕ*. 1877. № 1, 2; отд. изд.: М., 1878) его обсуждение, начавшееся еще до публикации, приобрело исключительно бурный характер; критические разборы «Нови», в основном с отрицательными оценками, появились уже 6 (18) января 1877 г. одновременно в нескольких газетах. Подробный обзор критических выступлений о «Нови» см.: *ПССУП(2). Соч.* Т. 9. С. 519–536 (статья А. И. Бажото). См. также: *Лукина В. А.* «Новь» в зеркале русской критики: Тургенев — читатель первых откликов на роман // *Тургеневский ежегодник 2013 года / Сост. и ред. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрихина*. Орел, 2014. С. 21–32.

⁶⁵ Тургенев познакомился с *Жорж Санд* (George Sand; наст. имя Аврора Дюдеван, урожд. Дюпен; 1804–1876) в имении Виардо Куртавнель в 1845 г. Писательница была другом и страстной поклонницей П. Виардо; именно она способствовала ее браку с Л. Виардо, расстроив отношения актрисы с Альфредом де Мюссе. Тургенев вместе с П. Виардо несколько раз навещал Жорж Санд в ее имении Ноан (1872–1873). См.: *Waddington P.* Turgenev and George Sand: An improbable entente. Wellington, 1981; *Звигильский А.* Полина Виардо и Тургенев в Ноане у Жорж Санд // *Тургеневские чтения*. М., 2011. Вып. 5. С. 82–89.

⁶⁶ Жорж Санд умерла 8 (20) июня 1876 г. Тургенев, находясь в это время в России, узнал о ее смерти из письма П. Виардо. Большой фрагмент из этого письма Тургенев цитирует в своей статье-некрологе «Несколько слов о Жорж Санд» (*НВр*. 1876. 15 (27) июня. № 105; см. также письмо Тургенева к А. С. Суворину от 9 (21) июня 1876 г.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 115–117). Следом он собирался написать большую статью о Жорж Санд для «Вестника Европы». В письме к Стасюлевичу от 15 (27) июня 1876 г. Тургенев сообщал, что работает, «как вол», над «Новью» и «ничего другого решительно» не может сделать, написать же «что-нибудь дрянное» о Ж. Санд не может: «Даю Вам честное слово — что до зимы Вы будете иметь серьезную статью о ней <...>» (Там же. С. 123–124). Однако замысел так и не был осуществлен (подробнее о причинах этого см.: *Генералова Н. П.* И. С. Тур-

генов: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 124–130).

⁶⁷ Имеется в виду *Никита Алексеевич Кишинский* (ум. 1888), управляющий имениями Тургенева в 1867–1876 гг.; о его злоупотреблениях подробно сообщалось в письме П. К. Маляревского к Н. С. Тургеневу от 8 (20) июля 1876 г. (см.: *РГАЛИ*. Ф. 509. Оп. 1. № 180. Л. 3). Тургенев, обнаружив значительные хищения Кишинского, 14 (26) июля 1876 г. писал Ю. П. Вревской: «...я выезжаю из Спасского разоренным человеком, потерявшим более половины своего имущества по милости мерзавца управляющего, которому я имел глупость слепо довериться; я его прогнал <...>» (*ПССуП(2) Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 144); а в письме к Я. П. Полонскому сообщил 31 июля (12 августа) 1876 г.: «...потерял в России ¼ своего состояния по милости канальи управляющего <...>» (Там же. С. 153). Вскоре на место отстраненного от должности Кишинского был приглашен Н. А. Щепкин, внук знаменитого актера, «молодой», но очень «дельный» человек (см. письмо к Н. С. Тургеневу от 3 (15) июля 1876 г.: Там же. С. 142).

⁶⁸ В «Нови» (гл. XXVII) Татьяна обращается к Марианне:

«— Вы, стало, из тех, что опрбститься хотят. Их теперь довольно бывает.

— Как вы сказали, Татьяна? Опрбститься?

— Да... такое у нас теперь слово пошло. С простым народом, значит, заодно быть. Опрбститься. Что ж? Это дело хорошее — народ поучить уму-разуму. <...>

— Опрбститься! — повторяла Марианна. — Слышишь, Алеша, мы с тобой теперь опростелые!

Нежданов засмеялся и тоже повторил:

— Опрбститься! опростелые!» (*ПССуП(2)*. Соч. Т. 9. С. 306).

⁶⁹ Рассказ «Аполлон Маркович» Тургенев рекомендовал М. М. Стасюлевичу для помещения его в «Вестнике Европы», однако Стасюлевич нашел рассказ слабым и отказался публиковать его (см.: *ПССуП(2) Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 195); рассказ был опубликован позднее в газете «Наш век» (1877. 21–23 апреля. № 50–52). В июне 1877 г. в газете «Indépendance Belge» «Аполлон Маркович» появился во французском переводе (подробнее об этом см. во вступит. статье).

⁷⁰ Речь идет о пьесе французского писателя, поэта и драматурга *Эмиля Ожье* (Augier; 1820–1889) «Госпожа Каверле» («Madame Caverlet»), которая впервые была поставлена в Париже в театре «Водевиль» 1 февраля н. ст. 1876 г. Тургенев, знакомый с автором, присутствовал на представлении 4 марта н. ст. 1876 г. Подробную запись о реакции русского писателя на это представление оставил в своем «Дневнике» Э. Гонкур: «Сегодня Тургенев вошел к Флоберу со словами: „Никогда еще я не видел так ясно, как вчера, насколько различны человеческие расы <...> когда я услышал со сцены, как молодой человек говорит любовнику своей матери, обнявшему его сестру: „Я запрещаю Вам целовать эту девушку...“, во мне шевельнулось возмущение! И если бы в зале находилось пятьсот русских, все они почувствовали бы то же самое возмущение! Однако, насколько я заметил, ни у Флобера, ни у кого из сидевших со мной в ложе не возникло такого чувства!.. И я об этом раздумывал всю ночь. Да, вы люди латинской расы, в вас еще жив дух римлян с их преклонением перед священным правом; словом, вы люди закона... А мы не таковы... <...> у нас, русских, закон не кристаллизуется, как у вас. <...> Мы менее связаны условностями, мы более человеческие люди!“» (*Гонкур. Дневник*. Т. 2. С. 225–226). Подроб-

нее об этом эпизоде см.: *Алексеев М. П.* Тургенев в спорах о пьесе Э. Ожье // *Т Сб.* Вып. 3. С. 240–254. См. также: *ЛН.* Т. 73. Кн. 1. С. 401.

⁷¹ По воскресеньям в доме Виардо собирался дружеский круг близких людей. И. Е. Репин, побывавший на таком вечере 15 (27) декабря 1874 г., писал В. В. Стасову: «Вчера был на вечере у *mmе Viardot* и Тургенева, больше из любопытства. Сумасшедшие французы... Вот так веселятся! По-детски, до глупости. Всего перепробовали: начали с пения, музыки, потом импровизировали маленькие пьески (Тургенев и тут отличался, сколько в нем молодости и жару!!!), фанты и кончили танцами. Всех превзошел в шутовстве и глупости композитор Сен-Санс (чуть на голове не ходил, танцы играл!)» (Письма И. Е. Репина. Т. 1. С. 107–108).

⁷² *Годар Бенжамен-Луи-Поль* (Godard; 1849–1895), французский композитор и скрипач. В 1878 г. выступил с драматической симфонией «Тассо» («*Le Tasso*») для солистов, хора и оркестра, положившей начало его композиторской известности. П. Виардо поддерживала этого музыканта (см.: *ПССУП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 1. С. 411–412).

⁷³ Речь идет о *Валерьяне Александровиче Панаеве* (1824–1899), инженере-путейце, публицисте. Тургенев встречался с ним в Париже в 1876 г. Его средняя дочь А. В. Панаева (см. о ней примеч. 37), певица, по совету Тургенева брала уроки пения у П. Виардо. Панаева-Карцова была первой исполнительницей партии Татьяны в концертном исполнении оперы «Евгений Онегин»; Чайковский посвятил ей несколько романсов.

⁷⁴ Текст, приведенный Бларамберг, отличается от авторского текста. В романе «Дым» (гл. V) Литвинов спрашивает Потугина:

«— Ну, а Россию, Созонт Иваныч, свою родину, вы любите?

Потугин провел рукой по лицу.

— Я ее страстно люблю и страстно ее ненавижу» (*ПССУП(2). Соч.* Т. 7. С. 275).

⁷⁵ Тургенев познакомился с французской актрисой *Мари Дюма* (р. 1846) в 1871 г. В 1872 г., когда та отправилась гастролировать в Петербург, через Анненкова рекомендовал ее В. А. Соллогубу и А. С. Суворину (см.: *ПССУП(2). Письма.* Т. 11. С. 369); в начале 1877 г. М. Дюма организовала в Париже в театре Порт Сен-Мартен серию воскресных «международных утренников» для ознакомления парижан с музыкально-драматическими произведениями различных эпох и народов. Тургенев получил предложение разрешить инсценировать «Завтрак у предводителя» на одном из «русских утренников» М. Дюма, но отказался, полагая, вероятно, что французские актеры, не знающие русского быта, не справятся (см. его письмо к В. А. Соллогубу от 3 (15) января 1877 г.: Там же. Т. 15. Кн. 2. С. 9). Тематические утренники М. Дюма пользовались успехом, что отмечалось французскими театральными критиками.

⁷⁶ «Русский утренник», о котором идет речь, состоялся 4 (16) февраля 1877 г. Тургенев, вероятно П. Виардо и другие члены семейства (включая гостившую Бларамберг) присутствовали на этом утреннике. Представление открывалось первым актом «Русалки» Пушкина (в пер. Тургенева и Л. Виардо); завершился утренник сценами из «Каменного гостя». Утренник, по всей вероятности, имел успех у публики (см. письмо Тургенева к Э. Перрену от 26 января (7 февраля) 1877 г.: *ПССУП(2). Письма.* Т. 15. Кн. 2. С. 308, 463).

В Отделе рукописей и документов ГЛМ хранится приглашение на итальянское музыкальное утро, которое Бларамберг получила от П. Виардо (вероятно, в 1877 г.). См.: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 56 (на франц. яз.).

⁷⁷ Память подвела Бларамберг — роль Дон Гуана исполнял не Жан-Сюлли Муне, выдающийся французский трагик, а актер Дюпон-Вернон (см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 405).

⁷⁸ Речь идет о *Николае Петровиче Веретенникове*, владельце отеля в Париже, в котором часто останавливались русские; имел широкие связи в русских писательских кругах, был знаком с Тургеневым, Г. И. Успенским, М. Е. Салтыковым (см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 13. С. 508).

⁷⁹ Письмо от 8 (20) января 1877 г. См.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 15–16.

⁸⁰ В 1914 г. Бларамберг в беседе с участницей Тургеневского кружка Г. Н. Сысоевой вспоминала о чтении Тургеневым «Нови» (см. *Приложение II*).

⁸¹ Романс П. И. Чайковского «Нет, только тот, кто знал свиданья жажду...» написан в 1869 г. на слова Гёте в пер. Л. А. Мея (1857). Тургенев услышал этот романс впервые, вероятно, 16 марта ст. ст. 1871 г. в Москве на концерте из произведений Чайковского (см.: *Шольн А. Е. И. С. Тургенев и «Евгений Онегин» Чайковского // Т Сб*. Вып. 1. С. 171). Ученица П. Виардо А. И. Абарина оставила воспоминания о том, как (вероятно, в 1874 г.) певица получила «с почты ящик с новыми нотами. Она стала разбирать его при мне и остановилась на новом тогда романсе Чайковского: „Нет, только тот, кто знал“. Она уселась за рояль и стала сама напевать, искренно восхищаясь. Такого исполнения, таких оттенков и фразировки я никогда уж больше не слыхала» (*Абарина А. И.* Воспоминания. С. 220). Романс этот певица сохраняла в своем репертуаре долгие годы. Так, Г. А. Лопатин вспоминал, как на устроенном Тургеневым литературно-музыкальном утре, состоявшемся в доме Виардо 15 (27) февраля 1875 г. для доставления средств русской библиотеке в Париже, знаменитая певица пела этот «романс Чайковского: «Она была старухой. Но когда она произносила: „Я стражду“, меня мороз подирал по коже, мурашки бегали по спине. Столько она вкладывала экспрессии. Ее глаза. Эти бледные впалые щеки... Надо было видеть публику!» (*Лопатин Г. А.* Запись беседы с Г. А. Лопатиным от 3 ноября 1913 г. <Запись С. П. Петрашкевич-Струмилиной> // *Т в воспр рев*. С. 131).

По воспоминаниям другой ученицы П. Виардо С. И. (Е.) Ромм (Гуревич), присутствовавшей 14 января н. ст. 1882 г. на устроенном Тургеневым литературно-музыкальном вечере в русском художественном клубе, П. Виардо «дала себя уговорить и в конце вечера спела <...> „Нет, только тот, кто знал“ Чайковского (по-русски), сама себе аккомпанируя. Пение ее произвело потрясающее впечатление на присутствующих. Такая глубина выражения, такая сила проникновения была в ее потухшем голосе! Померкшие глаза ее были полны слез, когда присутствовавшее на концерте высокопоставленное лицо сказала: „Oh, vraiment, on a le frisson dans le dos!“ («О, знаете, у меня пошел мороз по коже!» — *франц.*). / Иван Сергеевич стоял вблизи и вглядывался в тме Виардо, точно в новое, незнакомое лицо...» (*Ромм С.* Из далекого прошлого: Воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе. С. 113).

⁸² *Виардо Поль-Жоаиен* (1857–1941), сын П. и Л. Виардо, скрипач, успешно концертировал в 1880-е гг. во Франции, Германии, Испании, России. Автор воспоминаний, в которых воссоздана артистическая атмосфера, окружавшая Тургенева

в доме семьи Виардо (см.: *Виардо П.* Из «Воспоминаний артиста» // *Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 290–291). Писатель содействовал его популярности в России.

⁸³ О молодом С. И. Танееве (1856–1915), будущем талантливом композиторе, Тургенев, который ввел его в артистический салон П. Виардо, писал А. П. Боголюбову 21 января (2 февраля) 1877 г.: «Он — наш молодой соотечественник, отличный фортепианист и прекрасный малый» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 30).

⁸⁴ Речь идет о внебрачной дочери Тургенева и Авдотьи (Евдокии) Ермолаевны Ивановой (в замуж. Калугина), белошвейки, служившей у В. П. Тургеневой, Пелагее (по-франц. Полине или Полинетте; в замуж. Брюэр; *Brière*; 1842–1919) и ее муже *Викторе-Эжене-Гастоне Брюэре* (1835 — ок. 1895) (см.: *Гутьяр Н. М. И. С.* Тургенев и его дочь Полина Брюэр // *Гутьяр Н. М. Иван Сергеевич Тургенев*. Юрьев, 1907. С. 117–129; *Бронь Т. И.* Тургенев и его дочь Полина Тургенева-Брюэр // *Т Сб.* Вып. 2. С. 324–334).

⁸⁵ Тургенев приехал в Петербург 22 мая (3 июня) 1877 г.

⁸⁶ Письмо Бларамберг неизвестно.

⁸⁷ Речь идет о *Николае Александровиче Щепкине* (1849–1914), внуке известного актера М. С. Щепкина; с июля 1876 г. до смерти писателя был управляющим его имениями.

⁸⁸ Письмо Бларамберг неизвестно.

⁸⁹ См.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 166–167.

⁹⁰ См.: Там же. С. 177.

⁹¹ Письмо Тургенева от 12 (24) июня 1877 г. см.: Там же. С. 178–179. Возможно, недатированный черновик письма Бларамберг является ответом. См. *Приложение I*; письмо Бларамберг от 13 (25) — 16 (28) июня 1877 г.

⁹² «В июле 1877 г., — писала Бларамберг в статье о Е. М. Якушкиной, — в день моего приезда в Спасское-Лутовиново Тургенева, молодой управляющий Ивана Сергеевича Тургенева праздновал свою свадьбу в старом флигеле, предоставленном в мое распоряжение и полном воспоминаний об авторе „Записок охотника“» (*Ардов-Апрелева Е.* Одна из немногих (Памяти Е. М. Якушкиной) // *РусВед*. 1908. 15 февраля. № 38). В архиве Щепкиных сохранилась записка Бларамберг к Н. А. Щепкину (воспроизведена: *Бондарский И. А.* Щепкины: История рода в письмах, документах, воспоминаниях, фотографиях. М., 2010. С. 181).

⁹³ *Рагозин Евгений Иванович* (1843–1906), публицист, редактор-издатель газет «Неделя» и «Наш век», в которой было опубликовано первое произведение Бларамберг «Аполлон Маркович». Подробнее см. во вступит. статье.

⁹⁴ См.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 181. Это письмо Тургенева является ответом, скорее всего, на письмо Бларамберг от 13 (25) — 16 (28) июня 1877 г. См. *Приложение I*.

⁹⁵ Тургенев был арестован 16 (22) апреля 1852 г., и уже в мае последовала ссылка на родину, в Спасское, под надзор полиции, куда он выехал 18 (30) мая 1852 г. Формально причиной ареста стала публикация статьи-некролога о Гоголе в «Московских ведомостях» (Письмо из Петербурга // *МВед*. 1852. 13 марта. № 32; подпись: Т. И.; датировано письмо 24 февраля 1852 г.). Однако сам писатель считал, что действительным поводом стал выход в свет отдельного издания «Записок охотника». «...В 1852 году, — писал о себе Тургенев в «Автобиографии», — когда, по поводу напечатания его статьи о кончине Гоголя, или, говоря точнее, вследствие появления

отдельного издания „Записок охотника“, И. С. был посажен на месяц в полицейский дом, а потом отправлен на жительство в деревню, из которой он возвратился только в 1854 году» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 204).

⁹⁶ Описание Бларамберг совпадает с описью М. А. Щепкина (см.: *Щепкин М.* Село Спасское-Лутовиново, усадьба И. С. Тургенева (Описание усадьбы и дома, каким он был при жизни И. С. Тургенева, с планом дома и флигеля) // *ИВ.* 1916. № 2. С. 550–564).

⁹⁷ Речь идет о *Захаре Федоровиче Балашиове* (1840-е–1883), бывшем крепостном, камердинере Тургенева, прослужившем писателю сорок лет (см.: *Скокова Л. И.* «В Спасском пусто и уныние...» // *Спасский вестник.* 1995. Вып. 3. С. 67–73). По воспоминаниям А. А. Фета, Тургенев «далеко не пренебрегал» литературным мнением «тонкого» Захара (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 34), а по свидетельству Д. Я. Колбасина, часто встречавшегося с писателем в 1850-е гг., Захар «писал повести в часы досуга, но, по скромности своей, никому не читал их» (*Ти круг Совр.* С. 119). Этот лакей, вспоминал Е. М. Гаршин, «живая хроника жизни Ивана Сергеевича», отношения которого «к своему слуге были в высшей степени оригинальны»: «Вечно суровый и угрюмый на вид, он ходил за своим барином, как за ребенком, и сам сравнивал себя с Савельичем в „Капитанской дочке“ <...>». «Мне приходилось слышать, — прибавлял Гаршин, — что этот же Захар воспроизведен графом Л. Толстым в рассказе „Альберт“» (см.: *Гаршин Е. М.* Воспоминания о Тургеневе // *ИВ.* 1883. № 11. С. 396).

⁹⁸ *Тургенева Варвара Петровна* (урожд. Лутовинова; 1787–1850), мать писателя, умная, властная женщина, убежденная крепостница; черты ее деспотического характера нашли отражение в образах барынь-помещиц ряда произведений Тургенева: «Муму», «Собственная господская контора», «Степной король Лир», «Пунин и Бабурин». Подробнее о ней см.: Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844) / Подг. текста В. А. Лукиной, коммент. С. Л. Жидковой и В. А. Лукиной // *Тургенев. НИиМ(1).* С. 500–585.

⁹⁹ *Тургенев Сергей Николаевич* (1793–1834), отец писателя, полковник в отставке. О его отношениях с И. С. Тургеневым см.: *Ден Т. П.* С. Н. Тургенев и его сыновья // *РЛ.* 1967. № 2. С. 129–135. Некоторые стороны отношений между родителями писателя послужили Тургеневу материалом для повести «Первая любовь». См. также: *ПССиП(2). Письма.* Т. 1. С. 591–592.

¹⁰⁰ Рассказ «Собственная господская контора (Отрывок из неизданного романа)» — конец первой главы первой части незавершенного романа Тургенева «Два поколения» (1852–1853) — был опубликован в газете «Московский вестник» (1859. № 1; *ПССиП(2). Соч.* Т. 5. С. 7–17). 14 (26) июля 1870 г. Тургенев писал казанскому библиографу П. П. Васильеву: «...сколько я помню, был действительно помещен отрывок из сожженного мною романа под заглавием „Собственная господская контора“ в журнале некоего Основского <...>» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 10. С. 213). Прототипом властной помещицы Глафиры Ивановны была мать писателя, о которой П. В. Анненков вспоминал: «Это была женщина далеко недюжинная и по-своему образованная <...> Как женщина развитая, она не унижалась до личных расправ, но подверженная гонениям и оскорблениям в молодости, озлобившим ее характер, она была совсем не прочь от домашних радикальных мер исправления непокорных или нелюбимых ею подвластных. Сама она, по изобретательности и дальновидному

расчету злобы, была гораздо опаснее, чем ненавидимые фавориты ее, исполнявшие ее повеления. Никто не мог равняться с нею в искусстве оскорблять, унижать, сделать несчастным человека, сохраняя приличие, спокойствие и свое достоинство» (Анненков. С. 386–387).

¹⁰¹ Речь идет об *Афанасии Тимофеевиче Алифанове* (ум. 1872), дворовом егере в Спасском; писатель познакомился с ним в 1835 г. (см. письмо к И. П. Борису от 19 (31) января 1866 г.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 10). В дальнейшем Афанасий неизменно сопровождал Тургенева на охоте и послужил прототипом Ермолая в «Записках охотника». По воспоминаниям Е. Я. Колбасина, «когда Тургенев приезжал в родное село Спасское, то наперед знал, что на другой день явится к нему утром Афанасий, известный под именем дворового егера, ибо на обязанности его было, еще во времена владычества старой барыни, доставлять дичь на барский стол. Как теперь помню этого высокого, стройного мужика в каком-то коротеньком зипунишке до колен, подпоясанного веревочкой и монотонно докладывающего Тургеневу о выводах коростелей, дупелей и т. п.» (подробнее о нем см.: Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844). С. 526). После смерти Алифанова Тургенев материально поддерживал его семью (см. также: *ПССиП(2). Соч.* Т. 3. С. 452–453).

¹⁰² Имеется в виду *Порфирий Тимофеевич Кудряшов* (1813–1880), крепостной Тургеневых. В 1838 г. в качестве «дядьки» был отправлен вместе с будущим писателем в Германию, но стал не столько его слугой, сколько другом. В Берлине Кудряшов прослушал курс лекций по медицине и по возвращении был зачислен В. П. Тургеневой «штатным» врачом. Получив после ее смерти вольную, остался в Спасском. Последние годы жил в Спасском, имея собственный дом и землю, подаренную ему писателем. Именно Кудряшов послужил прототипом домашнего лекаря в повести «Муму» и фельдшера Павла Андреевича в рассказе «Контора» («Записки охотника»). См.: *Митракова Л. А. Кудряшов П. Т. // Тургенев. НИИМ(1)*. С. 367 («Материалы к Тургеневской энциклопедии»).

¹⁰³ В Спасском Тургенев жил летом 1878, 1880 и 1881 гг. В эти периоды к нему приезжали в гости Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович, А. А. Фет, М. Г. Савина и др., два лета там жил Я. П. Полонский с семьей.

¹⁰⁴ Письмо Бларамберг неизвестно.

¹⁰⁵ Письма Луизы Эритт к Бларамберг неизвестны.

¹⁰⁶ См.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 204.

¹⁰⁷ Здание богадельни, вспоминала С. Г. Щепкина, «по наружному своему виду было небольшое, деревянное, в желтую краску выкрашенное, с железной крышей зеленого цвета, фасадом выходило на проезжую дорогу, а противоположной стороной примыкало к парку. Внутри состояло из одной большой комнаты и другой поменьше, где стояли 11 кроватей, большой шкаф, снабженный необходимым бельем, постельным и носильным». Далее помещались кухня и помещение для кухарки. «В нескольких сажнях стояла деревянная церковь. Тургенев выстроил эту богадельню исключительно для бывших дворовых своей умершей матери <...>». По свидетельству мемуаристки, «старухам было запрещено бродяжничать и пьянствовать; позволялось гулять по парку и летом собирать грибы <...> удалось их приучить к смене чистого белья <...> к хождению в баню <...>». По желанию Тургенева были выписаны из Москвы всевозможные медикаменты первой необходимости, приглашен уездный врач (см.: *Щепкина*. С. 212–214).

¹⁰⁸ Речь идет о романе Бларамберг «Без вины виноватые», опубликованном в «Вестнике Европы» (1877. № 7, 8).

¹⁰⁹ Якушкина Елизавета Мардарьевна (урожд. Милюкова; 1836–1893), орловская помещица, соседка Тургенева по имению, вдова участника революционного движения 1860-х гг. В. И. Якушкина. Е. М. Гаршин вспоминал, что Тургенев «был очень расположен к соседке своей» Якушкиной, «которую называл замечательной русской женщиной, и все собирался повезти нас к ней, чтобы показать, какие бывают настоящие русские женщины. <...> Г-жа Я<кушкина>, одинокая женщина среднего состояния, вот уже лет 10 посвящает свои силы самой скромной деятельности на пользу своих крестьян. Ею устроена образцовая школа, организована медицинская помощь, а главное, ее исключительными стараниями, при противодействии местного дворянства, устроено ссудо-сберегательное товарищество, глубоко пустившее свои корни среди местного населения» (Гаршин Е. М. Воспоминания о Тургеневе. С. 394). Возможно, что через Тургенева осуществлялись какие-то посреднические связи между эмигрантами и Якушкиной (см. письма Тургенева к П. Л. Лаврову от 24 июля (5 августа), 18 (30) августа и 27 августа (8 сентября) 1882 г.: ПССУП(1). Письма. Т. 13. Кн. 1. С. 311; Т. 13. Кн. 2. С. 7, 17). По мнению Ю. А. Красовского, остается «невъясненным, состояла ли эта связь только в денежной помощи, которую, очевидно, оказывала Якушкина эмигрантам, или же она принимала какое-то участие в революционно-конспиративных делах» (ЛН. Т. 73. Кн. 2. С. 60).

Бларамберг навестила Якушкину в ее усадьбе Старухино в июле 1877 г., подробнее см. во вступит. статье.

¹¹⁰ См.: ПССУП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 212–214.

¹¹¹ Тургенев приехал в Москву 3 (15) августа 1878 г.; факт посещения им редакции «Русских ведомостей» в *Летописи (1876–1883)* не зафиксирован.

¹¹² В письме от 4 (16) августа 1878 г. Тургенев сообщил Л. Толстому, что хочет встретиться с ним (см.: ПССУП(2). Письма. Т. 16. Кн. 1. С. 139). Ответ Толстого, полученный Тургеневым, неизвестен.

¹¹³ Тургенев гостил у Л. Толстого в Ясной Поляне 8 (20) — 9 (21) августа 1878 г.; см.: ПССУП(2). Письма. Т. 16. Кн. 1. С. 627; Толстой. Т. 62. С. 406–407. Встреча писателей состоялась после длительного охлаждения в их отношениях, связанного с конфликтом в конце мая 1861 г. и вызовом на дуэль, которая не состоялась.

¹¹⁴ Вероятно, речь идет о французском издании Жорж Санд: *Œuvres de George Sand*. Bruxelles, 1838. Т. 1, куда вошли ее романы «Жак», «Индиана», «Мопра» и др., которое, очевидно, было в Спасской библиотеке Тургенева. Местонахождение этого экземпляра неизвестно.

¹¹⁵ Местонахождение переписки Бларамберг и Луизы Эрритт неизвестно.

¹¹⁶ См.: ПССУП(2). Письма. Т. 16. Кн. 1 С. 141.

¹¹⁷ 14 (26) августа 1878 г. Тургенев написал Л. Толстому: «...не могу не повторить Вам еще раз, какое приятное и хорошее впечатление оставило во мне мое посещение Ясной Поляны и как я рад тому, что возникшие между нами недоразумения исчезли так бесследно, как будто их никогда и не было. <...> мы оба стали лучше, чем 16 лет тому назад; и мне было приятно это почувствовать» (ПССУП(2). Письма. Т. 16. Кн. 1. С. 145).

¹¹⁸ Мамонтова Елизавета Григорьевна (урожд. Сапожникова; 1847–1908), жена известного предпринимателя и мецената С. И. Мамонтова (1841–1918), собира-

тельница предметов народного искусства. Вероятно, знакомство писателя с семьей Мамонтовых состоялось в Париже в конце марта — середине апреля 1874 г. Прямого свидетельства не обнаружено, однако известно, что в Париже в конце марта Мамонтовы познакомились с хорошо знакомыми писателю В. С. Серовой (и ее сыном), В. Д. Поленовым и И. Е. Репиным (см.: *Мамонтов В. С.* Воспоминания о русских художниках. С. 33, 114). Последних, как академических пенсионеров в Париже, опекал А. П. Боголюбов, чей салон, по воспоминаниям Серовой об этом периоде, «служил центром всему русскому миру в Париже» (*Серова В. С.* Как рос мой сын / Сост., ред. И. С. Зильберштейн. Л., 1968. С. 77). В это время (около 22 марта (3 апреля) — 13 (25) апреля 1874 г.) Тургенев позировал Репину; готовый портрет был показан художникам, скорее всего, в середине апреля ст. ст. на одном из «боголюбовских» вторников, на котором Тургенев присутствовал (см.: *Летопись (1871–1875)*. С. 182, 188). См. также: *Бахревский В. А.* Савва Мамонтов. С. 133–135, 186–195.

Весной 1870 г. Мамонтовы приобрели у дочери С. Т. Аксакова имение Абрамцево близ станции Хотьково Ярославской железной дороги, куда 6 (18) августа 1878 г. Тургенев вместе с Бларамберг предприняли совместную поездку. С Бларамберг Мамонтова познакомилась в середине 1870-х гг. через брата писательницы П. И. Бларамберга, часто бывавшего в Абрамцево, состояла с ней в переписке (см.: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 80; письма 1877 г.). В 1870–1890-е гг. подмосковная усадьба Абрамцево стала местом деятельности широко известного «Мамонтовского кружка», члены которого, известные композиторы, художники, актеры, исповедовали стремление к возрождению русского искусства, бережное отношение к памятникам национальной старины и их музейное коллекционирование. В настоящее время собранная Мамонтовой богатая коллекция народного искусства является частью фондов музея-заповедника «Абрамцево».

¹¹⁹ Тургенев вместе с Бларамберг посетили П. М. Третьякова на даче в Кунцево (Подмосковье) на следующий после поездки в Абрамцево день, т. е. 7 (19) августа 1878 г. (в *Летописи* ошибочно днем визита указано также 7 (19) августа 1881 г. См.: *Летопись (1876–1883)*. С. 205, 407). Знакомство писателя с собирателем картин русской художественной школы, основателем Третьяковской галереи П. М. Третьяковым (1832–1898) относится к 1860-м гг. Они встречались, состояли в переписке; для галереи портретов русских писателей Третьяков заказывал портрет Тургенева: в 1869 г. — К. Ф. Гуну (портрет не был написан), в 1872 г. — В. Г. Перову, в 1874 г. — И. Н. Крамскому и И. Е. Репину (Третьяковская галерея) и в 1879 г. — вновь Репину. Тургенев, безусловно, бывал в Кунцево до этой поездки — писатель намеревался посетить Третьякова в Кунцево в начале июня 1876 г. См.: *ПССУП(2)*. Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 111. Письмо к П. М. Третьякову от 6 (18) июня 1876 г.

¹²⁰ Об И. И. Маслове см. статью в наст. издании в разделе «Материалы к Тургеневской энциклопедии».

¹²¹ Встреча Тургенева с матерью генерала М. Д. Скобелева, с которой писатель познакомился, вероятно, в начале 1860-х гг., состоялась 7 (19) августа 1878 г. (датируется по воспоминаниям Бларамберг; в *Летописи (1876–1883)* не отмечено). *Скобелева Ольга Николаевна* (урожд. Полтавцева; 1823–1880), мать выдающегося полководца генерала М. Д. Скобелева (1843–1882). В день встречи Тургенева со Скобелевой ее сын писал родственнику: «...чем более проходит времени, тем более растет во мне сознание совершенной моей невинности перед Государем, а потому и чувство

глубокой скорби не может меня покинуть... только обязанности верноподданного и солдата могли заставить меня временно примириться с невыносимой тяжестью моего положения с марта 1877 года. Я имел несчастье потерять доверие, мне это было высказано, и это отнимает у меня всякую силу с пользой для дела продолжать службу» (цит. по: *РБС*. Т.: Сабанеев—Смыслов. СПб., 1904. С. 578). Дочь О. Н. Скобелевой *Ольга Дмитриевна* (в замуж. Шереметева; 185?–1898), родная сестра полководца, фрейлина, сестра милосердия в русско-турецкую войну; певица, композитор, была ученицей П. Виардо, под руководством которой сочиняла романсы, вальсы, марши. Тургенев бывал в ее доме в Париже, высоко отзывался о ее пении: «Г-жа С<кобелева> пригласила человек пятнадцать, — писал он П. Виардо 6 (18) апреля 1864 г., — <...> спела, честное слово, очень хорошо: диапазон ее голоса сильно увеличился; но нижние ноты она берет немного горлом. Она только и мечтает о Баден-Бадене и о счастье снова брать у вас уроки» (*ИССиП(2)*. *Письма*. Т. 6. С. 185. Подлинник по-франц.). Ученицами П. Виардо были также сестры полководца герцогиня З. Д. Лейхтенбергская и кн. М. Д. Белосельская-Белозерская (см.: *Розанов А.* Полина Виардо-Гарсиа. С. 205).

¹²² Тургенев присутствовал в клубе художников в Петербурге на представлении «Грозы» Островского 10 (22) февраля 1879 г. В роли Катерины выступала *Полина* (наст. имя Пелагея) *Антиповна Стрепетова* (в первом браке Писарева, во втором Погодина; 1850–1903), трагическая актриса, знакомая и корреспондентка Бларамберг (см. примеч. 19 к вступит. статье). Позже, в 1880 г., Тургенев познакомится с ней у Писемского (см. письмо Тургенева к М. Г. Савиной от 24 апреля (6 мая) 1880 г.: *ИССиП(1)*. *Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 241).

¹²³ Утром 18 февраля (2 марта) 1879 г. Тургенев присутствовал на заседании Общества любителей российской словесности, где был восторженно встречен публикой, среди которой было много студентов. В корреспонденции «Русских ведомостей» отмечалось, что «обширная университетская физическая аудитория далеко не могла вместить всех желающих»; едва «показалась величественная фигура И. С., как своды зала огласились громом оглушительных рукоплесканий. Крики „браво“ перекатывались в продолжение нескольких минут из конца в конец, возобновляясь все с новой силою» (*РусВед*. 1879. 21 февраля. № 45). С хоров к Тургеневу обратился студент Московского университета П. П. Виктор, представлявший радикальную часть студенчества. Он приветствовал писателя прежде всего как автора «Записок охотника» и поблагодарил за его честное отношение к действительности и желание понять стремления молодежи, ее идеалы. «...Студенты мне такой устроили небывалый прием, — писал Тургенев А. В. Топорову 20 февраля (4 марта) 1879 г., — что я чуть не одурел — рукоплескания в течение 5 минут, речь, обращенная ко мне с хоров, и пр. и пр. <...> Этот возврат ко мне молодого поколения очень меня порадовал, но и взволновал порядком» (*ИССиП(1)*. *Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 38; см. также: *Алексеева Н. В.* Воспоминания П. П. Викторова о Тургеневе // *ТСб (1818–1883–1958)*. С. 311–315). См. также: *Стецкий Н. Я.* Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. С. 18–19; *П. В. <Васильев П.>*. Описание торжеств, происходивших в честь И. С. Тургенева во время пребывания его в Москве и Петербурге в течение февраля и марта 1879 года. Казань, 1880. С. 2–4; *Леткова Е.* Об Ив. С. Тургеневе (Из воспоминаний курсистки) // К свету. Научно-литературный сб. СПб., 1904. С. 451–452.

¹²⁴ Память подвела Бларамберг: после заседания в Обществе любителей российской словесности Тургенев посетил любительский спектакль — хронику Шекспира «Генрих IV», поставленный членами Шекспировского кружка (см.: *Полозкова (Инатова) С. А.* Воспоминания В. Н. Ляковского об И. С. Тургеневе // *Т. Вопр биогр и творч (1990)*. С. 198, 200). Визит к Писемскому состоялся, скорее всего, 4 (16) марта 1879 г. после концерта в пользу недостаточных студентов Московского университета в зале Благородного собрания. Об этом визите Писемский писал 3 (15) марта Бларамберг: «...завтра, сиречь в воскресенье вечером, хотел приехать ко мне Иван Сергеевич Тургенев, а потому приезжайте и вы, — побеседуем, позлословим, позубоскалим, — словом, все как следует будет» (*Писемский*. С. 405). В *Летописи (1876–1883)* визит Тургенева к Писемскому не зафиксирован.

¹²⁵ 4 (16) марта 1879 г. Тургенев участвовал в литературно-музыкальном вечере в пользу «недостаточных» студентов Московского университета (см.: *РусВед*. 1879. 6 марта. № 57). Публика встретила писателя стоя, восторженными овациями. В ответ на приветствие студента Н. Н. Чихачева Тургенев произнес знаменитую «Речь к московским студентам», которая была опубликована в целом ряде изданий: «Современные известия» (5 марта), «Русские ведомости» (7 марта) и др. См.: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 12. С. 335, 676–677. На этом вечере Тургенев прочел рассказ «Бурмистр» из «Записок охотника».

¹²⁶ 6 (18) марта 1879 г. состоялся прощальный обед в ресторане «Эрмитаж», на котором присутствовало около ста человек. В ответ на приветственные речи (С. А. Юрьева, К. А. Тимирязева, проф. Н. В. Бугаева, проф. Н. С. Тихонравова и др.) Тургенев произнес ответную речь (см.: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 12. С. 336–337, 677–678).

¹²⁷ См.: *ПССиП(1)*. *Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 44, где записка датирована временем пребывания Тургенева в Москве: 14 (26) февраля — 7 (19) марта 1879 г.

¹²⁸ Ср. в подлиннике: «Я лежу на диване и, вероятно, пролежу целый завтрашний день — и во всякий час буду рад Вас видеть» (*ПССиП(1)*. *Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 41, где записка датирована: 25–27 февраля (9–11 марта) 1879 г.).

¹²⁹ *Колонн Эдуард* (Colonne; 1838–1910), французский дирижер и скрипач, один из основателей общества «Национальные концерты» (1873), с 1874 г. получившего название «Концерты Шатле», позднее «Концерты Колонна». Никакими сведениями о дебюте Марианны Виардо (в замуж. Дювернуа) в «Концертах Колонна» не располагаем. Местонахождение ее писем к Тургеневу неизвестно.

¹³⁰ См.: *ПССиП(1)*. *Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 43, где письмо датировано 6 (18) марта 1879 г. Писатель пригласил Бларамберг и Е. Г. Мамонтову к себе, т. е. в дом к И. И. Маслову, где он остановился. Неизвестно, состоялась ли эта встреча.

¹³¹ В примечании Бларамберг имеет в виду *Николая Андреевича Белоголового* (1834–1895), известного русского врача и писателя, диагностировавшего болезнь Тургенева; он оставил воспоминания о последних месяцах жизни писателя: *Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1897. С. 411–419. Подробнее об участии Белоголового в диагностике болезни писателя см.: *Тургенев. НИиМ(3)*. С. 554–555, а также: *Битогова И. А.* Белоголовый Н. А. // *Тургенев. НИиМ(2)*. С. 265–267 («Материалы к Тургеневской энциклопедии»).

¹³² Сохранились три письма М. Дювернуа к Бларамберг, подробнее см. во вступит. статье.

¹³³ В письме от 15 (27) февраля 1881 г. Тургенев, намереваясь провести лето в Спасском, пригласил туда Полонского «вместе с семейством» на все лето (см.: *ПССиП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 1. С. 61–62). Кроме них писатель пригласил также Л. Н. Толстого, Д. В. Григоровича, М. Г. Савину, В. М. Гаршина, племянника А. Н. Тургенева; в разные дни лета 1881 г. в Спасском побывали также В. В. Ладыженская, А. А. Мещерский, Н. В. Гербель, П. В. Шейн. Сам Тургенев находился в деревне с 31 мая (12 июня) до 21 августа (2 сентября) 1881 г. Полонский вспоминал: «...это лето провел я под одною с ним кровлей, и провел не как гость, а как брат, захвативший на побывку к родному старшему брату» (*Полонский Я. П. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину // Полонский Я. П. Проза. М., 1988. С. 395; впервые: Нива. 1884. № 1–8*). См. также: Спасский дневник Я. П. Полонского. 1881 год (Фрагменты) / Публ. Е. Н. Левиной // Спасский вестник. 1995. Вып. 3. С. 74–85.

¹³⁴ *Гаршин Всеволод Михайлович* (1855–1888), писатель-народник, знакомый и корреспондент Тургенева, который познакомился с ним зимой 1879/80 г. в числе других молодых писателей на квартире золотопромышленника К. М. Сибирякова. По приглашению писателя отдыхал в Спасском летом 1882 г. (с 24 июля (5 августа) по 18 (30) сентября). «Книг здесь куча, — писал Гаршин своей невесте 3 (15) сентября 1882 г. из Спасского, — множество французских, нем<ецких> и английских; все русские журналы. На журналах 30-х и 40-х годов везде буквы В. Б., т. е. Виссарион Белинский: эти книги принадлежали ему. Странно как-то держать в своих руках книгу, которую читал и перелистывал сам Виссарион. — Читаю я довольно много, но бестолково. Очень уж хорошо здесь шататься по парку, купаться, ездить верхом. Лето отличное: ни жарко, ни холодно. И ходишь большую часть дня под огромными липами; а какие здесь есть деревья! По 100 и 200 лет. Дуб, посаженный собственными руками Ивана Сергеевича 50 лет тому назад, совсем мальчик перед ними» (*Гаршин Вс. М. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1934. Т. 3: Письма. С. 272*). В Спасском Гаршин писал свою повесть «Из воспоминаний рядового Иванова» (*ОЗ. 1883. № 1*). Тургенев высоко оценивал талант Гаршина; под впечатлением от его «Рассказов» (СПб., 1882) писал ему в Спасское из Буживаля 3 (15) сентября 1882 г.: «...изо всех наших молодых писателей Вы тот, который возбуждает большие надежды. У Вас есть все признаки настоящего, крупного таланта: художнический темперамент, тонкое и верное понимание *характерных* черт жизни — человеческой и общей, чувство правды и меры, простота и красивость формы — и, как результат всего, оригинальность. <...> Радуюсь, что пребывание Ваше в деревне пошло Вам в пользу — и возвратило Вас к литературной работе» (*ПССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 27*).

О своем посещении Спасского в августе 1881 г. и разговорах с Тургеневым оставил подробные воспоминания брат В. М. Гаршина Евгений (см.: *Гаршин Е. М. Воспоминания об И. С. Тургеневе. С. 378–398*).

¹³⁵ *Савина Мария Гавриловна* (сценич. фам.; урожд. Подраменцова, в первом браке Славич, во втором Всеволодская, в третьем Молчанова; 1854–1915), драматическая актриса Александринского театра (1874–1915), друг и корреспондент Тургенева, автор воспоминаний о нем (см.: *Савина М. Г. Мое знакомство с И. С. Тургеневым // Савина М. Г. Горести и скитания. С. 137–145*). Писатель познакомился с ней в 1879 г. (подробнее см.: *Назарова Л. Н. Савина М. Г. // Тургенев. НИиМ(3). С. 389–390*). Актриса по приглашению Тургенева с 14 по 18 июля ст. ст. 1881 г. гос-

тила в Спасском; намеревалась написать воспоминания об этом пребывании, о чем свидетельствует сохранившийся черновой набросок плана (см.: Тургенев и Савина / Под ред. А. Ф. Кони. Пг., 1918. С. 72; см. также: Д. В. Григорович. Письма к Тургеневу и Я. П. Полонскому / Публ. Б. Н. Капелюш // *Т Сб.* Вып. 4. С. 398–406). Впечатления от этих дней содержатся в ее письме к Ю. Д. Беляеву от 14 марта 1909 г.: Иван Сергеевич «возил меня и детей Полонской в лес и к пруду. В большой соломенной шляпе, в коричневой парижской „вязанке“ с шелковыми рукавами и небрежно завязанным белым шарфиком вместо галстука, он был удивительно красив. Он правил лошадью с полным удовольствием, как ребенок, и улыбка не сходила с его лица. В лесу он усерднее всех собирал цветы и болтал без умолку. / Когда я вошла в первый раз в кабинет Спасского, то И<ван> С<ергеевич> так просто сказал: „Вот за этим столом я написал «Отцы и дети»“». В письме содержится также упоминание о чтении ей Тургеневым некоторых из «Стихотворений в прозе» (Из писем М. Г. Савиной к Ю. Д. Беляеву // Савина М. Г. Горести и скитания. С. 146–147). См. также: М. Г. Савина в письмах И. С. Тургенева (Обзор И. И. Шнейдермана) // Там же. С. 183–200. В память о пребывании Савиной в Спасском одна из комнат и пруд носят ее имя.

**ТРИ ПИСЬМА Е. И. БЛАРАМБЕРГ
К ТУРГЕНЕВУ (1875–1877)**

Публикуемые впервые в полном объеме три письма Е. И. Бларамберг к Тургеневу, сохранившиеся лишь в черновиках, дополняют историю отношений писателя и начинающей беллетристки периода их наиболее активного общения 1875–1877 годов.

Черновики публикуются по подлинникам: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 33–35, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных особенностей стиля автора.

1

Ноябрь — декабрь 1875 года. Москва

Милост<ивый> госуд<арь> Иван Сергеевич,

Louise¹ написала мне на днях, что Вы не получали моего письма,² и потому спешу еще раз написать Вам, чтобы от души поблагодарить Вас за Ваши рекомендательные письма.³ Я все их^а передала по назначению, и благодаря им меня везде приняли чрезвычайно радушно.

Работы еще я не получала, но надеюсь, что зима эта не пройдет без некоторого результата. Во всяком случае, как ни велики и ни тяжелы материальные заботы, они легче сносятся, когда приходится^б отвечать только за себя. Louise, к счастью, теперь обеспечена и имеет, наконец, возможность^в начать ту жизнь, о которой она мечтала с самого детства, тем более что и другая ее мечта, наконец, осуществилась, т. е.^г она свиделась с своей семьей, и все прошлые тяжелые недоразумения сгладились, надеюсь, навсегда.^д

Меня особенно радушно принял А. Ф.^а Писемский и до сих пор оказывал весьма деятельное содействие.^{е.}⁵ К сожалению, он человек крайне

---

^а Далее зачеркнуто: благодарю

^б Далее зачеркнуто: одной

^в Далее зачеркнуто: отдат<ься>

^г Далее зачеркнуто: ее

^д А. Ф. вписано над строкой.

^е Далее зачеркнуто: желая

дик<ий>* и в нравственном, и в физическом отношении, нелегко заставить его выйти из постоянного³ ипохондрического состояния.⁴ Мне это отчасти удавалось, и, конечно, многое, что он высказывал по поводу литературы и искусства, было крайне интересно и полезно⁵ для меня. Но в пос<леднее время> случился в Москве казус, который озадачил всех, но особенно Алексея Феофилактовича, это происшествие с Коммерческим банком, происшествие весьма обыденное за границей, но здесь совершившее положительно переворот в умах.⁶

На Алексея Феофилактовича этот случай подействовал так сильно, что он ни о чем другом ни думать, ни говорить не может, поэтому я должна терпеливо ждать, пока это состояние пройдет. Мое желание⁷ познакомиться и сблизиться со всеми литераторами в Москве чрезвычайное, а это я могу только сделать посредством Писемского.

Меня как свежего человека крайне поражает общий упадок духа в России; все ноют, все плачут, все стонут. Все ждут какого-то переворота или скорее пророка, который⁸ внес бы новую веру в общество и освежил бы его. Мне кажется, никогда в России не чувствовалась такая потребность в серьезном художественном произведении, как теперь, никогда⁹ писатель не нашел бы более подготовленной почвы. За всякое мало-мальски талантливое произведение ухватываются как за минутное спасение от окружающей бесцветной жизни. Но талантливых произведений нет, молодые не родились, а старые умолкают и умолкают с чувством горечи и с сознанием, будто Россия переживает такое время, когда художественные <произведения> ей не нужны, когда она их не хочет и не может понять. Так говорит Писемский, Островский,⁷ Гончаров (по словам А. Ф. <Писемского>), и так говорит *Вы*. А если б *Вы* знали, так, как я знаю, так, как знает вся читающая публика, какое влияние *Вы* имели в России, какую массу наслаждений, светлые, дорогие минуты *Вы* заставили пережить нас, и старых,⁹ и малых! Ни один значительный¹¹ писатель ни в одной стране не пользуется не только славой, но именно такою¹⁰ любовью, как *Вы* в России, в той России, которая,

---

* дик<ий> *вписано над строкой.*

³ постоянного *вписано вместо зачеркнутого: его*

⁴ *Далее зачеркнуто: заставить его оживиться*

⁵ и полезно *вписано над строкой.*

⁷ *Далее зачеркнуто: сб<лизиться>*

⁸ *Далее зачеркнуто: може<т>*

⁹ *Далее зачеркнуто: молод<ой?>*

⁹ *Далее зачеркнуто: и старых*

¹¹ значительный *вписано над строкой.*

¹⁰ такою *вписано над строкой.*

как говорят, не^с имеет потребности в художественном произведении, в искусстве! Ей преподносят бесцветные,^т безжизненные произведения, а затем авторы этих произведений жалуются^у на то, что России не нужна литература, а она усердно^ф перелистывает этих авторов, пытаясь найти в них какую-нибудь жизнь и не находя последней, снова возвращается к своим старым любимым писателям, невольно сравнивает их с современными и в свою очередь жалуется на то, что у нее нет литературы.

Во Франции, Англии, Германии в массе талантливых писателей иное художественное произведение может не вдруг обратить на себя внимание публики, но у нас, где талантливые писатели наперечет,^х каждое талантливое произведение *тотчас* же признается публикой, тотчас же производит движение в обществе...

Я невольно написала Вам все это, многоуважаемый И. С., находясь под впечатлением разговора с А. Ф. <Писемским> и вспомнив один разговор с Вами. Весьма тяжелое впечатление производит, когда те писатели, которые силой таланта воспитали целое поколение, так разочарованно относятся к России. Во Франции каждый начинающий писатель может найти себе наставника в одном из так называемых литературных отцов. Наставник этот^и сможет опытом предохранить от слишком грубых промахов, передаст ему опыт и жизнью выработанные убеждения. А у нас к кому обратиться? Каждый из наших литературных отцов держит себя в стороне и^и первым делом советует *не писать*, бросить, взяться за выгодную работу... В Ваше время, когда Вы начинали, был Белинский, который и рыбью натуру мог расшевелить и вдувать в нее искру Божью, а теперь — разочарованность,^и безнадежность, недоверие к силе искусства, тогда как у нас же на глазах, в Ваших же произведениях мы видим, какова эта сила и насколько Россия нуждается в ней! К чему все это? — спросите Вы. — Да просто к тому, что невольно жутко становится. Прокладывать себе путь, когда со всех сторон раздаются крики, может быть, будущих собратий: «Ой, не ходи! ой, упадешь! там пропасть, а там глубокий ров!» Я знаю, что Вы единственный писатель, в котором еще не окончательно сокрушена вера в будущее России, Вы покинули ее, может быть она сделалась Вам чуждой, но Вы сочувственно отзоветесь на все живое, талантливое, что в ней проявится, и потому я спрашиваю, не-

---

^с Далее зачеркнуто: умеет

^т Далее зачеркнуто: скучные

^у Далее зачеркнуто: что

^ф усердно вписано над зачеркнутым: лениво

^х где ~ наперечет вписано над строкой.

^и этот вписано над строкой.

^и Далее зачеркнуто: не советует?>

^и Далее зачеркнуто: анемия

ужели Вы серьезно полагаете, что художественная¹¹¹ литература невозможна в России и не нужна ей? Неужели в Вас нет веры в то, что настоящее апатичное состояние общества³ только временное, истекающее из <...>¹⁰

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*. Ф. 3. Оп. 1. № 33. Л. 1–4 об. Автограф без конца. Фрагмент письма с незначительными разночтениями опубликован: *Воспоминания о Писемском (1)*. С. 5.

¹ О Луизе Эритт (урожд. Виардо) см. примеч. 3 к воспоминаниям Бларамберг. См. также примеч. 4 к наст. письму.

² Письмо Бларамберг к писателю неизвестно.

³ Тургенев снабдил Бларамберг, уезжавшую в Россию летом 1875 г., рекомендательными письмами к сотруднику «Санкт-Петербургских ведомостей» И. П. Золотницкому, редактору газеты «Наш век» Е. И. Рагозину, а также к А. Ф. Писемскому. См. подробнее во вступит. статье.

⁴ В 1862 г. Луиза Виардо вышла замуж за Эрнеста Эритт де ла Тура, французского консула в Южной Африке, но в 1864 г. оставила мужа и новорожденного сына и уехала к родителям в Баден-Баден, где прожила до 1868 г. Занялась собственной карьерой певицы и композитора, была приглашена в Россию. Ребенок находился на попечении отца, проживавшего с 1871 г. в Дании, где он исполнял обязанности генерального консула Франции. Встретившись с Луизой в Петербурге в феврале 1871 г., Тургенев описал П. Виардо свои впечатления: «Она по-прежнему „рубит свои канаты“ — чтобы скитаться по волнам. <...> мы с ней много говорили о ее ребенке: это, кажется, льстило ее материнской гордости — но она оставалась непреклонной, как скала. Это существо, отмеченное печатью рока, — к которому, несмотря на невольное отвращение, нельзя не чувствовать глубокой и острой жалости» (*ПССуП(2)*. *Письма*. Т. 11. С. 327. Подлинник по-франц.). Весной 1872 г. Луиза Эритт пыталась открыть в Петербурге школу пения, но замысел этот не осуществился. В середине 1870-х гг. покинула Россию. См. о ней подробнее во вступит. статье, а также примеч. 10 к воспоминаниям Бларамберг.

⁵ Тургенев писал Писемскому о Бларамберг 29 августа (10 сентября) 1875 г. (*ПССуП(2)*. *Письма*. Т. 14. С. 139). Об отношениях Бларамберг и А.Ф. Писемского см. во вступит. статье.

⁶ В октябре ст. ст. 1875 г. в Москве произошло первое в России банкротство акционерного Коммерческого ссудного банка. Правление банка объявило о прекращении платежей по всем видам обязательств 13 октября ст. ст. См.: *МВед.* 1875. 13 октября. № 260. С. 1; см. также редакционные статьи: Там же. 14 октября. № 261. С. 2; 21 октября. № 268. С. 2. Подсудимыми на процессе, проходившем в Москве годом позже (2–25 октября ст. ст. 1876 г.), предстали немецкий подданный, железнодорожный деятель Генри-Бетель Струсберг (1823–1884), по имени которого в печати этот процесс стал называться «процессом Струсберга», а также директора

---

¹¹¹ художественная *вписано над строкой*.

³ состояние общества *вписано вместо зачеркнутого*: положение

¹⁰ *Далее письмо обрывается*.

банка Г. Ландау и П. М. Полянский, путем подкупа выдавшие подрядчику Струсбергу, строившему в России железную дорогу Брест — Гараево, семимиллионную ссуду под обеспечение ничего не стоивших бумаг. Струсберг в результате банкротства не смог возвратить ссуду, что и повлекло крах банка. Процесс по делу оживленно комментировался в печати (см.: *НВр.* 1876. 11 (23) октября. № 223; 12 (24) октября. № 224; 17 (29) октября. № 229; см. также: *Достоевский.* Т. 23. С. 160, 413 — «Дневник писателя» за 1876 г. Октябрь, гл. «О том же»; картину В. Маковского «Крах банка»).

Тургенев, отвечая Анненкову 25 октября (6 ноября) 1875 г. на его вопрос: «Что там за крах стрёлся в Москве с Коммерческим банком?» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 19), — писал: «А московский *крах* — вещь в своем роде знаменательная! Вручить 6 миллионов р. с. шарлатану, который дома давно прогорел и изверился!» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 14. С. 167). 15 (27) октября 1875 г. Писемский писал сыну Павлу в Берлин: «В Москве теперь сильное волнение: лопнул Коммерческий ссудный банк, в котором у меня, как и в прочих частных банках, нет ни гроша, но тем не менее я другой день в каком-то лихорадочном состоянии, прислушиваюсь к этому общенародному бедствию. <...> В самом банке происходят раздирающие душу сцены: плачут, бранятся, падают в обморок — ужас, что такое!..» (*Писемский.* С. 325–326). Событие это побудило Писемского написать пьесу «Финансовый гений» (1876). См. примеч. 3, 5 к письму 2. Писемский написал о нем Тургеневу 29 октября (10 ноября) 1875 г.: «Над Москвою, как вы, вероятно, уже слышали и читали, разразился страшный удар, — лопнул и рухнул Коммерческий ссудный банк; открылось безобразнейшее мошенничество, акции все ничего не стоят да и по вкладам вряд ли получить полную сумму. Я, разумеется, не пострадал по своему глубочайшему презрению ко всем нашим частным и так называемым общественным учреждениям. Куда я ни покажусь, меня все называют пророком, вспоминая 2-й акт моей пьесы „Просвещенное время“» (*Писемский.* С. 326).

⁷ На «средах» Писемского Бларамберг познакомилась и завязала дружеские и деловые отношения с А. Н. Островским и многими другими литераторами. Подробнее см. во вступит. статье.

2

22 января (3 февраля) 1876 года. Москва

Ранний черновой автограф

Я не могу достаточно благодарить Вас, многоуважаемый Иван Сергеевич, за Вашу телеграмму и письмо Ваше.¹ Ваш немедленный ответ на мою депешу крайне успокоил меня относительно здоровья Louise, и мысленно я Вас уже не раз горячо благодарила и давно бы уже и письменно высказала Вам свою благодарность, если б мне не пришлось поневоле отложить свое письмо.

Алексей Феофилактович, узнав, что я намерена писать, просил меня несколько замедлить отсылкой письма, так как ему хотелось, чтобы я написала

Вам о новом его произведении «Финансовый гений», комедии в 4-х актах. По правде сказать, мне очень жаль, что я дала ему обещание написать Вам^а о впечатлении, произведенном на меня и на публику его комедией... Когда пришлось писать, я не знала, *что* писать! Алексей Феофилактович доволен своим произведением, его собратья, как то Островский, Юрьев, Алмазов² и др., по-видимому, тоже довольны. Трудно при таких обстоятельствах судить.^б

Публики на чтении было много,^в автора приняли прекрасно, слушали внимательно.^г Нельзя сказать, чтобы был огромный успех, но и не было положительного фиаско. Вот вкратце общее внешнее впечатление. Трудно при таких обстоятельствах высказывать свое личное суждение. Так как все, если не вполне, то^д хоть наполовину удовлетвор<ены>, то всякое отриц<ательное> суждение может казаться резким и самонадеянным. И однако мне именно такое отриц<ательное> суждение и приходится высказать. Я вышла под крайне тяжелым впечатлением из залы Общества люб<ителей> словес<ности>.³ Как будто я присутствовала при агонии человека,^е верующего^ж очень^з в жизнь, в свои силы и не подозревающего, что он находится при последнем издыхании... И никто, никто из окружающих его не имеет духу сказать, что для него нет выздоровления...

Комедия «Финансовый гений», по-моему, так слаба, что если бы не имя автора и некоторые намеки^и на только что происшедшее и^к потому интересное всех дело Коммерческого банка,⁴ то ее освистали бы.

В ней нет ни одного живого лица, ни одной живой мысли или положен<ия>. Все лица и положения будто взяты не из жизни, а из газет, да и^л эти лица шиты на живую нитку... Приводятся по временам две-три марионетки, чтобы рассмешить публику:^м француз, коверкающий рус<ский> язык,

---

^а Вам *вписано над строкой*.

^б *Далее зачеркнуто*: Мне остается стать на точку зрения публики — публики не райка, а публики партера, и с точки зрения этой публики высказать свое суждение. Чтение происходило в здании стар<ого> Унив<ерситета> в заседании Общ<ества> люб<ителей> словес<ности>. Публики собралось много; Писемского приняли прекрасно, слушали внимательно.

^в *Далее зачеркнуто*: Писемск<ого>

^г *Далее зачеркнуто*: подчас смеялись еще чаще над

^д *Далее зачеркнуто*: полу<чили?>

^е *Далее зачеркнуто*: сильного

^ж *Далее зачеркнуто*: в <нрзб.>

^з *очень вписано над строкой*.

^и намеки *вписано над строкой*.

^к *Далее зачеркнуто*: пред

^л и *вписано над строкой*.

^м чтобы ~ публику *вписано над строкой*.

немой спирт-американец с своим толмачом... Впрочем, что же я Вам рассказываю... Вы сами прочтете, когда эта комедия появится в печати.⁵

Я недавно видела «Горькую судьбину»⁶ и было крайне тяжело признать, что после того, как автор сумел создать действительную драму, потрясающую, несмотря на свои недостатки, до глубины души зрителя, что он опускается до таких балаганных средств!

Писемский положительно *сила!* сила своеобразная, оригинальная, но к несчастью для него ему недостает общего образования, и потому сила эта, помимо даже всех тяжелых обстоятельств,⁷ рано подкосилась. Ее чувствуешь, видишь по минутам <...>

Поздний черновой автограф

Москва. 22 января / 3 февраля 1876.

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Я не могу достаточно благодарить Вас за Вашу телеграмму и письмо Ваше. Ваш немедленный ответ на мою депешу крайне успокоил меня относительно здоровья Louise, и мыслью я уже не раз горячо благодарила Вас и давно уже и письменно высказывала бы Вам свою благодарность, если бы мне не пришлось поневоле отложить свое письмо.

Алексей Феофилактович, узнав, что я намерена писать Вам, просил меня несколько замедлить отсылкой письма, так как ему хотелось, чтобы я написала Вам о новом его произведении: «Финансовый гений», комедии в 4-х действиях. Он читал ее дня два тому назад в заседании Общества любителей рус<ской> словесности.

По правде сказать, мне очень жаль, что я дала ему обещание написать Вам о впечатлении, произведенном на меня и на публику его комедией... Когда пришлось писать, я не знала, *что* писать! — Алексей Феоф<илакто-вич> доволен своим произведением; его собратья, как то Островский, Юрьев, Алмазов и др., по-видимому, тоже довольны. Публики на чтении было много; автора приняли прекрасно, слушали внимательно. Нельзя сказать, чтобы комедия имела огромный успех, но она и не потерпела положительного фиаско. Вот вкратце общее внешнее впечатление. <Так как все если не вполне, то хотя наполовину удовлетворены, то всякое отрицательное суждение может казаться резким и самонадеянным. И однако именно такое отрицательное суждение приходится высказать>.^a Трудно при таких обстоятельствах высказывать свое личное.

---

^a Фрагмент в угловых скобках отсутствует в черновике и восстанавливается по: Воспоминания о Писемском (1). С. 5.

Печатается по подлинникам: ранний черновой автограф — ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 34. Л. 2–4; поздний черновой автограф — Там же. Л. 1–1 об. На л. 4 об. помета: «Je viens de recevoir une très gentille lettre» («Я только что получил очень милое письмо» — *франц.*). Оба автографа без конца. Фрагменты письма с некоторыми различиями воспроизведены: *Воспоминания о Писемском (1)*. С. 5.

¹ 10 января н. ст. 1876 г. по дороге из Брюсселя в Париж Луиза Эритт попала в железнодорожную катастрофу, в которой сильно повредила руку. 12 (24) января 1876 г. Тургенев сообщил П. В. Анненкову: «Ее чуть-чуть не убило — но она отделалась сильными ушибами — и довольно мучительным прищемлением руки, которою до сих пор она владеть не может (беда случилась ровно две недели тому назад). Недели через две, вероятно, никакого следа не останется» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 16). В ответ на запрос Бларамберг Тургенев послал ей телеграмму: «Случай не опасный, Луиза чувствует себя хорошо» (Там же. С. 286. Подлинник по-франц.).

² *Алмазов Борис Николаевич* (1827–1876), критик, поэт, переводчик; друг и корреспондент Писемского.

³ Писемский читал свою комедию «Финансовый гений» в публичном собрании Общества любителей российской словесности 18 (30) января 1876 г. 7 (19) февраля 1876 г., посылая Тургеневу пьесу, Писемский заметил: «...препровожаю к вам в двух экземплярах, из каковых один убедительнейше прошу переслать П. В. Анненкову <...>. Пьеса моя напечатана в маленькой газетке, потому что „Русский вестник“ не принял ее по негодности <...>. Пьеса между тем была уже поставлена на сцену в Москве и имела и имеет большой успех. Нелепости спиритизма, продажная и глупая печать, фальшивые телеграммы, безденежные векселя, видно, слишком уже намерзли в глазах публики, так что меня неоднократно и с громкими рукоплесканиями вызывают и затем словесно благодарят, что я всех сих гадин хоть на сцене, по крайней мере, казню, так как, к сожалению, прокурорский надзор и суд не до многих еще из них находят юридическую возможность добраться» (*Писемский*. С. 330–331). Тургенев нашел комедию «достаточно безобразной» и переслал ее Анненкову, прочитав которую, тот ответил 19 февраля (2 марта) 1876 г.: «Право — этот господин не дает себе труда подумать, что такое он делает: пишет, точно на горшок ходит — очистился и неси вон из комнаты» (*Анненков. Письма*. Кн. 2. С. 31, 205). Самому Писемскому Анненков изложил свое мнение 5 марта н. ст. 1876 г.: «Что касается до комедии вашей, то она до такой степени ультрасценична, что в простом чтении не может дать и понятия о впечатлении, какое должна производить на театре. Это ваша сила, которая держит ваших зрителей в обаянии, но это есть и несчастье для кабинетных ваших читателей. Мысль ваша ясна, характеры намечены твердо, крупно, но такими беглыми чертами, что жизнь и физиономию этим смелым очеркам сообщает уже актер, а не автор. Критику вашему надо иметь еще и воображение и способность представить себе — какой вид должно иметь произведение на подмостках <...> комедия доставила мне большое удовольствие. Для массы же публики и для избежания колеблющихся, противоречивых ее суждений необходимо немножко более быть щедрым на рисовку лиц, которая для вас весьма легка, но которою вы слишком пренебрегаете, полагаясь на свое действительно замечательное знание сценического эффекта» (*С. Л-ч. П. В. Анненков в переписке с А. Ф. Писемским // Новь*. 1888. Т. 23. № 20. 15 августа. С. 204–205).

⁴ О деле Коммерческого банка см. примеч. 6 к письму 1.

⁵ В воспоминаниях о Писемском Бларамберг приводит его высказывание о комедии «Ваал» (1873) и о причинах, побудивших писателя обратиться к теме «Финансового гения»: «Раньше в моих многочисленных произведениях я обличал глупость, невежество, смеялся над ложным романтизмом, пустозвонными фразами, боролся против крепостного права, преследовал чиновничьи злоупотребления, обрисовывал цветки нигилизма... Теперь принялся за сильнейшего, может быть, врага человеческого — за Ваала и за поклонение золотому тельцу... Крах коммерческого банка воочию показал, что у нас делается... Ведь все, все основано на постыднейшем обмане. Везде мошенничество, дутые предприятия, колоссальное воровство... — Бога на землю! — закончил он, разгорячась. — Пусть сойдет снова Христос и обновит душу, а иначе в человеке все порядочное исчезнет, издохнет от смрада материальных благ...» (см.: *Воспоминания о Писемском (1)*. С. 5).

⁶ Речь идет о драме Писемского «Горькая судьбина» (1859). Бларамберг, присутствовавшая в середине января 1876 г. вместе с автором на спектакле Художественного кружка с участием Стрепетовой, вспоминала: «Видела я „Горькую судьбину“ <...> за несколько дней до вышеупомянутого чтения в заседании Общества любителей русской словесности («Финансового гения». — *С. И.*) <...> Первое действие не сосредоточило внимания публики. Досадное покашливанье, сморканье, шарканье ног, скрип стульев, подавленный шепот не прекращались. Мне было жаль автора, скромно, безмолвно сидевшего рядом со мной». Во втором действии «на сцене быстро, сжато развивается сильная, художественно созданная драма, передаваемая из ряда вон выходящею артисткой (Стрепетовой. — *С. И.*). Занавес опустился при глубочайшем молчании <...>. Вдруг — треск аплодисментов, вызовы, клики без конца, будто зрители внезапно проснулись от какого-то очарованного сна... Стрепетова выходила усталая, бледная; выходил на вызовы и автор и неловко, конфузливо раскланивался...» (см.: *Воспоминания о Писемском (1)*. С. 5). О Стрепетовой см. примеч. 122 к воспоминаниям Бларамберг.

⁷ Бларамберг имеет в виду самоубийство младшего сына Писемского Николая в возрасте 22 лет (13 февраля ст. ст. 1874 г.). «...Младший сын наш, Николай, — писал Тургеневу Писемский 4 (16) июня 1874 г., — застрелился без всяких каких-либо хоть сколько-нибудь понятных и объяснимых причин» (*Писемский*. С. 264). «Не считаю нужным говорить Вам, — соболезновал Тургенев 10 (22) июня 1874 г., — как глубоко поразил меня удар, обрушившийся на Ваше семейство, и как искренне я сочувствую Вашему горю. Понять причины подобного бедствия невозможно; тут, вероятно, действовала скрытая ото всех глаз психическая болезнь, которую, конечно, никто бы не стал подозревать в том прекрасном, цветущем юноше...» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 13. С. 105).

3

Между 13 (25) и 16 (28) июня 1877 года. Москва

Нечего говорить, многоуважаемый Иван Сергеевич, до какой степени обидно за Вас, что Вам так не везет в России! Надеюсь, однако, что припадок

подагры не будет продолжаться и Вам все-таки удастся побывать в Москве. Погода, кажется, меняется к лучшему, и надо надеяться, что теплые дни помогут Вам скорей оправиться. Из опасенья, однако, что Вам слишком наскучит Ваше насильственное пребывание в Петербурге¹ и что Вы ускорите Ваш отъезд в Буживаль, я решаюсь послать Вам по почте небольшую посылку, кот<орую> я просила бы Вас передать Louise, если это только Вас не затруднит. В этой посылке заключаются 1 ½ ф<унта> табаку и 1 ф<унт> чаю.

Простите меня, пожалуйста, за затруднение. Если бы Вы были в Москве, я имела бы возможность спросить,^a не обременит ли Вас такая посылка, а здесь я уже принуждена послать «au petit bonheur».^{b,2} Еще одна величайшая просьба: помогите мне, ради Бога, в моей неопытности. Хотелось бы мне узнать, могу ли я обратиться к редакции «Вест<ника> Европы» с просьбой выслать мне несколько оттисков моего романа.³ Писемский уверяет, что я имею право на 25 оттисков, но дело в том, что он и другие предполагают, что авторам обязаны высылать корректурные листы, Стасюлевич же пишет, что они ни в каком случае не высылают их, а я, право, не хотела бы снова <обращаться?> в редакцию с таким требованием, которое у них считается незаконным. Будьте так обязательны, Иван Сергеевич, сказать мне, законна ли будет моя просьба или незаконна. Вы знаете все порядки редакции «Вест<ника> Европы» и один можете помочь мне «faire des boulettes»,^b кот<орые>, к несчастью, я наделаю, вероятно, немало в моей жизни.

Надеюсь, что это письмо застанет Вас более бодрым и здоровым. Жму дружески Вашу руку.

Е. Бларамберг.

Печатается по подлиннику: ГЛМ. Ф. 3. Оп. 1. № 35. Л. 1–2.

Датируется предположительно на следующих основаниях: 12 (24) июня 1877 г. Тургенев сообщал Бларамберг: «На бедного Макара все шишки валятся. И поделом ему: зачем в Россию ездить? — Со вчерашнего дня у меня жесточайший припадок подагры — я не знаю, когда встану — и уже о московской поездке думать нечего. <...> Как только мне возможно будет, я удеру в Буживаль. — Но когда? Вот в чем вопрос» (ПССиП(2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 178–179). Отсюда фраза в ответном письме, что писателю «так не везет в России». Ответное письмо Тургенева от 17 (29) июня 1877 г. см.: Там же. С. 181.

¹ Тургенев приехал в Петербург 22 мая (3 июня) 1877 г. и пробыл там до 24 июня (6 июля) 1877 г.

^a Далее зачеркнуто: Вас

^b «наудачу» (франц.).

^b <не?> «наделать промахов» (франц.).

² В ответном письме от 17 (29) июня 1877 г. Тургенев писал Бларамберг: «Посылку Луизы, на которую пришла повестка, я доставил в целости» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 15. Кн. 2. С. 181).

³ В том же письме Тургенев сообщал: «Стасюлевичу я сказал о Вашем желании насчет оттисков — и он очень сожалел о том, что Вы его не выразили раньше — он бы с удовольствием напечатал несколько отдельных оттисков; — но теперь уже июльская книга набрана и ни одного лишнего экземпляра нет» (Там же). Речь идет об оттисках первой части романа Бларамберг «Без вины виноватые» (*ВЕ*. 1877. № 7). См. о нем во вступит. статье.

**ИЗ АРХИВА ТУРГЕНЕВСКОГО КРУЖКА
Н. К. ПИКСАНОВА:
Дополнения к воспоминаниям Е. И. Бларамберг
о Тургеневе (1914)**

В Библиотеке Н. К. Пиксанова (Пушкинский Дом) хранится конволют, озаглавленный «Архив Тургеневского кружка» (№ 5216), в котором, помимо документов, имеющих отношение к деятельности кружка, организованного Пиксановым в стенах Петроградских Высших женских курсов (январь 1912 — 1914 гг.),¹ имеются также мемуарные записи бесед участниц кружка с лицами, знавшими писателя, — материалы, которые не вошли в первый подготовленный силами участниц кружка сборник² и были, вероятно, предназначены для второго сборника, также посвященного творчеству и биографии Тургенева, который не состоялся.

Несколько из подготовленных для второго сборника работ были напечатаны позже. Так, «Запись беседы с Г. А. Лопатиным от 3 ноября 1913 г.», сделанная С. П. Петрашкевич-Струмилиной, была опубликована лишь в 1927 году.³ В 1930 году, публикуя эту запись, Пиксанов в предисловии к ней отметил:

---

¹ В «Краткой истории кружка», открывающей протокол, говорилось: «На первом заседании Николай Кириакович указал на те задачи, которые должны быть выполнены людьми, желающими подвергнуть научному изучению жизнь и творчество Тургенева. Были предложены следующие работы: I. Библиографическое выяснение матерьялов а). список писем б). воспоминания о Т—ве с). критическая литература. Выполнение взяла на себя С. М. Кавелина. II. Составление хронологической канвы Н. Г. Богданова. III. Т—в в его сношениях с западными писателями Н. К. Гинс. IV. Т—в и учителя его философской мысли Г. Н. Сысоева. Обязанности секретаря кружка были возложены на Н. К. Гинс. За содействием с целью снабжения книгами решено обратиться к Ф. А. Витбергу» (*ИРЛИ*. Библиотека Н. К. Пиксанова. № 5216. Л. 2).

² См.: Тургеневский сборник. Новооткрытые страницы Тургенева. Неизданная переписка. Воспоминания. Библиография / Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова. Пг., 1915; с посвящением: «Посвящается Петроградским Высшим женским курсам». В Библиотеке Пушкинского Дома хранится экземпляр сборника, поступивший, вероятно, вместе с книжным собранием Ф. А. Витберга, на котором имеется дарственная надпись Пиксанова: «Глубокоуважаемому Федору Александровичу Витбергу. От признательного Тургеневского Кружка и его руководителя» (шифр: 1937к / 417). См. иллюстрацию на с. 777.

³ См.: Красная новь. 1927. № 8. С. 164–176. См. также: *Т в восп рев.* С. 109–136.

«Отсутствие мемуаров, написанных самим Лопатиным, восполняется в отношении Тургенева записью беседы с ним С. П. Петрашкевич-Струмилиной. Беседа происходила 3 ноября 1913 года, и запись ее, просмотренная и снабженная собственноручными поправками Г. А. Лопатина, предназначалась для несостоявшегося второго выпуска „Тургеневского сборника“ <...>».⁴ Переданные Тургеневскому кружку воспоминания о Тургеневе ученицы П. Виардо С. И. Ромм (Гуревич) появились в печати лишь в 1916 году.⁵

В предисловии «От редактора» к первому выпуску «Тургеневского сборника» Пиксанов изложил историю создания Тургеневского кружка из слушательниц Петроградских Высших женских курсов: «В течение нескольких лет руководя на Курсах семинарием по новой русской литературе, я ставил задачей <...> собирание и разработку новых, еще нетронутых литературных материалов».⁶ Остановившись на Тургеневе как на «„вечном спутнике“ культурного человечества» и отмечая кажущееся обилие тургеневской литературы, ученый был уверен, что «научное изучение знаменитого русского романиста едва начинается».⁷ К основным задачам историка литературы Пиксанов относил прежде всего издание критического, выверенного по рукописям и комментированного собрания сочинений, «какого вправе ожидать Тургенев»; планомерное собирание его писем, особенно неизданных; изыскание и сбор биографических материалов и публикацию архивных документов. «Необходимо энергично разыскивать новые текстуральные, эпистолярные, биографические материалы; но и того, что уже собрано, так много, что теперь же можно приступить к научной обработке накопленных данных».⁸ По мнению Пиксанова, «обширные знакомства писателя в самых разнообразных кругах русского и западноевропейского общества отозвались уже в печати обилием воспоминаний о нем. Но запас воспоминаний еще далеко не исчерпан. Еще здравствуют многие лица, близко знавшие Ивана Сергеевича, наблюдавшие его или в литературных кругах, или в общественной жизни, или в интимной домашней обстановке. Не все они поделились с читателями своими воспоминаниями, и на обязанности изучающих Тургенева

---

⁴ См.: *Т в восп рев.* С. 112.

⁵ См.: *Ромм С.* Из далекого прошлого: Воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе // *ВЕ.* 1916. № 12. С. 95–132. Впервые в сокращенном виде: *С. Г. <Гуревич С.>* Воспоминания об И. С. Тургеневе // *Заря.* 1883. 25 сентября. № 207. В протоколе заседания кружка от 14 февраля 1914 г. приведена небольшая запись беседы Сысоевой с ученицей П. Виардо Софьей Евсеевной (Исаевной) Ромм (урожд. Гуревич), дополняющая ее опубликованные воспоминания о Тургеневе (см.: Библиотека Н. К. Пиксанова. № 5216. Л. 2–2 об.).

⁶ *Пиксанов Н.* От редактора // *Тургеневский сборник.* Новооткрытые страницы Тургенева. С. VII.

⁷ Там же. С. VIII.

⁸ Там же. С. VIII–XII.

12к

Посвящается
Петроградским Высшим
Женским Курсам.

384

Турбоузеловскому
Одору Александровичу
Витбергу

От признательной Тургеневскому
Кружка и его руководителю.

«Тургеневский сборник» (Пг., 1915).
Шмуцтитул с дарственной надписью Н. К. Пиксанова Ф. А. Витбергу

лежит забота о том, чтобы всеми мерами способствовать записям и обнародованию в печати этих воспоминаний, пока еще не поздно».⁹

Среди здравствующих лиц, к кому обратились кружковцы, оказалась и Е. И. Бларамберг. Возможно, именно Витберг посоветовал посетить мемуаристку, так как состоял с ней в переписке¹⁰ и по его инициативе тургеневские материалы Бларамберг экспонировались на юбилейной выставке 1909 года в Петербурге, организованной им и Б. Л. Модзалевским.¹¹ Пиксанов с благодарностью упоминает Витберга, предоставившего «в пользование кружка свою обширную коллекцию книг, оттисков и газетных вырезок по Тургеневу» и собиравшего «все свои обильные библиографические материалы» о писателе.¹²

Помимо публикуемой ниже краткой записи, составленной в 1914 году со слов Бларамберг участницей Тургеневского кружка Г. Н. Сысоевой,¹³ существовала, вероятно, более подробная версия, содержащая сведения, не вошедшие в имеющийся текст беседы (отзыв о П. Виардо и об отношении к ней Тургенева, о некоем письме Луизы Эрритт и пр. — факты, в которых, по выражению мемуаристки, «слишком много интим<ных> подр<обностей>, если это сообщ<ить>

---

⁹ Пиксанов Н. От редактора. С. XI.

¹⁰ См.: *ИРЛИ*. Ф. 52. Оп. 3. № 240. Л. 2–12.

¹¹ См.: Каталог выставки в память И. С. Тургенева в императорской Академии наук. Март 1909 / <Сост. Б. Л. Модзалевский, Ф. А. Витберг>. СПб., 1909. Витбергу принадлежит литературно-библиографическая часть каталога: С. 110–182. В этом же году в июле вышло 2-е изд. каталога, испр. и доп., в котором имена составителей были указаны.

¹² Пиксанов Н. От редактора. С. XVI. Среди лиц, оказавших «деятельную помощь» начинаниям кружковцев, Пиксанов называет также С. А. Венгерова, который «гостеприимно открыл нам доступ в свой богатый литературно-библиографический архив»; Ф. А. Брауна, содействовавшего «своими компетентными указаниями» розыску «литературных материалов за границей»; Д. Ф. Кобеко, которому «мы обязаны доступом к рукописным и книжным богатствам императорской Публичной библиотеки, где встречали также просвещенное содействие И. А. Бычкова и В. И. Савитова»; В. И. Срезневского, помогавшего в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук; а также имена Э. П. Юргенсона, Л. М. Жуковской, предоставившей свои тургеневские материалы, Н. А. Овчинниковой, которая «пожертвовала значительные средства на покрытие типографских расходов по изданию сборника», и художника В. Н. Левитского, украсившего «его обложку своим рисунком» (Там же).

¹³ Никакими биографическими сведениями об участнице Тургеневского кружка Г. Н. Сысоевой, которой Пиксанов в 1912 г. предложил заниматься темой «Тургенев и учителя его философской мысли», а также о ее дальнейших научно-литературных занятиях не располагаем. Возможно, что это поменявшая фамилию в связи с замужеством Галина Николаевна Борисоглебская, имеющая те же инициалы, которая в семинарии Пиксанова «собирала материалы для характеристики философского образования и воззрений Тургенева» (Там же. С. XV). Однако о ней и ее дальнейшей исследовательской работе также не удалось отыскать никаких сведений.

в печать, то оно будет носить „сплетнический характер“»). Местонахождение полного текста этой записи неизвестно. Имеющаяся краткая запись 1914 года дополняет публикуемые выше обширные воспоминания писательницы 1904 года.

Запись печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Библиотека Н. К. Пиксанова. № 5216, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных особенностей стиля автора. Здесь же публикуется выдержка из краткой истории Тургеневского кружка, составленной Н. К. Гинс.

Из истории Тургеневского кружка (в записи Н. К. Гинс)

14-го февраля 1914 г.

Николай Кириакович расспрашивает членов об их работах: Г. Н. Сысоева сообщает о том, что, продолжая начатое ею изучение философского мирозерцания Т<ургене>ва, она в то же время предприняла несколько визитов к современницам Т<ургене>ва: Анне Карл<овне> Субботиной, Соф<ье> Евс<еевне> Ромм — ученицам Виардо, сообщившим ей несколько мелких фактов из жизни И. С. Т<ургене>ва в период их знакомства, и Апрелевой-Ардовой, сделавшей некоторые дополнения к составленным ею воспоминаниям.

Г-же Сысоевой предложено было записать полученные сведения и передать их в Кружок, на что она согласилась.

Дополнения к воспоминаниям Е. И. Бларамберг о Тургеневе в записи Г. Н. Сысоевой

Г-жа Ардова-Апрелева, урожденная Бларамберг.

На мою просьбу обработать записанное мною или продиктовать сызнова она отвечала, что в записанном мной (ее отзыв о Виардо и об отн<ошении> к ней Т<ургене>ва, о письме Луизы Эритт и пр.) слишком много интимн<ых> подр<обностей>, если это сообщ<ить> в печать, то оно будет носить «сплетнический характер». Сама она не упоминала обо всем этом в своих воспоминаниях, опасаясь того же самого.

Фотографическую карточку согласилась дать условно (если позволят сыновья отдать единственный экземпляр).¹

Предложила задать ей вопросы. Ответила только на 3.

1. Отличались ли рукописи от напечатанных произведений?

В них было всегда много поправок, к<а>к в рукописях Толстого. В руках А<рдовой>-А<прелевой> была одна из рукописей Ив<ана> Серг<еевича>.

кажется «Переписка». Эта рукопись передана была Викт<ору> Петр<овичу> Острогорскому.² Чтение же вслух ей пришлось слышать только раз в доме Виардо — «Бурмистр» и выдержки из «Нови», которая тогда была в корректуре.³ В корректурных листах главы о хождении Марианны в народ не было, хотя некоторые и говорили обратное, за это она ручается.⁴

2. Как относился Т<ургенев> к Кавелиной?

Был о ней очень высокого мнения.

Она^a слышала его восторженные отзывы о Кавелиной, будучи у вдовы Серовой. Там же была Луиза Эритт. Т<ургене>в с энтузиазмом рассказывал о прениях между Кавелиной и преподавателем 6-ой гимназии, на которых он присутствовал.⁵ Вообще Т<ургене>в приветствовал с восторгом всякий зарождающийся талант. С восхищением аттестовал он рассказы молодой писательницы, писавшей в 79 г. в «Вестнике Евр<опы>» под псевдонимом Л. Нелидовой («Полоса», «Воробьиные ночи»), вышедшей потом замуж за Маклакова, родственника депутата, чуть ли не брата его.⁶ Восторгался г-жой Стечкиной, пославшей ему в Париж рукопись под заглавием «Варенька Ульмина», и прочил ей блестящую будущность, посетил ее даже в ее имении, с целью посмотреть, как живет талантливая молодая особа.⁷

3. Каков был образ жизни в Буживале?

Вставали в 8½ ч., затем подавался café au lait;⁶ за стол никто никогда не садился, каждый наливал себе и уходил. В 11 завтракали. В хорошую погоду в саду близ виллы Тургенева, который часто подсаживался и оживленно беседовал. После завтрака — русский самовар. Пили чай с варением из Спасского, после чего все расходились каждый по своим делам. Mme Виардо давала уроки почти до самого обеда. Иногда между 5 и 7-ью дамы приходили в кабинет Тургенева. Бывало чтение. Обычно читала Mme Эритт, друг<ие> работали. Mme Виардо прекрасно вышивала, а Claudie писала красками портр<ет> Апрелевой.

Тургенев частью слушал чтение, частью работал. Обедали в 7. Затем занимались музыкой, играли на воздухе в разные игры. Около 12-ти обязательно расходились по своим комнатам.⁸

* * *

Летом Т<ургене>в уезжал обычно в Россию. Иногда ездил даже 2 раза в год.

---

^a Сверху вставлено: Ардова

⁶ кофе с молоком (франц.).

«Четверги» бывали только зимой. Их посещали Флобер, Сен-Санс и др.⁹

В Москве Т<ургене>в был очень хорош с Писемским и очень уважал Madame Писемскую, урожденную Свиньину (ее отец изд<авал> «Отечественные записки»),¹⁰ был также хорош с Островским.¹¹

Дача Буживаль, Лефрен и дом Виардо, по слухам, проданы.¹²

Лучший портрет Т<ургене>ва писан художником Харламовым. Он, кажется, имеется в музее Алекс<андра> III.¹³

Дочь Тургенева не говорила по-русски. Наружностью очень походила на отца.¹⁴

В очень хороших отношениях Т<ургене>в состоял с М. Г. Савиной, и именно благодаря ей пьесы его («Месяц в деревне», «Где тонко, там и рвется») пошли в театр.¹⁵

Тургенев обожал отца. «Первая любовь» — автобиографическое произведение.¹⁶

Мать он изобр<азил> в «Муму» и «Постоялом дворе».

Нечаев приезжал в Женеву, когда там был Герцен.¹⁷ Огарев тоже был в Женеве.

¹ Вероятно, имеется в виду фотографический снимок самой Бларамберг (фотография И. Бранденбурга, 1875), экспонировавшийся на Тургеневской выставке 1909 г. В аннотации значится: «Получен от нее самой» (см.: *Каталог выставки*. № 668; см. также: «Реестр писем...»; № 8 во вступит. статье).

² *Острогорский Виктор Петрович* (1840–1892), известный педагог, литератор, общественный деятель, автор учебных пособий по истории и литературе; редактор журналов «Детское чтение» (1877–1884), «Дело» (1883–1884), «Воспитание и обучение» (1885) и др. Став редактором «Детского чтения», Острогорский в октябре ст. ст. 1877 г. обратился к Тургеневу с просьбой «не отказать украсить журнал каким-нибудь доступным детям небольшим Вашим рассказом...» (цит. по: *ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 487). Тургенев ответил 6 (18) октября 1879 г. и обещал написать рассказ для издания (см.: Там же. С. 146). Известно, что писатель встречался с Острогорским 9 (21) марта 1879 г. Рассказ для «Детского чтения» написан не был. Сведения о том, что рукопись чернового автографа «Переписки», хранящаяся в ИРЛИ (Ф. 93. Оп. 3. № 1261), поступила от Острогорского, обнаружить не удалось (см. также: *ПССиП(2). Соч.* Т. 5. С. 390).

³ Вспоминая об этом, Бларамберг писала: «Вскоре вслед за тем познакомилась я в корректурных же листах и со второй частью „Нови“» (см. наст. том, с. 721).

⁴ О вставках и исправлениях, в том числе в трактовку образа Марианны, сделанных Тургеневым в корректуре «Вестника Европы», см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 9. С. 501–509. Вероятно, под «некоторыми» Бларамберг имеет в виду М. П. Драгоманова, свидетельствующего, что цензура изъяла из «Нови» две сцены, одна из которых — описание «хождения в народ» Марианны (см.: Там же. С. 508).

⁵ О диспуте между С. К. Кавелиной и В. Д. Сиповским см. примеч. 12 к воспоминаниям Бларамберг.

⁶ О Л. Ф. Нелидовой см. примеч. 47 к воспоминаниям Бларамберг. Повесть Нелидовой «Воробьиные ночи» см.: *ВЕ*. 1881. № 5–7.

⁷ О Л. Я. Стечкиной и ее первой повести «Варенька Ульмина» см. примеч. 46 к воспоминаниям Бларамберг.

⁸ Ср. с описанием в «Воспоминаниях» (С. 710).

⁹ Подробнее о знаменитых «четвергах» в доме П. Виардо см. воспоминания Бларамберг (С. 700–704) и примеч. 22.

¹⁰ Речь идет о жене писателя Е. П. Писемской (1829–1891), дочери *Павла Петровича Свиньина* (1787–1839), литератора 1820–1830-х гг., издателя «Отечественных записок» (1820–1830). Тургенев, восхищенный ее умом, обаянием и добротой, писал Писемскому: «...не забывайте, что вы выиграли главный куш в жизненной лотерее: имеете прекраснейшую жену и славных детей» (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 10. С. 180. Письмо от 22 апреля (4 мая) 1870 г.). «А при мне, — вспоминала Бларамберг, — он (Тургенев. — *С. И.*) однажды выразился так: „Ему (Писемскому) хорошо... Около него Богородица...“ / Предо мной ярко встает светлый образ Екатерины Павловны, всегда ровной, спокойной, всепрощающей, бережной к своему немощному, слабому и далеко не добродетельному мужу. Ровность эта, спокойствие, выдержка происходили не от душевной апатии или холодности. Умная, нежная, кроткая, она, выйдя из литературной семьи, лелеяла в муже талант, жила его литературными интересами и всего больше страшилась быть заставой на его пути. В минуты горя она затаивала скорбь, не открывая души своей даже близким людям и только в молитве, — она была очень набожна, — находя себе облегчение. Образцовая хозяйка, Екатерина Павловна не только отстраняла от мужа заботы по домашнему обиходу, но и служила ему секретарем. Большая часть многотомных и многочисленных сочинений Писемского переписана ее рукой. / Какой это был немалый труд, может оценить только тот, кто знаком с перечеркнутыми, чернилами обрызганными, вкривь и вкось исписанными черновиками автора „Взбаламученного моря“. Кстати, в героине положительного типа этого романа, Евпраксии, Писемский изобразил свою жену» (*Воспоминания о Писемском (1)*. С. 4).

Анненков вспоминал: «Эта примерная женщина умела успокоить его болезненную мнительность и освободила его не только от забот по хозяйству и воспитанию детей, но что важнее — освободила его и от своего вмешательства в его личную, интимную жизнь, тоже исполненную капризов и порывов; она же и переписала на свой век по крайней мере две трети всех его сочинений с черновых оригиналов, представляющих всегда страшно запачканную макулатуру из кривых строчек, крупных каракуль и чернильных пятен» (*Анненков П. В. Художник и простой человек: Из воспоминаний об А. Ф. Писемском // ВЕ*. 1882. № 4. С. 633).

¹¹ Об отношениях Бларамберг с А. Н. Островским см. во вступит. статье, а также воспоминания Бларамберг и примеч. 17 к ним.

¹² Тургенев купил поместье в Буживале, пригороде Парижа, в 1874 г. для П. Виардо и назвал его «Ясени» («Les Frênes»; «Ле Френ»); рядом для себя он построил небольшой дом-шале в швейцарском стиле, в котором прожил последние годы жизни (1875–1883). В настоящее время здесь находится Музей Ивана Тургенева.

¹³ Портрет, написанный А. А. Харламовым (1875), писатель считал одним из лучших. См. также воспоминания Бларамберг и примеч. 26 к ним.

¹⁴ Речь идет о внебрачной дочери Тургенева, впоследствии удочеренной им, П. И. Тургеневой. См. примеч. 84 к воспоминаниям Блаرامберг.

¹⁵ О М. Г. Савиной см. примеч. 135 к воспоминаниям Бларамберг. Вероятно, говоря о причастности Савиной к успеху комедии «Где тонко, там и рвется» (1848), в которой актриса никогда не играла, Бларамберг имела в виду «Провинциалку» (1851). 16 (28) марта 1879 г. состоялся вечер в пользу Литературного фонда, на котором Тургенев и Савина прочитали сцену из комедии «Провинциалка» (диалог графа Любина и Дарьи Ивановны). Актриса вспоминала: «Нечего и говорить об овациях после окончания чтения. Ивана Сергеевича забросали лаврами. Вызывали без конца...» (*Савина М. Г. Мое знакомство с И. С. Тургеневым*. С. 354–355).

¹⁶ Об автобиографической основе повести «Первая любовь» (1860) Тургенев говорил неоднократно. Н. А. Островская, передавая его рассказ, вспоминала: «В „Первой любви“ <...> я изобразил своего отца. Меня многие за это осуждали, особенно за то, что я этого не скрывал. Но я думаю, что дурного тут ничего нет и скрывать мне нечего. Отец мой был красавец <...> Обыкновенно он держался холодно, даже неприступно, но стоило ему захотеть понравиться, — в его лице, в его манерах появлялось что-то неотразимо очаровательное. Особенно он становился таким с женщинами, которые ему нравились» (см.: *Т в восп совр* (2). Т. 2. С. 74). А. В. Половцев приводит в своих воспоминаниях следующие слова Тургенева: «Одну только повесть я перечитываю с удовольствием. Это „Первая любовь“. Она, пожалуй, мое любимое произведение. В остальном — хотя немного, да выдуманно, в „Первой любви“ же описано действительное происшествие без малейшей прикраски, и при перечитывании действующие лица встают как живые предо мною» (*Царь-колокол*. Иллюстрированный всеобщий календарь на 1887 г. С. 77; см. также: *Чернов Н. Повесть И. С. Тургенева «Первая любовь» и ее реальные источники // ВЛ*. 1973. № 9. С. 225–241; *ПССиП(2)*. Соч. Т. 6. С. 479–480, коммент. Е. И. Кийко).

¹⁷ *Нечаев Сергей Геннадьевич* (1847–1882), деятель революционного движения, создатель организации «Народная расправа». В 1869 г. инициировал убийство студента И. И. Иванова, пытавшегося выйти из этой организации; изображен Достоевским в «Бесах» (Петр Верховенский) и Тургеневым в «Нови» (революционер-заговорщик Василий Николаевич — см.: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 9. С. 488). Тургенев интересовался делом участников «Народной расправы» («нечаевское дело»), слушавшимся в июне — августе 1871 г. Возможно, писатель был лично знаком с Нечаевым через А. И. Герцена (см.: *ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 383–384).